

Смирнов С. Д.

**ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗА: ПРОБЛЕМА
АКТИВНОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО
ОТРАЖЕНИЯ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Москва - 1985

Рецензенты:

В. П. Зинченко, доктор психологических наук,
В. Я. Романов, кандидат психологических наук

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

В монографии дается исторический обзор и излагаются результаты современных психологических исследований активной природы познавательного образа. Возможность преодоления представлений о психическом образе как имеющем реактивную и адаптивную природу автор связывает с использованием достижений философского анализа категорий «отражение», «деятельность», «активность» и разработкой понятия «образ мира» в контексте общепсихологической теории деятельности.

Для психологов, философов, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов и читателей, интересующихся психологией.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Парадоксы современной теории психического образа

Образ как психологическое понятие имеет более чем двадцатипятивековую историю. Попытки исключить его из системы психологических категорий, предпринятые в начале XX века в ходе антименталистского «бунта», закончились, по меткому выражению Р. Хольта [419], «возвращением образа из изгнания» и восстановлением этого понятия даже в таком крайнем течении, как бихевиоризм [265]. Будучи одним из наиболее фундаментальных и массовидных проявлений психического, образ все еще остается труднодоступным для конкретно-научного исследования. Хотя мы и располагаем надежными философско-методологическими ориентирами для построения последовательно материалистической теории психического образа, в целом решение вопроса о его природе «в настоящее время остается на стадии правдоподобных гипотез» [400, с. 111]. Приведем для примера несколько вопросов, которые длительное время волнуют умы ученых, но до сих пор не могут считаться полностью решенными.

Все материальные процессы, обеспечивающие построение и функционирование образа и выступающие тем самым в роли его субстрата, локализованы в границах нашего тела, а результат их работы — психический образ — «прописан» во внешнем мире. «Воспринимать кресло, — говорил П. Жане, — это значит видеть предмет, в который можно сесть, а воспринимать

дом, еще более сильно говорил фон Вейцекер, — это значит видеть не образ, который попал в глаз, а, напротив, узнать объект, в который можно войти» [314, с. 27]. Это свойство восприятия называется его предметностью, или объективированностью. Многие философы и психологи связывают его с участием моторики и предметной деятельности в целом в процессах построения образа. Особенно важный шаг в этом направлении был сделан И. М. Сеченовым, однако завершенной теории, объясняющей изначально отнесенность всех наших ощущений и восприятий к внешнему миру, до сих пор не существует.

Другой удивительной чертой психического отражения является непрерывность («неразорванность») нашего образа реальности во времени и пространстве, несмотря на неполноту и фрагментарность сенсорных данных. Так, мы не видим провала в том участке зрительно воспринимаемого пространства, который соответствует слепому пятну; мы не замечаем исчезновения образа в момент перевода взгляда из одной точки пространства в другую, хотя во время скачка глаз ничего не может видеть из-за смазывания изображения на сетчатке и вследствие так называемого «саккадического подавления». Нам кажется, что мы одновременно четко воспринимаем значительную часть зрительного пространства, хотя на самом деле изображение высокой четкости может быть обеспечено в каждый момент лишь для участка пространства, соответствующего центральному полю зрения, имеющему размер менее двух угловых градусов (это примерно соответствует тому участку пространства, которое перекрывается 3-копеечной монетой, удерживаемой на вытянутой руке). Наше восприятие способно восполнять недостающие сенсорные данные, так что мы иногда совершенно отчетливо можем видеть то, чего на самом деле нет.

Вызывает удивление сохранность константного, инвариантного образа предмета при изменении условий восприятия в широких пределах, что неизбежно влечет за собой резкие изменения в характере внешних воздействий на наши органы чувств. Белая бумага и в полутьме видится нами белой, несмотря на то что она отражает в тысячи раз меньше света, чем черный уголь под прямыми лучами солнца, который воспринимается как черный. В два раза более удаленный предмет не кажется нам в два раза меньше. При относительном движении объекта и наблюдателя поток стимуляции претерпевает постоянные и часто очень резкие изменения, но объекты нами видятся как неизменные. Еще Г. Гельмгольц обратил внимание на то, что все предметы, расположенные ближе и дальше точки зрительной фиксации, дают двойную проекцию на сетчатках обоих глаз, тем не менее мы обычно видим их нераздвоенными [99, с. 66—67].

Примеры, приведенные в двух предыдущих абзацах, говорят о неоднозначной связи между стимуляцией и вызываемыми ею чувственными впечатлениями, с одной стороны, а также чувственными впечатлениями и образом восприятия — с другой. Известный американский психолог Дж. Гибсон собрал факты, свидетельствующие о том, что образ восприятия не обязательно предполагает наличие чувственных впечатлений определенной

модальной окрашенности [471]. Примером может служить образ-схема своего тела. Попробуйте, закрыв глаза, дотронуться указательным пальцем руки до кончика своего носа и понаблюдайте, какое чувство направляет движение руки. Чувственные впечатления в этом случае очень трудно определить — мы просто «знаем» относительное положение пальца и носа. В других случаях чувственная основа образов восприятия может нами осознаваться неадекватно, тем не менее сам образ может быть адекватным. Так, слепым кажется, что они чувствуют препятствие кожей лица, а на самом деле это чувство основано на слуховых эхо-эффектах [471, с. 2].

Эти и многие другие факты говорят о полной несостоятельности все еще бытующего представления о том, что образ восприятия складывается из отдельных ощущений чуть ли не как дом из кирпича. Ведь этот «дом» разваливался бы всякий раз, когда мы совершаем некоторое движение относительно воспринимаемого объекта или когда изменяются условия восприятия, поскольку при этом состав чувственных впечатлений резко изменяется. Однако образ остается тем же самым, константным.

Высшую ступень чувственных образов занимают образы представления, возникающие в отсутствие объекта в поле восприятия. Пытаясь представить себе даже очень хорошо знакомого человека, мы каждый раз улавливаем лишь определенные фрагменты или отдельные черты его целостного облика. В этом случае какая-то характерная деталь замещает образ в целом. П. П. Блонский называет это свойство образа-представления «синекдохичностью» [51, 2, с. 205]. Еще более резкая качественная грань отделяет чувственный образ от понятия. Именно в этой связи В. И. Ленин отмечал: «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли...» [3, 29, с. 256]. Трудность проблемы в том, что «исходя из чувственности невозможно понять переход к мышлению, понять его особенности» [194, с. 55]. Поэтому представляются наивными попытки очертить переход от образа к понятию через указание на убывающую представленность чувственной оформленности при движении от образа восприятия (единичные представления) к общему представлению и затем понятию (см., напр.: [344, с. 71]). В то же время нельзя отрицать тесную связь между чувственным образом и понятием¹. Откуда возникают понятия, если не из чувственности?

Разумеется, исследователи много делают, чтобы ответить на этот вопрос, но все попытки дать объяснение происхождению и функционированию различных психических образов в рамках единой системы понятий приводят к ряду парадоксов и противоречий. Разберем некоторые из них.

В любом учебнике можно прочесть, что процесс восприятия начинается с воздействия стимулов на наши органы чувств. Но на нас одновременно воздействует огромное число стимулов. Чем же определяется то, какие стимулы будут восприняты и приведут к построению образа предмета — источника стимуляции, а какие нет? По-видимому, это определяется значимостью объектов — источников стимуляции, их отношением к целям и условиям нашей деятельности и т. д. Однако, прежде чем мы оценим эту значимость, объект нужно воспринять. Получается замкнутый круг. С

указанным парадоксом связан еще один. Если оставить пока в стороне позицию гештальтпсихологов и особую точку зрения Э. и Дж. Гибсонов на процесс восприятия [105; 106], то абсолютное большинство психологов указывает на решающую роль следов предыдущих воздействий данного объекта на наши органы чувств в последующих его восприятиях. Тогда встает вопрос: «Что воспринимает наблюдатель до того момента, когда следы памяти начинают определять перцептивную организацию? Стимул присутствует, но он либо не организован, либо организован иначе, чем он будет организован мгновением позже, когда в действие вступит след памяти» [337, 2, с. 50]. Но, спрашивает далее И. Рок, «каким образом можно заранее выбрать релевантный след среди всех других следов, хранящихся в нервной системе»... «сказать, что след определяет восприятие, означает сказать, что след выбирается до возникновения восприятия» [337, 2, с. 51]. На эту проблему указывает и П. Колерс: «как подсказывает наша интуиция, мы часто не знаем, что мы видим, пока не узнаем, на что мы смотрим; иными словами, идентификация предшествует распознаванию» [188, с. 78]. По мнению У. Липпманна, «в большинстве случаев мы не сначала видим нечто, а потом его определяем, но сначала определяем, а потом видим... Мы воображаем многие вещи, прежде чем мы приобретаем опыт взаимодействия с ними. И эти «преконцепции»... глубоко управляют процессами восприятия» [490, с. 19].

Перечисленные парадоксы и проблемы, а также многие другие лишь отражают общее неудовлетворительное состояние психологической теории познавательных процессов. Известный советский психолог А. Н. Леонтьев дает следующую характеристику современного состояния теории восприятия: «По признанию самых авторитетных авторов, сейчас не существует никакой убедительной общей теории восприятия, способной охватить накопленные знания, наметить концептуальную систему, отвечающую требованиям диалектико-материалистической методологии. В психологии восприятия остаются по существу непреодоленными физиологический идеализм, прикрытый новой терминологией, параллелизм и эпифеноменализм, субъективный сенсуализм, вульгарный механицизм.

...В результате в сводных работах, претендующих на широкий охват проблемы, торжествует откровенная эклектика. Жалкое состояние теории восприятия при богатстве накопленных конкретных знаний свидетельствует о том, что сейчас создалась острая необходимость пересмотреть то принципиальное направление, в котором движутся исследования. ...А это требует коренного преобразования самой постановки проблемы психологии восприятия и отказа от ряда мнимых постулатов, которые по инерции в ней удерживаются» [225, с. 3—4].

Такая оценка современного состояния конкретно-психологической теории восприятия может показаться слишком резкой, тем более что сам А. Н. Леонтьев наряду с другими советскими психологами внес большой вклад в развитие теории и методов изучения восприятия. Возможно, повышенная критичность этой оценки была связана именно с необходимостью

подготовить почву для разработки нового подхода к исследованию познавательных процессов, который был намечен Леонтьевым в его последних выступлениях и публикациях и который он связывал с разработкой понятия «образ мира» в контексте деятельностной трактовки природы и сущности психического [224; 225; 227].

Автор настоящей книги принадлежит к числу учеников Алексея Николаевича Леонтьева, испытавших на себе огромное влияние его личности, стиля мышления и идей. Поэтому изложенные здесь размышления во многих случаях имели своим источником его книги, статьи, выступления и даже записи для себя². Это, конечно, не означает, что Алексей Николаевич одобрил бы все, что здесь изложено, но нельзя не отметить решающего влияния его идей на формулирование задач настоящего исследования и выбор подходов к их решению. Субъективная задача автора состояла в том, чтобы попытаться развить некоторые положения, выдвинутые Леонтьевым в плане движения к преодолению неудовлетворительного состояния современной теории психического образа, поиску новых путей его конкретно-психологического исследования. Не автору судить, насколько удалось воплотить это субъективное стремление в объективных результатах. Но даже небольшой шаг вперед в решении таких трудных задач имел бы важное значение для развития всех областей современной психологии.

§ 2. Философско-методологические ориентиры и план работы

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС была вновь подчеркнута непреходящая ценность марксистско-ленинской методологии для всех общественных наук [4, с. 34—35]. К их числу относится и психология. Поскольку в настоящей работе речь будет идти об определенном пересмотре традиционного предмета психологии познавательных процессов, особое значение приобретает философско-методологическое обоснование такого пересмотра, ибо, как справедливо отмечает Е. А. Будилова [64, с. 5], определение предмета психологической науки и ее задач зависит от решения вопроса о природе психического, всегда связанного с философским воззрением на отношение духа и материи, сознания и бытия. Линия философско-методологического анализа будет представлена в развернутом виде еще и потому, что современная марксистско-ленинская философия накопила большой и эвристически ценный для психологии материал в ходе анализа таких понятий, как отражение, деятельность, активность, детерминация. И хотя результаты этого анализа не могут быть прямо перенесены в психологию и необходимо «преломление или преобразование содержания философии формирующейся психологической теорией» [21, с. 55], тем не менее значение философских разработок для психологии невозможно переоценить. К сожалению, современная психология ослабила внимание ко всему новому, что делается в рамках философского анализа пограничных проблем. К чести же философов следует сказать, что они все шире используют данные психологии прежде всего при разработке теории

познания диалектического материализма в полном соответствии с указаниями В. И. Ленина [3, 29, с. 314].

А. Н. Леонтьев также начинает обоснование нового подхода к пониманию познавательных процессов с формулирования исходных философских положений: «Все советские авторы исходят из фундаментальных положений марксизма, таких, как признание первичности материи и вторичности духа, сознания, психики; из положения о том, что ощущения и восприятия являются отражением объективной реальности, функцией мозга. Но речь идет о другом: о воплощении этих положений в полном их содержании в практике исследовательской психологической работы; об их конкретизации и творческом развитии в самой, образно говоря, плоти исследований восприятия» [225, с. 4]. И далее: «Ленин сформулировал и чрезвычайно важную мысль о принципиальном пути, по которому должен идти последовательно материалистический анализ проблемы. Это путь от внешнего объективного мира к ощущению, восприятию, образу» [225, с. 4].

Суть вопроса заключается в том, как понимается сам «мир»; от какого «объективного мира» должен отталкиваться анализ. Домарксовый и современный метафизический материализм рассматривают предмет, действительность только в форме объекта или в форме созерцания. В марксизме предмет берется в форме человеческой чувственной деятельности, практики [1, 3, с. 1]. Разумеется, с появлением человека природа не прекращает своего существования в форме объекта. Но как только мы начинаем рассматривать ее в оппозиции к человеку, т. е. как «мир», в котором существует человек, она превращается в форму деятельности. Да и та часть природы, которая непосредственно еще не вовлечена в орбиту человеческой деятельности, уже приобрела с появлением человека новое качество — полагать себя (через включение в деятельность) в человеческой чувственности в человеческом мышлении.

Эту мысль многократно подчеркивает С. Л. Рубинштейн в работах «Бытие и сознание» и «Человек и мир» [342; 343]. «С возникновением нового уровня сущего во всех ниже лежащих уровнях появляются новые свойства» [343, с. 330]. «Характеристика существования в мире, в котором есть человек, заключается в том, чтобы «являться» человеку, быть данным в ощущении» [343, с. 283]. Леонтьев называет это новое свойство, появляющееся с возникновением человека у всех вещей, свойством полагать себя в нашей субъективности [225, с. 4].

Нам необходимо уже сейчас, во введении, более подробно остановиться на этом вопросе, поскольку без опоры на него невозможно сформулировать задачу настоящего исследования. Кроме того, именно здесь лежит источник одного из самых распространенных предрассудков, определяющих теоретическую и методическую ограниченность современных подходов к изучению психического образа.

Подход метафизического материализма, который до сих пор господствует в обыденном сознании (а иногда и в сознании ученых), состоит в том, что образ, возникающий в результате воздействия некоторого объекта на наши

органы чувств, считается принадлежностью только субъекта и остается совершенно внешним и безразличным по отношению к оригиналу, копией которого (более или менее совершенной) он является. Мир образов мыслится наподобие мира теней, которые никак не могут влиять на те предметы, которые эти тени отбрасывают. Это кажется тем более очевидным в случае образа-представления или понятия. На самом деле образ не есть нечто совершенно внешнее по отношению к объекту, его породившему; это — одно из явлений объекта, одно из проявлений его сущности, но такое, которое обнаруживает свое существование в особых условиях взаимодействия предмета не с другими неживыми объектами, а совершенно особым объектом — человеком; и не просто с человеком, а таким, за которым стоит все человечество.

Разумеется, субъективный характер образа делает его совершенно особым проявлением сущности того объекта, который он презентует. Однако здесь уместно вспомнить положение В. И. Ленина о том, что «различие субъективного от объективного есть, НО И ОНО ИМЕЕТ СВОИ ГРАНИЦЫ» [3, 29, с. 90], а также отмеченные им знаком NB слова Г. Гегеля: «Превратно рассматривать субъективность и объективность как некую прочную и абстрактную противоположность. Обе вполне диалектичны...» [3, 29, с. 166].

Чтобы утверждение о том, что образ не только в гносеологическом, но и в онтологическом плане принадлежит и субъекту, и объекту, не показалось идеалистическим, достаточно вспомнить, что любое проявление сущности объекта возможно лишь во взаимодействии с другими объектами и что сущность вещи исчерпывается совокупностью ее проявлений во взаимодействии с другими вещами. Мы вернемся еще к обоснованию этих положений, а сейчас можно сделать вывод о том, что с появлением качественно новой «вещи» — человека — все объекты приобрели новые свойства, которые их сущность не могла обнаружить во взаимодействии ни с одним другим объектом, ибо появился принципиально новый тип взаимодействия в форме сознательной деятельности человека, целенаправленно преобразующей природные объекты. Человеческая деятельность достраивает субстанцию самой природы, пробуждая в объектах такие сущностные свойства, которые без человека никогда бы себя не обнаружили.

Возвращаясь к вопросу о том, от какого мира идти к изучению субъективных феноменов, им вызываемых, нужно сказать вполне определенно — от мира очеловеченного, преобразованного самим присутствием человека и частично созданного его деятельностью, а не от мира, каковым его можно помыслить до или вне присутствия человека. Такой мир есть чистая объективность, постулируемая метафизическим материализмом, который безуспешно пытается решить проблему субъективации в каждом отдельном акте восприятия или действия. В результате возникает как бы два вида действительности — «в форме объекта» и «в форме деятельности». Ясно, что в хронологическом плане действительность «в форме объекта» является первичной. Однако в плане

становления и развития индивида и его психического отражения действительность «в форме деятельности» является исходным пунктом анализа. Именно так решается этот вопрос в некоторых современных работах: «Для преодоления рудиментов домарксовского метафизического материализма необходимо из двух видов действительности «в форме объекта» и «в форме деятельности» последнему придать статус онтологической и логической фундаментальности, первичности по отношению к объекту и по отношению к субъекту. Деятельность — это такая целостность, полюсами которой выступают объект и субъект. Расчленение деятельности на взаимодействующие компоненты — это всегда условная акция» [251, с. 16]. Аналогичным образом можно, по-видимому, интерпретировать высказывание С. Л. Рубинштейна о том, что марксизм противопоставляет действию материи на человека его преобразующее воздействие на материальный мир и превращает эти преобразующие воздействия на мир в главную силу [343, с. 277].

Для подтверждения приведем пространную цитату из красочного описания преобразованного присутствием человека объективного мира, который является отправной точкой для анализа любых субъективных явлений. «Здесь раскрывается значение, «смысл», который приобретает бытие, выступая как «мир», соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого. Вселенная с появлением человека — это осознанная, осмысленная Вселенная, которая изменяется действиями в ней человека. Существует не только Вселенная как безотносительная к субъекту, осознающему ее человеку (человеку и его сознанию): чистая объективность и плюс субъект познания. Сама осознанная или осмысленная Вселенная, измененная или могущая быть измененной действиями в ней человека, есть объективный факт. Сама Вселенная — это уже не абстракция ее объективного бытия, она охватывает, включает в себя и человека, его сознание, его бытие в качестве осознанной осмысленной объективированности. Таким образом осознанность и деятельность выступают как новые способы существования в самой Вселенной, а не чуждая ей субъективность моего сознания» [343, с. 330—331]. На это же указывает и А. И. Герцен: «Мышление делает не чуждую добавку, а продолжает необходимое развитие, без которого вселенная не полна» [103, с. 37].

Близкие к этим мысли высказаны в весьма интересной, хотя и содержащей ряд дискуссионных положений статье В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили «Об объективном методе в психологии»: «Сознание, психические интенциональные процессы с самого начала привлекаются к анализу не как отношение к действительности, а как отношение в действительности» [159, с. 17]. И далее: «Субъективность сама входит в объективную реальность,

данную науку, является элементом ее определения, а не располагается где-то над ней в качестве воспаренного фантома физических событий... Говоря, что субъективность входит в реальность, мы имеем в виду, что она входит в ту реальность, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на «языке внутреннего». Только задав ее с самого начала (так же, как и в биологии, явление жизни) в трансцендентной по отношению к «языку внутреннего» части, мы можем затем выделить объективные процессы (идушие независимо от наблюдения и самонаблюдения), выделить стороны предмета психологического исследования, поддающегося объективному описанию. Потом уже поздно соединять сознание с природными явлениями и описывающими их терминами и мы никогда в рамках одного логически гомогенного исследования не выйдем к месту, где что-то кем-то мыслится, видится, помнится, воображается, узнается, эмоционально переживается, мотивируется...» [159, с. 16—17].

Ф. Е. Василюк убедительно показал невозможность понимания потребностно-мотивационной сферы человека в рамках «онтологии изолированного индивида», когда «и субъект и объект мыслятся изначально существующими и определенными до и вне какой бы то ни было практической связи между ними», а «пространство... пустое и бессодержательное только отъединяет их друг от друга» [72, с. 83]. Но в рамках такой онтологии невозможно осмыслить и познавательную сферу человека. Необходимо признать субъекта в качестве действующего, активного начала, не метафизически противопоставляемого миру, а диалектически связанного с ним системой взаимопереходов. При этом активность человека выступает на первый план не только в исходной форме его отношения к миру — чувственно практической деятельности, но и в форме познавательного отношения. «Само познание, будучи отражением, всегда выступает вместе с тем особым рода деятельностью, а значит конструированием, созиданием, ибо деятельность всегда опредмечивается в тех или иных объектах» [212, с. 166]. Центральный теоретико-методологический тезис настоящей работы состоит в том, что обрисованное выше неудовлетворительное состояние теории и методов конкретно-психологических подходов к изучению познавательных процессов вызвано тем, что отправным пунктом анализа субъективных феноменов служит мир в его натуралистическом понимании как чистая объективность. Это в свою очередь вызвано неспособностью раскрыть истинную сущность активности субъекта в познании, понять его как деятельность.

Задача настоящей работы заключается в том, чтобы, опираясь на сформулированные выше философско-методологические положения, ассимилировав результаты философского анализа таких центральных для психологии понятий, как «отражение», «активность», «деятельность», и используя новейшие достижения в теории психологии, а также накопленные в ней эмпирические наблюдения и экспериментальные факты, попытаться обрисовать контуры нового подхода к пониманию психического отражения и

его продуктов — психических образов, который был намечен А. Н. Леонтьевым в его концепции «образа мира» как центрального понятия психологии познавательных процессов. Это, естественно, должно привести к определенным изменениям в понимании предмета психологии познания.

Указанная задача определила и план работы. В первой главе обобщаются результаты преимущественно философских исследований понятий «отражение», «активность», «деятельность». При анализе понятия «отражение» обращено специальное внимание на дифференциацию его от понятия «взаимодействие» уже на уровне неживой природы с одновременным указанием на тесную взаимосвязь этих понятий и взаимообусловленность явлений отражения и взаимодействия. Возникающие при этом теоретические проблемы и терминологические сложности, а также наметившиеся тенденции к их разрешению имеют прямую эвристическую ценность для решения проблемы соотношения психического отражения и предметной деятельности человека, поскольку отражение и взаимодействие представляют собой генетические корни психики и деятельности.

На основе анализа понятия «активность» формулируется принцип активности в оппозиции к принципу реактивности с тем, чтобы в последующих главах оценить степень его реализации в психологии познавательных процессов. Деятельность анализируется с точки зрения выделения ее конституирующих характеристик, видов и типов деятельности. Особый акцент делается на ее порождающем характере, на понимании субъекта и объекта как полюсов единой системы — деятельности. В заключительном параграфе главы раскрывается сложившееся в марксистской философии понимание человеческого познания как высшей формы отражения, имеющей деятельностную и общественно-историческую природу. Выделяются основные аспекты активности познавательного отражения при его деятельностной трактовке.

Во второй главе приводится историко-философский (до отделения психологии от философии) и историко-психологический материал, отражающий развитие представлений о сущности психических познавательных образов — тех процессов, которые приводят к возникновению образа и определяют характер его функционирования. При этом акцент делается на понимании сущности познавательной активности человека и выделении активных и пассивных начал познавательных процессов и познавательных образований как они трактуются в философско-психологических и собственно психологических концепциях, включая традиционно выделяемые школы психологии. Специальное внимание уделяется достижениям советской психологии в развитии представлений об активной, деятельной природе человеческой психики вообще и познавательных образований, в частности.

В заключение анализируется степень реализации в различных концепциях принципа активности и представлений о деятельностной природе психического отражения. Делается вывод, что даже в тех концепциях, где этим проблемам уделяется наибольшее внимание (например,

общепсихологическая теория деятельности), принцип активности реализован не полностью. Это связано, в частности, с тем, что доминирование генетического анализа, совершенно справедливо выдвигающего на первый план зависимость образа от деятельности, определяемость первой второй при рассмотрении источников и механизмов развития отражения, оставило на некоторое время в тени вторичную зависимость самой деятельности от психики, которая наиболее полно обнаруживается на стадии инициации и регулирования деятельности. Это относится и к собственно познавательной деятельности, например, восприятию, мышлению. Констатируется также непреодоленность отрыва образа от отражаемых объектов внешнего мира, что неизбежно ведет к его субстанционализации.

В третьей главе основное внимание уделено проблеме соотношения образа и деятельности, раскрывается ее решение, наметившееся в советской психологии. Дается изложение и последовательная критика наиболее распространенного взгляда на познавательные процессы как начинающиеся с воздействия стимуляции на органы чувств и завершающиеся построением психического образа «на выходе» (этот подход условно назван в работе «стимульной парадигмой» в противоположность «деятельностной парадигме»). Обосновывается утверждение, что любой познавательный акт, рассматриваемый в качестве подлинного действия, требует, как и всякое действие, исходных представлений о том результате, к которому оно должно привести, и о тех условиях, в которых оно будет протекать. Отсюда следует, что в функциональном плане любой познавательный акт начинается не с воздействия стимула, а с некоторой познавательной гипотезы относительно характера объекта, выступающего в качестве источника ожидаемой стимуляции. Эти познавательные гипотезы, генерируемые на всех уровнях отражения, и выражают собой саму суть познавательного движения от субъекта к объекту, т. е. реализуют активное начало человеческого знания, но не в плане его происхождения и развития, а в плане его функционирования.

14

Основное позитивное содержание работы связано с раскрытием содержания понятия «образ мира» как интегрального образования познавательной сферы личности, которое в функциональном плане выполняет роль исходного пункта и результата любого познавательного акта. Выделяются основные характеристики образа мира, его структурные компоненты. Рассматриваются проблемы зарождения и развития образа мира ребенка в ходе развития его общения и деятельности. В качестве основной характеристики образа, конституирующей его сущность, выступает деятельность и социальная природа образа мира человека.

В четвертой главе излагаются экспериментальные исследования некоторых аспектов активности субъекта в построении и функционировании познавательных образов. В первом цикле экспериментов изучалась структура перцептивной деятельности при решении задач с максимально бедным смысловым контекстом и одновременно сложных в чисто зрительном плане. Показано, что и при решении задач такого типа восприятие строится как

активный процесс, опирающийся на механизм выдвижения и проверки гипотез. Во втором цикле анализировались временные соотношения процессов построения образов и их использования в регуляции деятельности. Обнаружено, что даже в достаточно простой ситуации вербального воспроизведения зрительно предъявляемой последовательности букв моторный ответ не выступает простым рефлекторным продолжением процесса восприятия. Ему обязательно предшествует активность субъекта по построению целостного образа будущего ответа, который направляет и регулирует деятельность по воспроизведению воспринятого.

В третьем цикле экспериментов изучалась взаимосвязь перцептивной и интеллектуальной форм познавательной активности. Показано, что циклы восприятия обычно не совершаются при отсутствии сознательного контроля в форме внимания. В тех случаях, когда субъект занят другой деятельностью, в которую зрительное восприятие не входит в качестве условия ее осуществления, резко ограничивается возможность реализации перцептивных циклов. Это дает веские основания утверждать, что восприятие является деятельностью в полном смысле слова, т. е. деятельностью субъекта, а не функцией некоторой подсистемы. Задача четвертого исследования состояла в выявлении связей между способностью субъекта к продуцированию познавательных гипотез (многоуровневая система которых и составляет его образ мира) и характеристиками процесса восприятия. Обнаружена тесная корреляция между числом гипотез, выдвигаемых испытуемым в среднем за одну пробу, и успешностью опознания объекта по показателям скорости и безошибочности.

В Заключении подводятся краткие итоги работы и рассматриваются некоторые перспективы фундаментальных и прикладных исследований познавательных психических процессов.

Глава I

ОТРАЖЕНИЕ, АКТИВНОСТЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Анализ форм и природы активности психического отражения не может вестись без раскрытия содержания понятия «отражение», высшей формой которого являются человеческая психика, сознание. Последние возникают в ходе развития особого типа взаимодействия, связывающего человека с миром, и опосредованного связями с другими людьми. Этот тип взаимодействия (вернее, даже воздействия человека на мир), называемый деятельностью, с одной стороны, является главной формой реализации активного отношения человека к действительности, а с другой — порождает новые, все более высокие уровни активности.

§ 1. Отражение как категория материалистической диалектики. Соотношение понятий «отражение» и «взаимодействие»

«Объективная логика развития научных психологических знаний, — сказал А. Н. Леонтьев в президентской речи на XVIII Международном конгрессе по психологии, — все более настойчиво требует обратиться к

понятию отражения, которое является ключевым для теоретической психологии» [222, с. 8]. На первое место он поставил задачу проследить переходы от более простых уровней и форм отражения к более сложным [222, с. 9].

К сожалению, психологи редко обращаются к рассмотрению первичных форм отражения, лежащих «в фундаменте самого здания материи» [3, 18, с. 40]. «Логично предположить, — отмечал В. И. Ленин, — что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения» [3, 18, с. 91]. Разумеется, между отражением как всеобщим свойством материи и отражением психическим лежит огромная дистанция прогрессивного развития материи, усложнения ее организации. Тем не менее для обоснования последовательно материалистического взгляда на психику мы обязаны найти в исходных формах отражения материей самой себя предпосылки возникновения его высших форм.

Понятие отражения и даже принцип отражения относятся к фундаментальным понятиям и принципам материалистической диалектики. «Материализм без принципа отражения невозможен», — утверждает Г. А. Давыдова [128, с. 95], и попытки исключить его из диалектического материализма, по ее мнению, по существу равнозначны отрыву диалектики от материализма [128, с. 12]. Аналогичную точку зрения высказывает М. Н. Руткевич:

16

«Принцип единства мира и основной закон диалектики нуждаются в дополнении. Таким дополнением в материалистической философии выступает принцип отражения, так как именно в отражении выражена сущность отношения сознания к материи, притом обеих сторон этого отношения» [345, с. 31].

Без признания в качестве всеобщего такого свойства материи, как способность отражать самое себя, невозможно последовательно материалистическое решение основного вопроса философии [411, с. 14]. Отражение является внутренней предпосылкой будущего ее раздвоения на находящиеся в единстве противоположности — бытие и сознание. Будучи предпосылкой, свойством по существу родственным, но не тождественным ощущению, сознанию (выражение Т. Павлова [300, с. 9—55]), отражение служит связующим звеном между материей и сознанием, выражающим аспект единства этих противоположностей и воплощающим его в себе. Эту функцию отражение может выполнить потому, что, будучи рассматриваемо в качестве свойства, лежащего в фундаменте материи, оно «всеми марксистами признается за физическое, материальное свойство», не будучи в то же время телесной субстанцией [345, с. 55].

На современном этапе развития марксистской философской мысли отражение рассматривается как один из атрибутов материи [364, с. 12, 18; 432, с. 117 и др.], поэтому возникает вопрос о соотношении этого атрибута с такими фундаментальными свойствами материи, как движение, взаимодействие, взаимосвязь. По мнению Руткевича, «выделение отражения

из «семьи» категорий диалектики, выражающих всеобщую связь явлений, хотя и не доведено до конца, но в основном достигнуто» [345, с. 57]. Основная проблема, которая здесь возникла — это разведение категорий «отражение» и «взаимодействие». Можно встретиться с точкой зрения, согласно которой отражение и есть взаимодействие [347]. В том же ключе иногда истолковывается высказывание С. Л. Рубинштейна [342, с. 10] о том, что всякое взаимодействие есть в определенном смысле отражение одних явлений другими (см., например, [345, с. 57]). Однако большинство авторов отвергают отождествление отражения и взаимодействия [345, с. 56; 366, с. 249; 9, с. 18; 386, с. 11; 411, с. 20; 432, с. 117; 35, с. 5; 438, с. 111; 215, с. 70; 425, с. 79; 398, с. 17; 102, с. 26—27 и др.].

Критика предельного сближения отражения и взаимодействия сталкивается с определенными трудностями, которые выражаются в недостаточной ее аргументированности, иногда и непоследовательности. Так, Б. В. Ахлибинский пишет: «с нашей точки зрения... в любом взаимодействии имеет место отражение, хотя взаимодействие и не сводится к последнему», но несколькими строками ниже утверждает, что «существуют такие виды взаимодействия, в которых нет отражения» [35, с. 6]. Аналогичная непоследовательность встречается и в интересной в целом работе Н. В. Тимофеевой [386, с. 11—16].

17

Несмотря на сочувствие, которое вызывает желание развести понятия «отражение» и «взаимодействие», критика отождествления этих понятий не всегда убедительна. Возникают следующие вопросы (не говоря уже об отмеченных противоречиях). Если отражение свойственно только телам, имеющим некоторую достаточно сложную внутреннюю структуру, способную запечатлеть следы, метки другого объекта, то отражение не является всеобщим свойством материи. Но этот вывод расходится с исходным утверждением. Во-вторых, более узкое понимание отражения ведет к тому, что оно начинает рассматриваться как одностороннее, однонаправленное отношение. Хотя эта позиция имеет сторонников [332, с. 70; 215, с. 70; 398, с. 18; 438, с. 113; 411, с. 29], большинство философов, как отмечает Л. Н. Ляхова [250, с. 83], придерживается формулировок, зафиксированных в философской энциклопедии: любая из вещей «объективно является одновременно отражаемой и отражающей по отношению к другой» и «отношение между ними носит характер взаимоотражения» [402, с. 184].

По-видимому, недостаточная аргументированность и последовательность критики отождествления понятий «взаимодействие» и «отражение» связана с отсутствием четкой позитивной программы решения вопроса. Именно этим вызвано приведенное выше замечание Руткевича о том, что выделение отражения в самостоятельную категорию «не доведено до конца». Мы остановимся подробно на анализе соотношения этих понятий, потому что возникающие тут проблемы часто прямо аналогичны тем, которые обсуждаются в психологии при анализе понятий «деятельность и

психическое отражение», «действие и образ». Если категория взаимосвязи подчеркивает момент устойчивости вступающих во взаимодействие предметов или явлений, то категория взаимодействия — момент изменчивости, поэтому можно сказать, что взаимодействие «есть всеобщая форма взаимосвязи явлений действительности, выражающаяся в их взаимном изменении» [67, с. 13; 171, с. 250], или «в обмене изменениями» [364, с. 27].

Необходимой предпосылкой любого взаимодействия является некоторая всеобщность тел, считает Л. Н. Ляхова [250, с. 83]. Каждая из форм общности обеспечивает некоторый канал взаимодействия (термин И. И. Жбанковой — цит. по: [250, с. 84]), или канал связи [396, с. 16]. Благодаря этому каналу, выполняющему роль системообразующей связи в момент взаимодействия, возникает некоторая новая целостность, новая система, которая может быть либо весьма кратковременной (например, при случайном столкновении объектов), либо весьма устойчивой (органические системы). При этом «в канале связи взаимодействующие системы неизменно отождествляются, тогда как «на полюсах» вновь образованной единой взаимодействующей системы остается та область свойств и параметров исходных взаимодействующих систем, которые сохраняют качественную специфику этих систем» [396, с. 16—17].

18

Вопрос о соотношении понятий «взаимодействие» и «отражение» наиболее полно и систематически проанализирован в труде С. Н. Смирнова «Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи» [364]. Он считает, что удовлетворительное решение данного вопроса не может быть найдено до тех пор, пока категории отражения и взаимодействия рассматриваются только в соотношении друг с другом (при этом чаще всего их соотносят как часть и целое). Отражение есть особая (внутренняя) сторона, особый результат взаимодействия. В рамках этого общего направления выделяются следующие частные подходы, отражающие точки зрения разных авторов (перечислим их в несколько иной, по нашему мнению, более логичной последовательности, чем это сделано автором).

1) Отражение — объективно существующая и необходимо присутствующая сторона любого взаимодействия материальных тел, включая и такое, где не имеет места сохранение и дальнейшее использование следа воздействующего объекта — последний просто вносит в отражающий объект некоторое изменение, «воспроизводящее» тем или иным образом природу отражаемого объекта. «Сейчас уже можно считать доказанным, — пишет А. П. Сабощук, — что отражение проявляется во взаимодействии любых двух материальных систем» [348, с. 5].

2) Отображение — тождество двух объектов, возникающее в результате их взаимодействия, из всего содержания взаимодействия в отражение входит лишь то, что соответствует в отражающем объекте отражаемому [410, с. 136].

3) Отражение — такая сторона взаимодействия, которая связана с выделением из суммарного результата взаимодействия отражающего и отражаемого объектов особенностей оригинала (отображаемого объекта) и с

соотнесением этих особенностей с самим оригиналом, так сказать проекцией их на оригинал. Такова точка зрения В. С. Тюхтина. Согласно ей, а также позиции некоторых других авторов, отражением в собственном смысле обладают лишь живые организмы, тогда как в неживой природе имеется только предпосылка такого отражения [399; 401; 320]1.

4) Отражение — такой момент взаимодействия, который играет активную роль в развитии материального мира. «Мера активности прямо пропорциональна отражательной способности вещей» [128, с. 112]. Активное отражение, проявляющееся в различных формах, имеющих свою специфику на разных уровнях, составляет основу развития материального мира [386, с. 22—23].

19

Перечисленные подходы имеют основания в бытующем сейчас понимании отражения. Действительно, если мы считаем отражение всеобщим свойством материи, то надо его понимать очень широко и усматривать в любом акте взаимодействия (даже там, где невозможно и сохранение метки, следа, образа, который при самой сильной натяжке можно было бы охарактеризовать как подобный оригиналу, внешне сходный с ним). С другой стороны, этимология и традиции употребления термина «отражение» требуют указания на некоторое сходство результата отражения с его оригиналом, а для отражения, где это сходство трактуется так широко, что его можно усмотреть между любыми двумя материальными объектами, возможно следовало бы ввести другой термин или действительно говорить лишь о предпосылке отражения. Ведь В. И. Ленин говорил об отражении как свойстве, родственном ощущению, а ощущения он рассматривал не как символы или знаки внешних воздействий, а как более или менее верные копии их. Наконец, какое фундаментальное значение можно придать категории отражения, если она выражает собой лишь некоторое свойство запечатлевать следы отражаемого без их последующего активного влияния на судьбу отражающего?

С. Н. Смирнов, изложение позиции которого мы продолжаем, считает, что указанные противоречия можно разрешить и соединить различные аспекты в понимании отражения, если определить его не прямо по отношению к взаимодействию, т. е. «не как атрибут материи, производный от ее другого атрибута — взаимодействия, а как самостоятельный аспект движения материи, дополняющий взаимодействие, проявляющийся во взаимодействии и в свою очередь определяющий проявление взаимодействия как другого самостоятельного аспекта движения» [364, с. 12]. Развиваемая им позиция близка к позиции Стефана Василева о диалектическом единстве отражения и взаимодействия [71]. Это единство предполагает не только тождество, но и взаимное отрицание находящихся в единстве противоположностей, которое особенно сильно выступает для высоко развитых объектов — прежде всего живых существ. При определенных условиях наступает даже их несовместимость во времени и пространстве. Но прежде разберем, как же

трактуются отражение в этой концепции, и откуда оно появляется, если не из актуального процесса взаимодействия с другими образованиями?

«Источником этой внутренней способности отражения является единство внутренней природы данного материального образования и внешних условий его существования... При этом внутреннее, составляющее данное материальное образование определяет то внешнее, которое способно быть условием его проявления и существования. Во внутренне присущей данному образованию системе движений в свернутом, снятом виде содержится все то внешнее, что адекватно, тождественно внутреннему. Поэтому в природе данного материального образования, в свойственной ему конечной системе движения содержится определенный фрагмент внешней

20

природы..., то, что может быть воспроизведено, отражено данным образованием при соответствующих условиях (этими условиями в той или иной форме, непосредственно или опосредовано как раз и выступают взаимодействия данного образования с объектами внешнего мира)» [364, с. 34]. Из сказанного следует, что возможность отражения любого внешнего объекта, способность отразить его «предсуществует» по отношению к акту непосредственного взаимодействия с отражаемым объектом. Способность к отражению, или «потенциальное отражение», является результатом самоизменения, самодвижения отражающего объекта, а также результатом его прошлых взаимодействий с другими объектами. «При взаимодействиях отражающего субъекта с объектами внешнего мира не просто порождаются различные процессы отражения, а внутренне присущая субъекту...2 способность отражать другие объекты различным образом проявляется в зависимости от характера взаимодействия данного субъекта с внешним миром» [364, с. 35].

Но любое взаимодействие, начавшись, модифицирует исходные отражательные возможности субъекта за счет текущего процесса отражения, так что взаимодействие и отражение постоянно переходят друг в друга. Отражение основано, таким образом, на некотором тождестве внутренней природы объектов отражающих с объектами отражаемыми и возникает отражение не в результате простого воздействия вторых на первые, но необходимо предполагает встречный процесс, объективное выражение вовне собственной природы субъекта [364, с. 58]. Внутренняя природа отражающего объекта очерчивает границы того, что вообще может быть отражено им: он способен воспроизвести лишь те черты отражаемого объекта, «которые адекватны, так или иначе соответствуют самой объективной природе субъекта, тем или иным образом объективно связаны с его собственной природой. ... Причем именно через отражение своих возможностей в действительных чертах объектов внешнего мира то или иное материальное образование в ходе своего развития превращает свои возможности в действительность» [364, с. 60].

Если перевести излагаемую здесь точку зрения на язык популярной в психологии дилеммы: Внешние причины, преломляясь через внутренние

условия, изменяют тем самым внутреннее³ (С. Л. Рубинштейн [342, с. 10]) или внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет (А. Н. Леонтьев, [223, с. 181]), то она ближе к формуле А. Н. Леонтьева.

21

«Объективно всякий процесс отражения может быть лишь процессом выражения объективирования (посредством взаимодействия с объектами внешнего мира) всего спектра собственной природы субъекта, причем таким процессом этого объективирования, который одновременно оказывается процессом воспроизведения (в этом выражении во внешний мир внутренней природы субъекта) определенного фрагмента внешнего мира — того, с которым субъект оказывается способным взаимодействовать на данном этапе своего существования, который он может в той или иной форме ассимилировать в ходе своего развития и который становится объективным условием его существования на новом этапе развития субъекта» [364, с. 63]. Это не значит, что причины отражения лежат внутри отражающего субъекта, но они не могут лежать и вне его. Здесь целесообразно воспользоваться различием причины образа и его источника, предложенным А. М. Коршуновым. Источником образа является объект отражения, именно ему адекватно и его воспроизводит содержание отражения, но причиной формирования образа, способом его формирования является взаимодействие субъекта и объекта, ибо именно во взаимодействии природа субъекта и объекта воспроизводится одновременно и в одной и той же мере.

Представление о конструктивной роли внутренних процессов в отражающем субъекте в качестве необходимого звена любого акта отражения (даже на уровне неживой материи) противостоит представлениям метафизического материализма об отражении как результате одностороннего воздействия объекта на субъект и создает общеметодологическое основание для понимания активной природы высших форм отражения. В полной мере значение этих положений раскроется при рассмотрении понятия активности и ее связи с отражением на разных уровнях развития материи. В связи с их фундаментальностью сошлемся на мнения ряда других специалистов по теории отражения, подчеркивающих роль внутренних процессов отражающего объекта как составной части любого процесса отражения в виде а) его предпосылки и б) формы фиксации и преобразования его результатов.

Один из пионеров в разработке ленинской теории отражения, болгарский философ Тодор Павлов отмечает: «Отображающее воспринимает не механически (вне) отпечаток (форму, образ, вид) отражаемого, а под воздействием отражаемого ... как другой части единого природного целого только развивает внутри себя (курсив мой. — С. С.) известные состояния» [301, с. 36, см. также 300, с. 9—55].

Аналогичные положения и их развитие можно встретить у целого ряда современных философов, занимающихся проблемами отражения. «Способность к появлению нового также есть свойство окружающей среды, которое может быть отражено живым существом как его собственная

способность изменяться» [250, с. 139]. «Внутренние изменения во взаимодействующих телах, адекватные воздействию извне и необходимые для ответного реагирования

22

тела на внешний фактор и представляют собой процессы отражения» [257, с. 6]. (См. также: [386, с. 11; 244, с. 128; 202, с. 164—165; 307, с. 128; 410, с. 136; 438, с. 123; 405, с. 64, и др.]).

Из сказанного выше о роли внутренних изменений отражающего объекта в ходе отражения и после его завершения следует, что продукт отражения находится как бы на перекрестке двух процессов, двух причинных рядов. Во-первых, это внутренняя самообусловленность объекта, его самодвижение, самоизменение и, во-вторых, обусловленность воздействиями извне. Отражение выступает в форме разрешения противоречия между этими двумя типами обусловленности за счет «перевода» факторов внешнего воздействия вовнутрь, внедрения их в саму природу объекта [128, с. 100]. При этом вклад внешних воздействий может быть охарактеризован в качестве пассивной, страдательной составляющей отражения, а вклад внутренних факторов выражает собой его активное начало. Вспомним упоминавшееся положение о том, что «объективно всякий процесс отражения может быть лишь процессом выражения, объективирования (посредством взаимодействия с объектами внешнего мира) всего спектра собственной природы субъекта» [364, с. 63].

Уже на уровне самого общего и поэтому содержательно бедного понимания отражения раскрываются особенности и противоречия различных подходов, которые становятся явными при анализе высших форм отражения, — психики и сознания. Один подход связан с подчеркиванием пассивного начала в отражении в качестве его определяющей характеристики, поскольку оно всегда вторично по отношению к отражаемому (тому что воздействует извне): «Понятие отражения фиксирует определенное направление действия от отражаемой системы, которая активна, к отражающей, пассивной» [35, с. 5]. Безусловно, момент пассивности в отражении имеет место и выражен весьма сильно, но «тела, лишённые внутренней активности, были бы лишены и способности к отражению» [250, с. 83]. В самом деле, некоторое тело сможет запечатлеть тем более разнообразные внешние воздействия, чем более богатой и дифференцированной структурой, базирующейся на внутренней обусловленности, оно будет обладать. Поэтому «определяющими в процессе отражения являются внутренние изменения» [438, с. 123].

Таким образом, рост пластичности системы, ее чувствительности к внешним воздействиям и способности зафиксировать их в изменениях своей внутренней структуры неизбежно предполагает рост активности, самообусловленности, самоопределяемости ее. При подходе, подчеркивающим только пассивное, страдательное начало, принципиально исключается всякая возможность выявить активную роль отражения в процессе взаимодействия, ибо, абсолютизируя момент запечатления внешнего в отражающем, этот подход превращает отражение в пассивный

отпечаток, чуждый последующему процессу, не способный включиться в него [250, с. 83].

23

Именно с такой проблемой сталкиваются исследователи, которые приписывают активное начало только человеческой деятельности, а отражению отводят функцию копирования действительности. Вопрос о том, как «копия» может включиться в «активную деятельность», остается без ответа. Конечно, здесь речь идет о качественно других уровнях отражения и взаимодействия, чем те, которые являются предметом нашего рассмотрения при понимании отражения в самом широком смысле как всеобщего свойства материи, но тем показательнее совпадение типов проблем, возникающих и в том и в другом случае. Это свидетельствует о том, что проблемы, не решенные при задании исходных понятий и определений, «перекочевывают» на более высокие уровни анализа. Поэтому в самом начале рассмотрения проблем активности и отражения необходимо задать такую понятийную систему, в которой бы были решены формальные противоречия, со всей отчетливостью выступающие в развитых формах проявления их сущности.

Итак, зависимость процесса отражения как от активности объекта отражения, так и субъекта (отражающего объекта) определяет его системный характер. «Отражающий объект, — отмечает Г. Х. Шингаров, — воспроизводит своими особенностями не непосредственно особенности отражаемого объекта, а модифицирует, пересоздает согласно своей собственной природе то «всеобщее», которое присуще системе как целому» [430, с. 41]. Положение о системном характере отражения относится не только к процессу, но и к продукту отражения. Ведь накопленные на полюсах взаимодействующей системы изменения, новые свойства, с которыми объекты выходят из данного процесса, не являются чистой принадлежностью этих объектов. Они могут быть обнаружены, вызваны к существованию лишь при новом взаимодействии с тем же или с другим объектом, имеющим нечто общее с ним, т. е. способным обеспечить необходимый «канал связи».

Представления об отражении как о системном свойстве, выражающем связь между отражаемым и отражающим объектом, и дифференциация различных значений понятия «отражение» позволяют провести более последовательное разведение понятий «отражение» и «взаимодействие» даже на уровне неживых естественных объектов. Основное различие между этими понятиями, из которого следуют все другие, заключается в том, что если взаимодействие предполагает взаимное изменение объектов (обмен изменениями), то отражение, наоборот, предполагает проявление и фиксацию в ходе взаимодействия тех внутренних присущих каждому из взаимодействующих объектов свойств, которые предполагают друг друга, являются условиями объединения этих объектов в некоторую систему и именно такую систему, в которой взаимоотражение объектов, реализующее момент их общности, обеспечивает относительную стабильность системы, служит скрепляющим ее началом. Отсюда ясно вытекает неправомочность

понимания отражения как самого факта сходства, подобия или даже воспроизведения внутренними структурами, состояниями объекта

24

некоторых явлений или аспектов действительности. Это не что иное, как предпосылка отражения или потенциальное отражение, как мы назвали его выше. Оно может изменяться и развиваться не только за счет взаимодействия объекта с внешним миром, но и через саморазвитие, спонтанное изменение объекта, источники которого будут рассмотрены в следующем параграфе. Подлинное отражение в неживой природе есть отражение необходимых условий существования данного объекта в качестве некоторой целостности, т. е. той части внешнего мира, в которой продолжает существование данный объект за пределами своего тела и которая в свою очередь существует в данном объекте, как в ином. Это положение четко сформулировано С. Л. Рубинштейном: «Отражение надо толковать не как дублирование, копирование, а как рефлектирование в другое, т. е. как явление другому. Это значит, что само отражение выражается в онтологических категориях явления бытия для другого» [343, с. 311]. И здесь и на всех других уровнях объект отражает не какой-то неопределенный внешний мир вообще, а лишь тот фрагмент внешнего мира, который представляет собой иную форму его собственной природы [97, с. 121].

Однако отражение в неживой природе осуществляется прежде всего не в форме отображения, а именно отражения (от глагола «разить»), компенсации тех внешних влияний, которые могут нарушить существенные характеристики системы объекта. Процесс отражения в форме противодействия и его результат как бы снимают негативную копию внешнего фактора, возмущающего существенные характеристики объекта. Но если фактор случаен, то со временем за счет внутренних флуктуаций и других внешних воздействий его негативная копия разрушается. И только становясь устойчивым и постоянным фактором среды существования данного объекта, он модифицирует внутреннюю природу объекта, и между ними возникает системная связь. Именно сам факт устойчивого существования или сосуществования некоторого объекта с другим объектом, когда они взаимно компенсируют влияние друг на друга, и есть отражение одного объекта другим, и наоборот. Правда, процесс взаимоотражения чаще всего не является симметричным, так как один объект может в гораздо большей степени зависеть от другого, чем наоборот, но та или иная степень взаимовлияния всегда имеет место.

Итак, попытаемся суммировать все сказанное с точки зрения последовательного разведения понятий «взаимодействие» и «отражение» в неживой природе (для более высоких уровней организации материи, где функция отражения и его активная роль в сохранении целостности субъекта выступают со всей отчетливостью, дифференциация этих понятий осуществляется достаточно легко).

1. Отражение как всеобщее свойство, атрибут материи заключается в ее способности развивать определенные внутренние состояния в ответ на

внешние воздействия, природа которых имеет некоторую общность с природой отражающего объекта, а также воспроизводить этими состояниями характеристики внешнего воздействия

25

и таким образом компенсировать его возмущающее влияние на целостность отражающего объекта, содействовать сохранению его основных, существенных особенностей.

2. В отличие от отражения как всеобщего свойства материи каждый материальный объект обладает способностью отражать определенные явления, объекты, стороны реальности, совокупность которых можно назвать «потенциальным отражением». Это часть, фрагмент внешнего мира, представляющие собой «иную форму собственной природы» отражающего объекта [364, с. 61], которые могут быть отражены им при определенных условиях. Специального внимания заслуживает тот факт, что «потенциальное отражение» изменяется не только за счет внешних воздействий, но и путем изменения внутренних характеристик объекта, благодаря его самодвижению, саморазвитию, самоизменению.

3. Процесс отражения есть прежде всего перестройка, преобразование внутренних характеристик объекта в направлении противодействия, компенсации внешних воздействий на основе воспроизведения негативной копии этих воздействий.

4. Продукт отражения (именно в таком смысле чаще всего употребляется термин «отражение», когда не дается его спецификация) есть форма системной связи данного объекта с его окружением, обеспечивающая ему относительно устойчивое существование в новых, отраженных объектом условиях. Те изменения, которые произошли в объекте, сохранившем в ходе взаимодействия с новыми условиями свою относительную целостность (взятые в отношении к этим условиям), суть их образ в отражающем объекте.

Отражение не может быть сведено к взаимодействию или его продукту в силу следующих обстоятельств.

1. Потенциальное отражение, т. е. способность конкретного объекта отразить ту или иную область внешней действительности, может изменяться не только за счет взаимодействия с внешней средой, но и за счет внутренних процессов (самодвижения).

2. Любое взаимодействие объекта с внешней средой ведет к изменению «потенциального» отражения, но последнее может измениться как в сторону повышения отражательной способности объекта (усложнение внутренней структуры), так и в сторону уменьшения (разрушение исходной целостности объекта, деструктурация его).

3. Процесс отражения не совпадает с процессом взаимодействия в целом и не сводится к одной из двух его составляющих — воздействию на объект извне или его обратному действию на внешний источник воздействия. Если процесс взаимодействия есть обмен изменениями, то в отражение входят не просто изменения, вызываемые в отражающем объекте внешней причиной,

но лишь те изменения в состоянии этого объекта, которые развиты им самим в направлении противодействия и компенсации внешних воздействий.

4. Успешное завершение процесса отражения приводит к образованию более или менее устойчивой системы «отражающий

26

объект — отражаемый объект» за счет уравновешенного взаимного отражения их друг в друге.

5. Отражение как системное качество, играющее роль цементирующего начала, которое связывает ранее разрозненные объекты в некоторую новую целостность за счет их взаимоотражения друг другом, служит важным фактором в прогрессивной эволюции материи в направлении формирования все более сложных материальных систем. А. М. Коршунов следующим образом формулирует эту мысль: «Отражение, будучи связано с взаимодействиями и изменениями систем, в свою очередь, является условием как сохранения их определенности, так и развития, совершенствования» [194, с. 30]. А. Д. Урсул отмечает, что «если бы прогресс материальных систем шел по линии взаимодействия, то более развитыми считались бы такие системы, которые накопили больше энергии, массы. Однако не масса и энергия характеризуют развитие материальных систем, а способность этих систем к отражению» [411, с. 30].

§ 2. Содержание понятия «активность»

Выделяя наиболее перспективные линии развития общепсихологической теории деятельности, А. Н. Леонтьев указывает на явления активности, составляющие «как бы внутреннюю предпосылку самодвижения деятельности и ее самовыражение» [228, 2, с. 245]. В качестве философской категории активность понимается большинством философов как всеобщее свойство, атрибут материи [83, с. 6; 194, с. 30; 386, с. 21; 250, с. 8; 422, с. 9; 203, с. 54; 309, с. 17 и др.]. В последние годы появился ряд работ, посвященных проблеме активности, не только на уровне человека или животных, но и как всеобщего свойства материи, выражающегося 1) в ее способности к самодвижению, 2) в способности изменять другие объекты и 3) в способности развивать определенные внутренние состояния, актуализирующие природу объекта, под влиянием внешних воздействий [250; 203; 307; 308; 184; 176; 271 и др.]. Однако можно согласиться с замечанием М. А. Булатова о недостаточной разработке принципа активности в современной философии, поскольку «он, во-первых, не формулируется как таковой, во-вторых, существует очень развитая теория отражения, но не существует теории активности» [66, с. 3].

Явление самодвижения, самоизменения, которое наблюдается даже на самых низких уровнях организации вещества, заключается в тенденции к выходу из состояния полной уравновешенности со средой за счет внутренних отклонений, причиной которых является в конечном счете некоторая неоднородность материи, отсутствие полной качественной тождественности даже самых элементарных ее частей [307, с. 128; 250, с. 147]. По этой же причине имеют место и отклонения от одного какого-нибудь стандарта

результатов взаимодействия элементарных частиц, попадающих под действие принципа неопределенности. Поэтому описание явлений

27

активности обычно ведется в терминах автономности, спонтанности, самопроизвольности, инициативности и т. п., т. е. с подчеркиванием некой «самости» объекта. Однако любое проявление активности имеет место в некотором окружении: «Система вне среды не может быть активной. Высокая активность не может быть следствием высокой изолированности системы. Любая активность обусловлена как внутренне, так и внешне» [307, с. 24]. В связи с этим выделяются две традиции использования термина «активность» и соответственно два значения этого термина: 1) Сторона, составляющая любого процесса взаимодействия или действия, детерминируемая внутренней природой объекта; 2) Процесс, характер которого в целом определяется прежде всего внутренней детерминацией объекта, его самообусловленностью; в этом случае внутренняя детерминация как бы доминирует над внешней [128, с. 111; 253, с. 6]. Активность в этом втором смысле приписывается обычно лишь живым системам [253, с. 6; 307, с. 128 и др.]. Таким образом нет ни абсолютно активных, ни абсолютно пассивных процессов, любой из них является результатом как внешних, так и внутренних причин. Способом разрешения противоречия между ними выступает отражение [128, с. 112]. Прогрессивное разрешение противоречия, вернее перевод его на более высокий уровень, приводящий к росту «удельного веса» внутренней обусловленности объекта, состоит не в спонтанном, по собственным законам происходящем росте «самости» объекта, его «дозревании» внутри себя как замкнутого целого, а в переводе факторов внешней обусловленности вовнутрь, путем их отражения и фиксации во все более сложных формах внутренней организации.

Как отмечает Л. Н. Ляхова, «отражение есть тот механизм, посредством которого организм превращает внешние детерминирующие факторы в моменты своего самоопределения» [250, с. 141]. Трудно не согласиться с М. Н. Руткевичем, который видит в свойстве отражения наиболее яркое проявление самодвижения материи [345, с. 61]. Невозможность роста активности без отражения, а также невозможность самого отражения без активности отражающего объекта делает эти понятия изначально взаимосвязанными. Уже на уровне неживой природы завязываются первые узелки центральной проблемы нашего исследования — проблемы активности психического отражения. Но, прежде чем дать полную формулировку этой проблемы, необходимо перейти от предельно общего понимания активности как атрибута всей материи к описанию ее более развитых форм с тем, чтобы на основе их анализа сформулировать принцип активности и определить степень его реализации в современных представлениях о функциональной структуре познавательных процессов.

Первой качественной ступенью в развитии активности является переход от активности как всеобщего свойства материи к активности, свойственной

живым организмам и проявляющейся во всех процессах жизнедеятельности. По-видимому, одной из главных отличительных

28

черт живого, отражающих его качественно новый уровень активности, является способность к осуществлению негэнтропических процессов, которые наблюдаются на клеточном и даже молекулярном уровне [56]. «В этом смысле активность организма биофизически есть борьба за негэнтропию» [46, с. 328]. Эта борьба связана не только с приобретением энергии, но и с расходом ее, однако баланс этих процессов на сколько-нибудь длительном отрезке времени должен быть положительным, иначе система погибнет и потеряет свою качественную специфику.

Второй скачок в развитии активности связан с переходом от растительной формы жизни, основным способом существования которой является ответная активность, вызываемая прямым воздействием биологически важных факторов, к животным, которые могут осуществлять поисковую активность. Принципиально новое качество, которое здесь приобретает активность, состоит в том, что она может инициативно исходить от самих живых организмов, и в этом смысле быть спонтанной, обусловленной на своих начальных стадиях внутренними процессами.

Важно отметить, что этой стадии активности присуще значительное увеличение временных и пространственных промежутков между актом расхода энергии и актом компенсирующего этот расход получения энергии.

Именно в ответ на необходимость представления живому организму будущего результата, ради которого осуществляется трата энергии и возникло психическое отражение, развитие и усложнение которого позволило беспредельно раздвинуть временные и пространственные промежутки между действием и его позитивным эффектом и сделало субъекта относительно независимым от изначальных «здесь» и «теперь».

Третья важнейшая ступень в развитии активности связана с появлением человеческой деятельности, основное отличие которой от поведения животных по параметру активности состоит в переходе от приспособления к природе, к ее преобразованию и творческому изменению в соответствии с собственными целями человека, имеющими социальное, общественно-историческое происхождение. Человек как бы активно «навязывает» природе свое представление о том, какой она должна быть, опираясь на познание необходимости, лежащей в основе самой природы.

Аналогичные уровни развития активности выделяет П. Я. Гальперин [93], используя категорию действия и отмечая, что эволюционные уровни действия «намечают, собственно говоря, основную линию развития материи» [93, с. 147]. 1 — уровень физического действия в неживой природе, где результат действия не оказывает никакого влияния на действие породившего его механизма. 2 — уровень физиологического действия (живая природа), где результаты действия не только регулируют его исполнение, но если они положительны, то они и подкрепляют механизм, производящий эти действия.

В отличие от следующих уровней результаты действуют лишь после того, как они реально достигнуты. 3 — уровень

29

действия субъекта — уровень собственно активного действия. Здесь осуществляется приспособление ранее имевшегося действия к новым условиям. Это достигается за счет примеривания действия и его экстраполяции в плане образа. Этот уровень характерен для животных, обладающих психикой. 4 — уровень действия личности, когда оно регулируется на основе осознания общественного значения ситуации и общественных средств, образцов и способов действия. Здесь субъект не ограничивается индивидуальным опытом, опробуя в плане образа те или иные действия, и переходит к «опробованию опробования» на основе рефлексии своих действий с помощью средств, имеющих социальное происхождение. Д. Б. Богоявленская предлагает разбить уровень действия личности на два уровня — уровень действия социального индивида и уровень творческого действия, которое «приобретает порождающий характер и все более теряет форму ответа» [52, с. 35].

Анализируя выделенные другими авторами уровни активности поведения человека, А. Н. Ткаченко приводит следующие классификации: индивид — личность — индивидуальность (Б. Г. Ананьев); организм — индивид — личность (М. Г. Ярошевский); индивид — субъект — личность (Ш. А. Надирашвили). Вместе с тем он показывает, что хотя при переходе от более низких к более высоким уровням активности наблюдается рост сознательности и осознаваемости человеком своей активности, элементы бессознательного или неосознаваемого имеют место на всех уровнях, но в основе их неосознаваемости лежат разные причины [392, с. 491—492].

Таким образом, можно выделить три основных направления в развитии активности как функции всевозрастающей сложности организации ее материальных носителей.

1. Продвижение вверх по оси, которую можно было бы назвать мерой инициативности. Нижняя граница ее может быть обозначена как полная пассивность, определяемость существования объекта только внешними воздействиями, а верхняя граница — как абсолютно спонтанная активность, определяемость поведения объекта только внутренними состояниями. Среднюю позицию на этой оси занимает реактивность, т. е. ответная активность, которая по своим энергетическим характеристикам и тем результатам, к которым она приводит, далеко выходит за пределы непосредственных энергетических и структурных изменений, вызываемых в объекте воздействующим стимулом.

Во избежание недоразумений следует отметить, что к нижней и верхней границе указанная ось стремится лишь асимптотически, ибо абсолютная пассивность недостижима, так как объект всегда изменяется соответственно своей собственной природе и тем самым привносит нечто от себя в результат любого воздействия, хотя вклад внутренней самоопределяемости объекта может быть в отдельных случаях минимальным и в пределе стремиться к

нулю. То же можно сказать о верхней границе. Абсолютно спонтанной активности не существует (постулирование ее равнозначно идеализму),

30

во-первых, потому, что субъект активности всегда должен учитывать характер объекта, на который она направлена, и присутствие такого объекта, хотя бы на больших пространственно-временных расстояниях, необходимо для инициации акта. Будущий, потребный субъекту результат его взаимодействия с объектом (на регулируемую роль которого особо указывает П. Я. Гальперин) невозможен без наличия объекта с определенными «внутренними» качествами. Во-вторых, любое внутренне обусловленное состояние субъекта, порождающее тот или иной вид активности, само является следствием пусть и очень далеко отставленных во времени и пространстве прошлых взаимодействий субъекта со своим окружением.

2. Вторым относительно независимым параметром, по которому идет усложнение форм активности, является рост пространственно-временных промежутков между началом акта (спонтанного или ответного), связанного с тратой энергии и его позитивным результатом, приводящим к накоплению энергии (или избеганию ее более крупных потерь). Уже на уровне животных этот промежуток может достигать больших величин, а в некоторых случаях быть, условно говоря, бесконечным (ориентировочно-исследовательская деятельность, латентное научение и т. п.).

У человека эта отставленность акта от его конечного результата усиливается не только за счет роста пространственно-временных интервалов, но и за счет резкого увеличения числа звеньев посредников между ними, благодаря социальному разделению труда и использованию сложных орудий труда.

3. Третьим важнейшим направлением прогрессивного изменения активности является переход от процессов адаптивного, приспособительного плана к процессам преобразования и активного конструирования внешних условий существования системы, стремящейся сохранить и развить свою внутреннюю определенность.

Есть еще один, скорее количественный, чем качественный, параметр активности, характерный для всех описанных выше уровней. Он является, пожалуй, главной переменной активности в неживой природе и широко используется в химии, геологии и других науках, а также в обыденной жизни. Речь идет об энергетической стороне тех или иных взаимодействий, их интенсивности. Здесь активность выступает мерой движения, покоя или скорости изменения какого-то процесса. В этом смысле говорят об активизации вулканической деятельности, активных атмосферных процессах, о циклах солнечной активности и т. п. При этом часто под активностью понимается мера не только реального, но и потенциального движения, изменения, развития. Говорят о химически активных веществах, об активности фигур в шахматах и т. д. Такое понимание активности нашло

отражение и в психологии, прежде всего в энергетических теориях психического.

Деятельность человека характеризуется высшими показателями по всем трем перечисленным качественным параметрам по сравнению с активностью животных или тем более неживых систем.

31

Поэтому активность иногда трактуют как более широкое понятие по отношению к деятельности [253, с. 16; 175, с. 39; 254, с. 80—81 и др.]. Однако во всякой деятельности есть и активные и пассивные составляющие, и различное соотношение их позволяет говорить даже об активной деятельности [93, с. 83; 167, с. 220; 212, с. 176; 193, с. 45; 245, с. 381; 226, с. 144; 135, с. 176 и др.].

Для человека характерны все уровни проявления активности, перечисленные выше. Он проявляет себя и как физическое тело (относительно пассивно), и как растение (вегетативные процессы), и как животное (безусловные, условные рефлексy и акты по Н. А. Бернштейну), и как субъект деятельности. На последнем уровне моменты активности начинают доминировать, достигают своего высшего развития. Вслед за В. А. Петровским активность в целом можно определить как совокупность обусловленных субъектом моментов движения деятельности [306, с. 6].

Обобщая различные аспекты понятия «активность» как оно используется в психологии, А. И. Крупнов также выделяет представление о внутренних противоречиях субъекта как источнике активности [205, с. 25]. При этом только нельзя забывать, что сам субъект в качестве источника активного начала деятельности формируется как результат предшествующих его действий и взаимодействий с внешним миром, другими людьми и самим собой (самовоспитание, например). Но опять-таки внешние факторы не прямо и однозначно воздействуют на субъект, который не является простой жертвой сложившихся внешних обстоятельств. И природа, и культура, и отношение к человеку других людей оказывают определяющее влияние на формирование «внутренней» организации субъекта лишь при условии активного (инициативного) включения его в определенные связи и отношения с элементами окружения. Без такой, образно говоря, «затравки», «фермента» (по выражению Бернштейна) процесс становления субъекта не может начаться. Стремление к этому движению «навстречу» миру является, по-видимому, продуктом более низких уровней активности.

И дальнейший рост активности деятельности связан не со все большей ее независимостью от внешней действительности. Батищев отмечает: «Человеческая деятельность настолько активна, настолько она развита, как предметная, насколько она обогащена предметностью» [41, с. 83]. Развитие активного начала в деятельности идет по пути все более широкого перевода внешней детерминации во внутреннюю, более полного и глубокого отражения действительности во внутренней организации субъекта. «Душа подвержена тем большему числу пассивных состояний, — писал Спиноза, — чем более она имеет идей неадекватных» [374, с. 457]. В то же время чем

более широкой сфере природного целого индивид активно представляет определять свой интеллект, тем более адекватны его идеи и, следовательно, тем более активна его душа [172, с. 144]. Человек не является рабом своих ближайших обстоятельств

32

и он не может снять с себя ответственность за самого себя. В этом смысле активность человека, направленная на формирование собственной личности через выбор той части реальности, которой человек предоставляет формировать самого себя, является, может быть, самой высокой формой активности, ее самым концентрированным выражением.

Раскрыв содержание понятия «активности», можно перейти к формулировке самого принципа активности. В тех немногих случаях, когда этот принцип формулируется в явном виде, он, прежде всего, противопоставляется принципу реактивности [46; 127; 413; 30]. Подчеркивается, что принцип активности позволяет преодолеть подход к человеку как лишь приспособляющемуся к окружению существу, противопоставить ему преобразующий, творческий характер человеческой деятельности, ее неадаптивность [127, с. 62]. А. Г. Асмолов называет формулой активности слова А. Н. Леонтьева «внутренне (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет» [30, с. 123], включая в принцип активности положения о самодвижении, саморазвитии, деятельности. Об этом говорит также В. А. Петровский, не употребляя, правда, термин «принцип активности»: «Собственно активность, в отличие от процессов осуществления деятельности, образуют моменты прогрессивного движения самой деятельности — ее становления, развития и самодвижения» [306, с. 6].

Представляется, однако, неоправданным включение в принцип собственно активности положения об избирательном характере деятельности [30, с. 121]. Это скорее характеристика реактивных процессов — когда имеется в наличии множество воздействий и организм вынужден выбирать, на какое из них реагировать, как бы отфильтровывая одни воздействия от других. Представляется также, что ссылка на пристрастный характер деятельности не добавляет что-нибудь к раскрытию самого феномена активности, а скорее указывает на его источники и причины.

На основе сказанного можно следующим образом сформулировать принцип активности. Активность выступает как одна из конституирующих характеристик человеческой деятельности, выражающих ее способность к саморазвитию, самодвижению через иницирование субъектом целенаправленных творческих (т. е. преобразующих действительность) предметных действий. При этом цели и средства деятельности черпаются не из непосредственно данной ситуации и не являются абсолютно спонтанными, но, как правило, имеют источником события, далеко отстоящие во времени и пространстве от начала действия (акта), т. е. вырастают из широкого жизненного контекста, основное содержание которого образуют отношения с другими людьми, а также социально и культурно опосредованное отношение к природе.

В этой предварительной формулировке находят отражение все три отмеченных выше параметра активности: 1. — инициирование действия субъектом; 2. — направленность на изменение внешней действительности (уничтожение определенности внешней действительности,

33

по словам В. И. Ленина); 3 — отставленность во времени и пространстве акта деятельности от окончательного результата, с одной стороны, и от иницировавших его событий, — с другой, а также наличие между ними многих опосредующих действий (если можно так выразиться, их удаленность друг от друга в пространстве структурных элементов деятельности, которая может прямо не коррелировать с их пространственной и временной отставленностью).

Поскольку высшей формой активности, в которой наиболее ярко проявляется ее сущность, служит человеческая деятельность и поскольку само познание рассматривается в марксизме как деятельность отражения [212, с. 136], необходимо раскрыть содержание данного понятия. Это необходимо сделать также и потому, что реализация принципа активности применительно к познавательным психическим процессам шла в советской психологии именно по пути их деятельностной трактовки.

§ 3. Категория деятельности в марксистской философии

До недавнего времени понятие деятельности (как, впрочем, и понятие активности) не выделялось в качестве особой, самостоятельной категории марксистской философии и содержание его раскрывалось при рассмотрении таких категорий, как труд и практика [175, с. 4].

Э. Г. Юдин отмечает, что это понятие принадлежит к разряду универсальных, предельных абстракций, которые «воплощают в себе некий «сквозной» смысл: они дают содержательное выражение одновременно и самым элементарным актам бытия и его глубочайшим основаниям, проникновение в которые делает умопостигаемой подлинную целостность мира. Такие абстракции соединяют в себе эмпирическую достоверность с теоретической глубиной и методологической конструктивностью» [437, с. 271].

Многоплановость и многоаспектность понятия деятельности определяется тем, что сама родовая сущность человека находит в нем свое выражение. «Свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека» [1, 42, с. 93].

Представления о деятельностной сущности человека получили свое развитие в работах ряда советских философов (Г. С. Батищев, Л. П. Буева, В. П. Иванов, Э. В. Ильенков, М. С. Каган, В. Ж. Келле, Н. Г. Кристостурьян, М. Я. Ковальзон, В. А. Лекторский, А. В. Маргулис, Э. С. Маркарян, М. К. Мамардашвили, А. П. Огурцов, Н. Н. Трубников, В. С. Швырев, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и др.). Ответить на вопрос, что такое человеческая деятельность, отмечает Каган, значит выяснить, что представляет собой сам человек [175, с. 6]. Он считает правомерным на этом основании определить

человека как действующее существо (Homo agens — человек действующий) [175, с. 5].

34

Деятельность не только определяет сущность человека, но, выступая в роли подлинной субстанции культуры и всего человеческого мира [437, с. 293], создает и самого человека. Разумеется, надприродную субстанциональность деятельности нельзя понимать как внеприродную, трансцендентную природе. Человек противопоставляет себя природе в качестве выделившейся из нее ее собственной части, причем такой части, которая «стала жить жизнью всей природы... делая ее своим «неорганическим телом»» [165, с. 45]. В ходе деятельности «субстанциональность природы творчески достраивается до невозможного в самой природе и одновременно осваивается как природная», и в этом смысле человек наследует субстанциональность у природы [41, с. 89].

Деятельность представляет собой некое потенциальное бытие, которое шире, многообразнее и богаче, чем любые ее проявления. «Построение какой-либо деятельности — это всегда расширение, обогащение, развитие бытия» [426, с. 72]. Именно здесь перекрещиваются две формы объективного процесса, которые выделены В. И. Лениным в конспекте книги Гегеля «Наука логики», — «природа (механическая и химическая) и целеполагающая деятельность человека» [3, 29, с. 170].

Рассмотрим некоторые определения и характеристики деятельности как философской категории. В Большой советской энциклопедии деятельность определяется как «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование» [293, с. 180]. При этом изменение внешнего мира есть только предпосылка и условие для самоизменения человека. В предметной, производственной деятельности люди воспроизводят и самих себя иными, нежели они вошли в этот процесс. «В своей сути деятельность и есть именно социально-преемственное бытие, адресующее себя другим людям и поколениям» [131, с. 92]. Эту же мысль подчеркивает Батищев: «Итоговый и главный, все в себе резюмирующий результат производства есть всегда в конечном счете сам человек как субъект (деятельности. — С. С.)» [41, с. 90]. Наиболее полно этот аспект самопроизводства человека в деятельности изложен в работе Трубникова: «Производя некоторый предмет, человек изменяет и тем самым фактически производит бесчисленную совокупность новых отношений в окружающем его мире. Он, в частности, производит и само производство предметов и производственный опыт. Производит потребление и вместе с ним потребности, а стало быть, и цели. Изменяется и он сам, производя себя как производителя и как потребителя. Вместе с тем он производит и целую совокупность представлений об окружающем мире. Производя предмет, он производит мысли и о самом этом предмете... и о себе как производителе. Понятия, с которыми он выходит из акта деятельности, необходимо отличаются от понятий, с которыми он вошел в этот акт» [397, с. 146].

Определение деятельности как способа существования человека и общества в целом содержится во многих работах [175, с. 5; 253, с. 3—5; 437, с. 268; 65, с. 57; 204, с. 10; 254, с. 80, 86; 41, с. 81 и др.].

35

По Кагану, деятельность есть «форма активности живого существа, которая призвана воспроизвести сверхприродные условия его бытия — социальные отношения, культуру, наконец, его самого» [175, с. 48].

Отдельные характеристики, отличительные черты деятельности настолько взаимосвязаны, что их нельзя рассматривать изолированно как некоторую сумму независимых качеств — исключение любой из них автоматически делает невозможным наличие всех других. Мы уже упоминали о таких характеристиках человеческой деятельности, как ее социальность и продуктивность (созидательный, творческий характер). Среди других важнейших черт можно назвать ее субъективность (субъектно-объектный характер), предметность, целесообразность, сознательность, опосредованность.

Начнем с рассмотрения предметного характера деятельности, поскольку он имеет ключевое методологическое значение для дифференциации деятельности как категории марксистской философии от чистой активности в идеалистической философии («активизм» Фихте, например). Подлинная предметность состоит не в том, что деятельность направлена на предметы внешнего мира. Такую направленность можно констатировать и в активности животных. Но если животное относится к предмету как носитель чуждой этому предмету потребности, то человек относится к предмету «адекватно его природе и особенности, он осваивает предмет, делая его мерой и сущностью своей активности» [131, с. 91]. Человеческая деятельность делает своей логикой имманентную логику предметов [41, с. 88].

Весьма глубоко трактует эту сторону человеческой деятельности В. П. Иванов: «Специфические особенности деятельности как формы объективного процесса порождены таким раздвоением последнего на определенной ступени его организации, когда одна часть природы стала жить жизнью всей природы (по меркам «любого вида»), делая ее своим «неорганическим телом». Человек и есть «обобществленная» подобным образом природа, т. е. природа, возведенная деятельностью в предмет и превращающая в предмет саму деятельность» [165, с. 45]. Но, как отмечает Батищев, «деятельность человека только потому и может быть поистине предметной, а не «околопредметной», не просто взаимодействующей с предметами, что она сама себя обуславливает предметностью» [41, с. 83].

То, что деятельность сама себя обуславливает предметностью, означает, что предметный характер деятельности проявляется еще до начала реального процесса действия с предметом, а не приобретает в ходе взаимодействия, начинающегося как «непредметная» активность. Вообще, как говорит Батищев, «вопреки царящему повсюду взаимодействию, человеческая деятельность не находится в подобном отношении взаимности

со своим предметом. Где существует взаимность — там еще нет (или уже нет) подлинного

36

человека и его деятельности. Действительный человек в своей деятельности, чтобы не «портить» своего предмета, не взаимодействует с ним, а воссоздает его во всей особенности и конкретности его собственной мере и сущности» [41, с. 84—85].

Такое «не портящее» предмета воссоздание его в своей мере и сущности возможно лишь на основе включения в любую деятельность деятельности теоретической, познавательной, имеющей свои истоки в совместной коллективной деятельности людей и актах коммуникации. Предмет не непосредственно через особенности своей материальной организации направляет деятельность человека и делает ее предметной, «наделяет предметностью». Такая непосредственная модификация предметом направленной на него активности имеет место и у человека, и у животных. Для человека предметность мира раскрывается в ходе освоения им общественно выработанных и закрепленных в культуре норм предметного отношения к миру. Объективно существующий в культуре мир «идеальных форм» [169, с. 150, 157] и опосредует взаимодействие человека с любым природным объектом, превращая это взаимодействие в действие, подлинную деятельность, придает ей предметный характер. Человек в предметной деятельности воссоздает и творчески преобразует природу [131, с. 91], а не адаптируется к ней.

Ключевое методологическое значение признания предметности деятельности состоит в том, что «предметный характер деятельности лежит в основе ее объективной детерминации» [65, с. 78]. Именно в признании предметности деятельности, по Э. Г. Юдину, состоит суть ее материалистической трактовки [437, с. 291]. Для этого марксизм отказался от принципа однозначной детерминации деятельности со стороны ее собственной имманентной логики, что постулировалось идеализмом, и «положил в основание тезис о ее двойной детерминации — по логике предмета (это соответствует принципиальному материалистическому положению о приоритете предметного, материального начала) и по логике самой деятельности (это непосредственно следует из положения о ее творческом характере)» [437, с. 291].

Принципиально важно, что приоритет первого, предметного начала деятельности определяет и направление ее роста, развития, обогащения. Этот аспект существования деятельности точно и образно описывает Батищев: «Деятельность есть такой процесс, который никогда не остается самодовлеющим, автаркичным, замкнутым, но, напротив, всегда «занят» предметным миром, стремится глубже «погрузиться» в него и продолжить обогащение им себя. Деятельность — это принципиально и всецело открытый процесс ... навстречу всему сущему и возможному, всему настоящему, прошлому или будущему, всему, развернутому в пространстве или свернутому в сущности. Она все жаждет вовлечь в сферу собственного

движения, обратить в свое собственное достояние... Человеческая деятельность настолько активна, насколько она развита как предметная, насколько она обогащена предметностью» [41, с. 83].

37

Но эта объективная сторона обогащения деятельности предметностью, освоения деятельностью логики предметного мира не может развиваться без противоположного процесса — навязывания деятельностью миру своей логики, преобразования действительности сообразно целям действующего человека, или уничтожения ее определенности. «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (=меняет те или иные ее стороны, качества)...» [3, 29, с. 199]. Подчинение мира субъективным целям человека ведет к развитию и субъективного начала деятельности, выделению и становлению человека как субъекта деятельности.

Это значит, что деятельность нельзя понять только как объективный процесс. «Как бы далеко ни шло теоретическое понимание деятельности как объективного процесса, оно неизбежно находит на одном ее полюсе многообразие природных движений, на другом — их субъективное единство в практическом целеполагании. Иначе говоря, в реальном строении деятельности человек неминуемо обнаруживает себя в качестве ее субъективного момента» [165, с. 47]. При этом логика предмета и логика человеческих целей противостоят друг другу и даже находятся в противоречии, которое постоянно снимается в актах реальной деятельности и ею же создается уже на новом уровне. За этим противопоставлением стоит противопоставление субъекта и объекта.

Главная методологическая ошибка в понимании субъекта и субъективности в домарксистской философии заключалась в отождествлении их с полным произволом и абсолютной свободой. На самом деле за противопоставлением субъекта и объекта стоит противоречие социально обусловленной необходимости и необходимости природной. Марксизм вскрыл объективные предпосылки цели, показал, что она является субъективной по форме и объективной по содержанию.

В целеполагающей деятельности человека обеспечивается единство субъективного и объективного. «Формой этого единства является, в частности, нераздельность позитивного (т. е. прямого) и негативного (включающего в себя элемент отрицания, критического отношения) отражения действительности. Именно негативное «отражение» выражает отношение человека к действительности, оценку этой действительности и побуждает к ее преобразованию» [437, с. 269].

Таким образом, характеристика деятельности как целесообразной, целенаправленной подчеркивает единство в ней субъективного и объективного начал, субъективной и объективной детерминации, в то время как предметность деятельности подчеркивает примат объективной детерминации. Иначе говоря, развитие активной и субъективной сторон деятельности происходит через расширение ее предметности. Однако не

только развитие, но и само зарождение человека как субъекта (человеческой субъективности) происходит в ходе зарождения и развития предметной деятельности, человек выделился как один из полюсов этой деятельности. И
в

38

результате раздвоения структурных составляющих деятельности человек стал не просто одной стороной, одним полюсом ее, но он стал такой стороной, в которой воплотилось целое, он соединил в себе субъективные и объективные моменты деятельности. Так что «исторически обогащение его специфической, самобытной природы получает свое выражение в том, насколько он способен посредством деятельности очеловечить всю прочую природу» [165, с. 44].

Реально процесс любой деятельности осуществляется в форме двух противоположно направленных и взаимодополняющих акций — опредмечивания и распредмечивания. Это те противоположности, конкретное тождество которых и является предметной деятельностью [42, с. 154]. Определмечивание есть переход процессов деятельности в покоящееся свойство объекта, превращение действующей способности в форму предмета. Распредмечивание — обратный переход предметности в живой процесс деятельности, в действующую способность. Распредмечивание не есть утрата предметности, а лишь перевод ее из спокойствия в процесс, где она существует в качестве его момента [42, с. 154].

Именно в процессах опредмечивания и распредмечивания находит свое материалистическое объяснение происхождение и функция идеальных образований. «Предметная деятельность осуществляется не иначе, как производя идеальное, которое живет, только непрерывно исчезая в опредмечивании и столь же непрерывно возникая вновь из распредмечивания» [42, с. 154]. «Идеальность»... существует через непрекращающийся процесс превращения формы деятельности (общественного человека, разумеется)» [169, с. 158].

Что касается такой характеристики деятельности, как сознательность, то она прямо следует из ее целесообразности, целеподчиненности. «Целесообразный характер деятельности приводит к тому, что одним из главнейших ее условий и оснований является сознание, понимаемое в самом широком смысле... с одной стороны, оно выступает в качестве ее внутреннего компонента, средства контроля за ходом деятельности; с другой стороны, сфера сознания выступает как внешняя по отношению к деятельности, как источник формирования представлений о ее целях, смысле и оценке» [437, с. 268].

При этом необходимо отметить, что сознание и, следовательно, качества деятельности как сознательной первоначально рождаются в деятельности, регулируемой на основе досознательных форм отражения. Говоря о первоначальных формах сознания, К. Маркс отмечает: «Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана

лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, — что его инстинкт осознан» [1, 3, с. 30]. В дальнейшем с возникновением первоначальных, неразвитых форм сознания деятельность и формы ее организации как бы идут впереди форм отражения, прокладывая им путь.

39

В свою очередь возникновение форм отражения более высокого уровня, расширение круга осознаваемого открывает новые пути для развития деятельности. Принципиально важно, что разрыв в этом цикле взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов происходит именно на полюсе деятельности. Это положение нашло всестороннее обоснование в работах А. Н. Леонтьева [223; 226]. Строению деятельности соответствует строение сознания. Тезис этот является конкретизацией тезиса о примате бытия над сознанием и служит важным методологическим ориентиром при разработке методов психологического исследования сознания.

Опосредованный характер любой деятельности вытекает из двойной опосредованности отношения человека к предмету труда, являющемуся исходной формой деятельности. Это, во-первых, социальная опосредованность — отношение человека к предмету труда опосредуется отношением его к другим людям и, во-вторых, опосредованность орудийная. Отношение человека к другим людям также начинает все более опосредоваться материальными орудиями, средствами общения. Овладение человеком средствами деятельности и общения, выработанными человечеством в ходе исторического развития и зафиксированными в орудиях труда, предметах культуры, языке, нормах и эталонах способов действия и познания, является материальной основой таких идеальных характеристик человеческой деятельности, как ее сознательность и целесообразность.

Итак, практически все авторы выделяют в качестве характеристик деятельности социальность, предметность, целесообразность, сознательность, опосредованность и продуктивность. Правда, в отношении последней характеристики мнения расходятся. Одни считают, что продуктивный, творческий характер присущ любой деятельности [253, с. 23—24; 41, с. 88—89; 397, с. 146; 128, с. 19—22], другие полагают, что наряду с продуктивной деятельностью, в ходе которой возникают новые цели и средства деятельности, существует и репродуктивная, нетворческая, воспроизводящая ранее полученные результаты и опирающаяся на ранее созданные средства [437, с. 290; 175, с. 47—48; 293, с. 180; 254, с. 85; 211, с. 63].

За этими разногласиями лежит, по-видимому, различное употребление термина «творчество». Творческой, продуктивной, в широком смысле слова, является любая деятельность, поскольку она завершается получением некоторого запланированного продукта и, кроме того, с необходимостью приводит к возникновению ряда непредвиденных субъектом последствий. Последнее убедительно показано Трубниковым при анализе понятий «цель» и «результат» [397]. Но характер прямых и побочных результатов

деятельности, а также характер используемых средств позволяет выделить особый тип деятельности, творческой в узком смысле слова. В ней совершается значительный шаг в разрешении противоречия между преемственностью, основанностью на прошлом опыте любой деятельности и необходимостью выхода за

40

рамки этого опыта в силу его принципиальной незавершенности [204, с. 11—15]. Способом разрешения этого противоречия, по мнению Кристостурьяна, служит критическая рефлексия опыта, выступающая в формах критики и самокритики. «Критика и самокритика... выступают как критерий, необходимый для определения меры доверия, с которым надо относиться к опыту, и в то же время выполняют селективную функцию, позволяя выделить из опыта и актуализировать то, что нужно для достаточно четкой постановки оригинальной проблемы и успешных поисков ее решения» [204, с. 15].

В то же время некоторые авторы считают, что характеристика отдельных видов деятельности как нетворческих вызвана включением в философский анализ собственно психологических критериев, связанных с наличием или отсутствием некоторых субъективных переживаний [128, с. 21].

Специальный интерес для психолога представляют предлагаемые философами классификации видов и типов деятельности. Наиболее полную классификацию предложил Каган. Каждый вид деятельности определяется фиксацией одного из трех основных компонентов деятельности: субъекта, объекта и самого процесса активности, выражающегося в «том или ином способе овладения объекта субъектом или в установлении субъектом коммуникативного взаимодействия с другими» [175, с. 46].

Субъектом деятельности может быть конкретный индивид, социальная группа и общество в целом. Соответствующие виды деятельности могут быть названы индивидуальной, коллективной и общественно-исторической. В качестве объекта может выступать природный предмет, предмет культуры, социальный институт, идеальный объект, другой человек и сам субъект деятельности. В последнем случае субъект и объект деятельности совпадают, происходит своеобразное раздвоение субъекта деятельности; это имеет место при деятельности самопознания или самоизменения. В этом случае виды деятельности могут быть обозначены как деятельность, направленная на внешний мир и на самого себя.

Характер объекта деятельности сказывается и на выделении таких ее видов, как материальная, чувственно-предметная и духовная деятельность. Особое место занимает деятельность, направленная на другого субъекта, когда последний выступает не в качестве природного объекта, а именно в качестве субъекта деятельности или в качестве относительно самостоятельной части коллективного субъекта деятельности. Здесь процесс разворачивается уже не между субъектом и объектом, а между двумя субъектами деятельности. Это дает основание некоторым авторам вообще

лишить такой тип субъектно-субъектного процесса статуса деятельности, говоря о деятельности и общении как рядоположенных категориях.

В любом случае, принимаем ли мы общение как одну из форм деятельности, иногда называемой коммуникативной деятельностью

41

[175, с. 80—90; 131, с. 91—92; 217, с. 112 и др.], или выделяем его в самостоятельную категорию, не находящуюся в отношении соподчинения с категорией деятельности [237, 239], нельзя не признать особый характер такого отношения одного субъекта к другому, которое предполагает партнерство и настроенность на обратное воздействие со стороны партнера как равноправного носителя активности. В этом смысле общение предполагает подлинное взаимодействие, которое не характерно для деятельности, что достаточно убедительно показывает Батищев [41, с. 84—85].

Основная типология деятельности базируется, однако, не на классификации ее субъектов и объектов, а на сочетании типа объекта деятельности и характера активности, осуществляемой субъектом. Характер активности в свою очередь определяется спецификой важнейших структурных элементов деятельности, средства и результата. Весьма содержательный анализ этих философских понятий дан в работе Трубникова [397].

Возвращаясь к классификации Кагана, отметим, что она явилась результатом рассмотрения деятельности именно в ее аналитико-морфологическом аспекте как некоторого системного образования в пространстве субъект — объект [253, с. 5]. Каган выделяет четыре базисных вида деятельности: преобразовательную, познавательную, ценностно-ориентационную и коммуникативную (общение), а также художественную деятельность в качестве органического синтеза (синкретического единства) всех четырех базисных видов [175, с. 47, 139].

В познавательной деятельности активность субъекта, направленная на объект, не модифицирует его, а лишь отражает, копирует. Здесь, однако, возникает проблема, нарушающая стройность разбираемой классификации. Вряд ли возможно познание без идеального преобразования и реконструкции объекта познания. А. В. Брушлинский, например, считает, что «в процессе познавательной деятельности непрерывно видоизменяется «не только» образ познавательного объекта, но тем самым и этот последний» [60, с. 82]. Согласно Б. Б. Коссову «восприятие не только отражение, но и преобразование действительности» [196, с. 26]. В. А. Лекторский полагает вообще необоснованным выделение преобразовательной деятельности в особый вид или подвид, так как «всякая предметная деятельность — это преобразование, трансформация одних объектов в другие, одной объективной ситуации в другую» [211, с. 62].

Приведенные выше определения, характеристики и классификации видов деятельности позволяют соотнести это понятие с близкими ему философскими понятиями «практика» и «труд». В тезисах К. Маркса о Л.

Фейербахе мы находим противопоставление практике теоретической деятельности и определение практики как чувственно-человеческой, «революционной», практически-критической деятельности [1, 42, с. 261—264]. В других случаях она раскрывается как чувственно-предметная, материальная деятельность [291, с. 340].

42

Однако сказать, что практика есть лишь частный случай, одна из форм деятельности, было бы недостаточно. Она выступает в качестве главной и исходной формы деятельности, из которой выросли и развились все ее другие формы. Практическое отношение человека к миру является исходным [1, 19, с. 377]. Практика служит источником и критерием истинности знания [1, 42, с. 264]. Поэтому В. И. Ленин ставил практику «выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [3, 29, с. 195].

Основной формой практического отношения человека к действительности является труд (один из видов преобразовательной деятельности). «Марксизм ищет определение человеческой сущности в специфической человеческой деятельности и бытии и находит его в человеческом труде» [418, с. 38]. Это понятие уже понятия практики во многих отношениях. Во-первых, наряду с производительной деятельностью, каковой является труд, существует и деятельность потребления, без которой практика невозможна. Во-вторых, и это главное, если понятие труда применимо по отношению к индивидуальной деятельности, то под практикой всегда понимается деятельность в ее совокупно-общественной форме, т. е. общественно-историческая деятельность людей [291, с. 346]. Но если говорить не о практике в целом, а о различных видах деятельности, то можно сказать, что труд есть главная форма деятельности. «Марксизм исходит из целостного понимания деятельности как предметной, как органического единства чувственно-практической и теоретической форм деятельности. Эта целостность синтезируется в марксистском понимании практики, включающем многообразные формы человеческой активности и ставящем во главу угла труд как высшую форму деятельности» [293, с. 151].

«Труд является тем способом, посредством которого осуществляется соединение природного и социального» [272, с. 62]. Именно труд в качестве второй субстанции в определенном смысле «создал самого человека» [1, 20, с. 486] и человеческое общество. Поэтому содержательное раскрытие понятий «труд», «деятельность», «практика», «отражение» невозможно без опоры на материалистическую теорию развития общества.

Представленные в данном параграфе материалы являются результатом осмысления деятельности как философской категории. В заключение хотелось бы отметить главную причину, по которой деятельность стала одним из центральных объектов анализа в психологии. Поскольку деятельность есть способ объективации субъективного, она дает возможность проникнуть во внутренний мир человека, открывает путь для применения объективного метода в психологии. «С понятием деятельности в

материалистическую философию вводится принцип объективного подхода к субъективному миру общественного человека» [182, с. 56].

Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на важность изучения продуктов человеческой деятельности, в том

43

числе производственной, для психологии. Советские психологи провели большую работу по осмыслению и развитию этих положений [90; 343; 51; 221; 223; 9; 178; 263; 443; 444; 93; 142; 143; 64; 126; 239; 6; 19 и др.].

§ 4. Познание как высшая форма отражения.

Активность познавательной деятельности

Философский анализ выделенной в предыдущем параграфе познавательной деятельности, которая направлена на построение адекватного образа реальности, ближе всего примыкает к проблеме активности отражения в ее психологическом аспекте. Выводы этого анализа являются философско-методологическим ориентиром для работы по вычленению активных составляющих психического отражения. Само возникновение познавательного образа в индивидуальной познавательной деятельности рассматривается как результат функционирования психических процессов — ощущения, восприятия, воображения, мышления, поэтому при анализе закономерностей построения познавательного образа философы широко опираются на данные экспериментальной психологии. Разумеется, нельзя смешивать планы философского и психологического анализов познавательных образов, хотя они тесно взаимосвязаны. В философских работах нередко можно встретить высказывания типа того, что «познавательный образ, как и всякое психическое отражение, имеет активный характер» [193, с. 36].

Марксистско-ленинская философия рассматривает познание как особую деятельность отражения [212, с. 136], которая является высшей формой отражения в той же мере, как сама деятельность выступает в качестве высшей формы активности. «Марксизм утвердил принцип активности познающего субъекта», — отмечает Б. Ф. Ломов [240, с. 118]. Какие же аспекты активности или ее формы выделяются философами в ходе анализа познавательной деятельности и ее продукта — познавательного образа? Этим вопросам непосредственно посвящен целый ряд работ [309; 422; 251; 203; 184; 66; 281; 5; 123; 282; 294; 13; 189; 180; 316; 331; 179 и др.]; рассматриваются они и во многих работах по общим проблемам активности и отражения, на которые мы ссылались в предыдущих параграфах.

Практически все авторы справедливо указывают, что активный характер познавательной деятельности связан прежде всего с тем, что она является дериватом деятельности материальной, чувственно-практической. «Производство идей ... первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышления, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального

отношения людей» [1, 3, с. 24]. Очевидный активный характер практической деятельности по изменению природы человеком и выступает

44

«существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления» [1, 20, с. 545].

Последовательно материалистическое понимание познавательной (отражательной) деятельности возможно лишь на основе признания в качестве первичного не познавательного отношения человека к миру, а практической преобразовательной деятельности [212, с. 157; 214, с. 24; 193, с. 10; 281, с. 12]. «Люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в этом теоретическом отношении к предметам внешнего мира». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы есть, пить и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а активно действовать, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности» [1, 19, с. 377]. Указанная природа познания позволяет выделить в нем следующие аспекты активности.

1) Процесс познания даже самого абстрактного, никогда не отрывается полностью от практического воздействия на предметы внешнего мира и их реального изменения в ходе познания. «Вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [3, 42, с. 290]. Таким образом, активность познания предполагает прежде всего момент изменения самого познаваемого объекта в ходе реального взаимодействия с ним.

2) Продукты познания (знание) направляют и регулируют практическую деятельность субъекта, обеспечивая ей целенаправленный сознательный характер, в частности за счет предвосхищения ее результатов и отбора среди них тех, которые потребны субъекту.

3) Само познание приобретает характер деятельности со всеми ее специфическими чертами [212, с. 136; 193, с. 45—51; 180, с. 9; 195, с. 45; 358, с. 36 и др.]. Это утверждение является настолько важным для понимания сущности познавательной активности, что мы рассмотрим его отдельно в конце параграфа.

4) Познавательная деятельность может выступать и реально выступает в качестве «заместителя» практической деятельности не отдельного индивида, а общества в целом. Этот вопрос, редко обсуждающийся в литературе, хорошо сформулирован в работе Л. К. Науменко. Мы приведем пространную цитату из этой работы еще и потому, что она принадлежит к труднодоступным изданиям [281, с. 15—16]: «Чувственно-практическая деятельность отдельного индивида не может служить реальным воплощением универсальной деятельности общества. Вместе с тем такое воплощение необходимо диктуется законами самой этой общественной деятельности. То, что индивид не может осуществить реально, он осуществляет идеально. Мышление и является деятельностью, которая разрешает это противоречие»... «Подобно тому, как в ходе чувственно-

практической деятельности человек должен заранее идеально построить вещь в своей голове, так и способность к

45

производству любой вещи заключается в том, что «мерки всех вещей» он уже имеет в своей голове. Этими «мерками всех вещей», снятыми с бытия практической деятельностью общества, являются категории мышления, составляющие его логический строй. Подобно тому, как реальная мерка дана человеческой руке в ее орудии, так и идеальные мерки всех вещей даны голове человека в ее общественном орудии — в языке... Деятельность в плане языка, мышления служит для самого субъекта символическим замещением универсальной чувственно-практической деятельности общества в плане природы, ее идеальным осуществлением.... Активное восприятие мира состоит в расшифровке словесного «кода» в соответствии с той общественно разработанной формой чувственно-практической деятельности, идеальным образом которой являются категории мышления».

Активность познания в этом четвертом ее аспекте выражается в способности человека опираться при регулировании деятельности на обширный социальный опыт, общечеловеческую практику, и преодолевать узость своего собственного практического взаимодействия с миром, ограниченность своего опыта. Именно через познание, через усвоение общественно выработанных средств деятельности практика входит в индивидуальную деятельность. В психологии, как отмечает Б. Ф. Ломов, до сих пор распространено упрощенное и потому неверное толкование практики как совокупности индивидуальных практических действий, в ходе которых обнаруживается адекватность или неадекватность наших представлений [239, с. 5]. Активность познания, опирающегося на усвоение результатов общественной практики, способна преодолеть неадекватность результатов индивидуальных практических или познавательных действий, поправить их в соответствии с принципом правдоподобия [223, с. 66].

5) Поскольку активный характер познания в том плане, который изложен в предыдущем пункте, связан с использованием средств познавательной деятельности, то создание таких средств в рамках социальной или индивидуальной деятельности конституирует особую линию активности познания. «Где действительно существует созидание, конструирование предметов в процессе познания, так это в деятельности с предметами-посредниками... При помощи искусственно созданных предметов-посредников субъект познавательно воспроизводит другие объекты» [212, с. 167]. Так как нормы и средства познавательной деятельности имеют социальную природу и усваиваются субъектом как нечто данное и объективно существующее и сама потребность их усвоения имеет социальную природу, то некоторые авторы считают, что высшим выражением активности познавательного отражения является его социальная детерминация в противоположность обусловленности внешними воздействиями и состояниями организма у животных [123, с. 60].

Другие авторы связывают активный характер познавательного отражения с такими его особенностями, как избирательность

46

[252, с. 68; 401, с. 105], направленность в будущее (опережающее отражение) [215, с. 133; 252, с. 69; 184, с. 21; 189, с. 13 и др.]; присутствие моторных компонентов (на этот факт указывают практически все авторы); наличие у познающей системы собственных ресурсов энергии и информации [203, с. 55]; подчиненность самой познавательной деятельности некоторому предварительному плану [282, с. 16]; несовпадение познавательного образа с его источником [66, с. 7], или наоборот адекватность образа [252, с. 66; 194, с. 31].

Не вызывает сомнения, что активность познания выражается в идеальном преобразовании отражаемого объекта [193, с. 177; 294, с. 7], в присутствии элементов поиска и творчества в процессе построения образа [13, с. 14; 193, с. 99], в субъективности и пристрастности познавательных образований [223, с. 55; 294, с. 7]. Но все эти наряду с многими другими характеристиками познания как активного процесса являются следствием его понимания как деятельности. Активность же самой деятельности выражается, как уже отмечалось, в тех моментах ее движения, которые обусловлены субъектом. Поэтому и при определении активности познавательной деятельности большинство авторов подчеркивает наличие движения от субъекта к объекту, влияний, исходящих от субъекта на объект познания и сам процесс познания [194, с. 31; 13, с. 9—10; 180, с. 11; 282, с. 11; 123, с. 60; 375, с. 26 и др.].

Но что привносится субъектом в процесс отражения, каково содержание «встречного процесса от субъекта на объект»? Здесь встает очень важный теоретический вопрос, от ответа на который невозможно уклониться. Если познание есть деятельность, а в этом единодушны все философы-марксисты, то как всякая деятельность она должна носить целенаправленный характер. Цель как закон определяет способ и характер действий человека [1, 23, с. 189] в направлении достижения некоторого результата. Таким образом оказывается, что будущий результат познавательной деятельности должен быть представлен субъекту в какой-то форме еще до его реального получения. Здесь еще нет особого противоречия, так как этот результат в форме некоторого предзнания может быть дан субъекту как неполное, вероятностное и схематичное знание, получающее свою верификацию, уточнение или опровержение в ходе реализации познавательной деятельности.

Но в той же мере, в какой познание является деятельностью, оно является и отражением. Нет ли противоречия в словосочетании «деятельность отражения»? Ведь первичность отражаемого по отношению к образу, его независимое существование не вызывает сомнения. Исходя из этого единственно приемлемого для материалистической философии положения многие современные философы понимают познавательную деятельность (и прежде всего деятельность восприятия) как начинающуюся с воздействия

стимулов на органы чувств человека. Но тогда деятельность превращается в чисто рефлекторный процесс и фактически перестает

47

быть человеческой деятельностью в том смысле как она нами описана. Не получает своей реализации и принцип активности, фактически уступая место принципу реактивности.

Причиной этого является неполное преодоление натуралистического понимания познания как взаимодействия двух природных систем. При таком подходе упускается из вида, что следы воздействий предметов на органы чувств человека, «хотя и являются отражением внешнего объекта, но вовсе не составляют знания, они непосредственно не включены в познавательное отношение и, будучи лишь его необходимой предпосылкой, не могут быть охарактеризованы как познавательные образы» [212, с. 137]. Этому высказыванию В. А. Лекторского созвучно утверждение Э. В. Ильенкова о том, что неверно полагать, будто «мир познается в наших ощущениях. В ощущениях внешний мир нам лишь дан, точно так же, как он дан и собаке. Познается он не в ощущениях, а в деятельности мышления» [170, с. 35]. А. М. Коршунов также отмечает, что «если иметь в виду неразвитые формы чувственного отражения, то их лучше назвать предзнанием» [193, с. 127], или, добавим, предпосылкой знания в терминологии В. А. Лекторского. В работах этих авторов и некоторых других философов сделан шаг вперед на пути разрешения противоречия между пониманием познания как деятельности и как отражения.

Главное заключается в том, что само отражение на уровне человека должно рассматриваться как продуктивный, творческий процесс. Только тогда оно может претендовать на статус подлинной деятельности. «Познавательное отражение, его определенные виды активны и в силу своей активности относятся к сфере творческой деятельности» [193, с. 177]. «Обработка непосредственных чувственных впечатлений (получение нового знания) в восприятии может быть охарактеризована ... как процесс своеобразной постановки проблемы, выдвижения гипотез, их проверки и превращения в истинное знание. Это значит, что уже чувственное восприятие носит творческий, поисковый характер» [193, с. 99]. Аспект отражения как деятельности на уровне построения чувственного образа наиболее подробно рассмотрен В. А. Лекторским. Он отмечает, что восприятие не может быть понято на основе только сенсорной информации [212, с. 140], что оно опирается на процессы осмысления, понимания, истолкования [212, с. 143]. «Формирование образа восприятия предполагает непрерывное присутствие в сознании в качестве его элемента амодальной, объективной схемы мира, которая может существовать в ткани любой модальности или в виде некоторых мнемических схем. Воспринимаемый мир — это форма существования схемы мира в той или иной модальности» [212, с. 142—143].

Наконец, ключевым является положение о том, «что не только в практике, но и в теории человек «идет к объекту», от образа к его источнику, от внутреннего к внешнему» [193, с. 178]. Ибо, только признавая в познании

движение от субъекта к объекту, можно понять его как деятельность — деятельность продуктивную

48

и целенаправленную. Однако, не противоречит ли это положение сформулированному В. И. Лениным материалистическому требованию идти в изучении субъективных явлений от мира к образу [3, 18, с. 52] и вообще материалистическому решению основного вопроса философии о первичности материального, бытия и вторичности идеального, сознания? Прежде чем снять это кажущееся противоречие, обратим внимание на то, что и у В. И. Ленина имеются прямые указания на роль в познании движения от субъекта к объекту. «Сначала мелькают впечатления, затем выделяется нечто, — потом развиваются понятия качества. ... и количества. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus явления, — причинности etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине...» [3, 29, с. 301]. «Первой ступенью, моментом, началом, подходом познания является его конечность... и субъективность, отрицание мира-в-себе — цель познания сначала субъективна...» [3, 29, с. 188]. Сюда же можно отнести высказывания В. И. Ленина о неабсолютности различия субъективного и объективного [3, 29, с. 90], о превращении идеального в реальное [3, 29, с. 104], о том, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [3, 29, с. 194].

Причиной того, что в современной материалистической философии все еще доминирует представление о познании как имеющем реактивную, а не активную, деятельностьную природу, является, во-первых, смешение различных планов анализа (гносеологического и онтологического; функционального и генетического) и, во-вторых, наличие рудиментарных представлений об объекте как чистой объективности, когда последний рассматривается «не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [1, 3, с. 1].

Когда мы говорим о первичности материи и вторичности сознания — о производности субъективного, о его зависимости от объективного, об определяемости первого вторым и т. п., то речь идет о гносеологической и генетической первичности или вторичности [366, с. 21, 39, 45 и др.]. Но когда речь идет о функциональном анализе, о функционировании познавательных образований в инициации и регуляции любой деятельности (как практической, так и познавательной), то некоторая субъективная цель этой деятельности необходимо должна ей предшествовать. Ведь никто не усматривает уступок идеализму в утверждении о том, что цель, т. е. некоторое субъективное образование, предваряет деятельность по практическому преобразованию действительности. Более того, наличие этой цели является главным конституирующим признаком, отличающим человеческую деятельность как систему направленных воздействий на природу от любых взаимодействий между природными объектами. Идеализм

начинается там, где в качестве следующей посылки не оговаривается генетическая

49

зависимость самих целей человека от форм деятельности (прежде всего практической), господствующих в данном обществе и усваиваемых человеком.

Несомненно, что в своем генезисе и развитии, т. е. исторически, цели и знания человека вторичны по отношению к развитию деятельности. Диалектика функции и генезиса, несовпадение первичного и вторичного в генетическом и функциональном анализах вполне освоены марксистской философией при рассмотрении практической деятельности, но не до конца распространены на понимание деятельности познавательной. Необходимо признать, что любой конкретный акт познания начинается, отправляется от некоторого исходного представления о мире, от его образа, который затем уточняется, дополняется, исправляется или опровергается (заменяется принципиально отличным) в ходе познавательной деятельности. В отношении рационального и, в частности, научного познания понимание роли исходного знания в качестве отправной точки в функционировании всего познавательного процесса также является общепринятым. Наибольшие теоретические трудности вызывает признание такой первичности и в отношении чувственного познания. Попытке наметить пути преодоления этих трудностей с опорой на теоретико-методологический анализ и данные конкретных наук (прежде всего психологии) и посвящена данная книга.

Разумеется, признание в качестве первичного, исходного момента познавательной деятельности некоторого субъективного образа, даже если речь идет о функциональном плане анализа, правомерно лишь при определенном понимании самой природы субъективного и объективного. Домарксовский материализм понимал объект как некоторую чистую объективность, противостоящую субъекту и отделенную от субъективности непроходимой границей. В действительности объект и субъект образуют некоторую систему, в которой они определяются друг через друга и вне которой они не могут существовать в качестве таковых. Мы уже излагали кратко во введении положения, которые наиболее полно развиты С. Л. Рубинштейном, о том, что с появлением человека как субъекта деятельности иным становится и весь остальной мир. «Стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком как объективном отношении»..., т. е. «с появлением человеческого бытия коренным образом преобразуется весь онтологический план» [343, с. 259]. С появлением человека последний становится объективно существующей отправной точкой всей системы координат [343, с. 330], и его преобразующее действие на материальный мир становится главной силой самого мира [343, с. 277]. Именно поэтому объекту в форме деятельности человека должен быть придан «статус онтологической и логической фундаментальности, первичности» [251, с. 16]. «Необходимо расширить понятие объективности»,

— отмечают В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили [159, с. 115] «Субъективность сама входит в объективную реальность, ...является

50

элементом ее определения» [159, с. 116]. Только на этом пути можно преодолеть созерцательный подход в понимании объекта.

Таким образом, когда мы говорим о генетической первичности объекта по отношению к субъекту, его субъективному образу, то речь идет опять-таки не о чистом объекте, а об объекте в форме деятельности как об одном из полюсов деятельности. «Исходно существуют не объекты созерцания, познания, а объекты потребностей и действий человека» [343, с. 258]. В той же мере, в какой наличие объекта с определенными характеристиками является условием проявления внутренних качеств субъекта деятельности и познания, наличие определенных свойств субъекта является условием проявления свойств объекта, становления его в качестве объекта деятельности. Иначе говоря, то, что может выступить в качестве объекта деятельности, зависит от характеристик субъекта, его потребностей, отражательных способностей и т. п. Сказанное означает, что не существует ни чистой объективности, ни чистой субъективности, субъект и объект постоянно переходят друг в друга, выступая в качестве лишь относительно самостоятельных моментов движения деятельности. Именно деятельность, воплощенная в материальных предметах или в сукцессивно развертывающейся реальности, является той ближайшей объективностью, к которой человек вынужден приспособлять свое поведение [169, с. 154], и именно она порождает субъективность человека, включающегося в нее посредством общения с другими людьми и совместного с ними действия.

Формируясь и развиваясь в ходе деятельности, впитывая в себя по ее каналам все новые слои объективного, субъективность человека начинает оказывать все большее влияние на ход самой деятельности, инициирует и направляет ее. Но сама она продолжает существовать, развиваться и оказывать обратное влияние на развитие деятельности лишь при условии непрерывной связи с объективным миром. Как только эта связь нарушается, субъективное перестает существовать, т. е. оно не субстанционально, а имеет функциональный характер. Субъективный образ есть явление объекта субъекту, особый тип проявления сущности объекта и в то же время проявление вовне внутренних свойств субъекта, без наличия которых он не мог бы отразить данный объект.

Здесь уместно вспомнить то, что уже говорилось ранее об отражении как всеобщем свойстве материи. Даже на уровне неживой природы отражение выступает, с одной стороны, как проявление вовне внутренних свойств отражающего и отражаемого объектов, так что сам продукт отражения выступает в форме установления системной связи между этими объектами, фиксирующей определенную сторону их общности.

Таким образом, противоречие между пониманием познания как деятельности и как отражения снимается утверждением, что всякий акт

познания в той мере, в какой оно превратилось в самостоятельную познавательную деятельность, функционально начинается

51

с конструирования, предвосхищения ожидаемого познавательного результата этого акта с последующей апробацией его в ходе познавательной и практической деятельности. Отражение осуществляется в форме активного движения от субъекта к объекту, где момент реактивности, пассивности (движение от объекта к субъекту) выступает как подчиненный. Субъект конструирует некоторый познавательный полуфабрикат, который получает статус образа реального объекта после апробации этого полуфабриката данными органов чувств.

Это утверждение является дискуссионным, и поэтому необходимо сделать еще несколько оговорок. Может возникнуть впечатление, что речь здесь идет о том, что субъект по собственному произволу сам создает познавательные образы, а из реальности отражается лишь то, что им соответствует, и игнорируется то, что не соответствует. Это не так по ряду следующих причин.

1) Отражение выступает в форме активной деятельности лишь на уровне восприятия и более высоких уровнях. Что касается ощущений, то они носят рефлекторный характер и обеспечивают пассивный (реактивный) компонент любого познавательного акта. Вопрос о дифференциации уровней активного и рефлекторного отражения будет рассмотрен в третьей главе.

2) Субъективное, играющее конструктивную роль в построении некоторого предзнания, познавательной гипотезы, само является результатом переработки объективного, усвоения и субъективации его в процессе предшествующих деятельностей, через деятельность как канал, наиболее прямо связывающий субъекта с миром. Поэтому субъективное как внутреннее всегда является не чем иным, как другой формой существования объективного, внешнего.

3) Внутреннее (субъективное) есть длительно аккумулированное внешнее, которое обеспечивает гораздо более широкий контекст для построения познавательной гипотезы, чем это может быть обеспечено актуально воздействующим внешним, часто случайным, не «отфильтрованным» практикой. Вообще, как отмечает Л. А. Петрушенко, «порой молчаливо подразумевается, что всякое подчеркивание активности, самодеятельности якобы может упрочить позиции идеализма и религии, тогда как, напротив, подчеркивание роли среды всегда будто бы означает усиление материалистических позиций» [307, с. 28]. Однако скорее отрицание роли внутренней активности требует постулирования первотолчка, поэтому В. И. Ленин назвал «солью диалектики» наличие «внутреннего источника всякой деятельности, живого самодвижения» [3, 29, с. 210]. «Повышение роли внутренней детерминации означает, как это ни парадоксально, не ликвидацию (уменьшение, ослабление, свертывание и т. п.) детерминированности системы окружающей средой, а, напротив, иную, в целом может быть даже более всеобъемлющую, устойчивую и глубокую

форму детерминированности, чем прежняя, или чем та, которая присуща системам, чьи действия жестко и всецело определяются

52

средой» [307, с. 29]. В то же время все шире начинают распространяться представления о том, что подлинные причины, движущие силы развития лежат внутри объекта [343, с. 290].

4) Все сказанное в предыдущем пункте о соотношении внутреннего и внешнего еще более отчетливо выступает в человеческой субъективности. Предварительно конструируемая гипотеза опирается не только на накопленный индивидуальный опыт (что уже обеспечивает ей большую адекватность по сравнению с опорой на сиюминутное внешнее), но и учитывает общечеловеческий опыт, вошедший в субъекта с усвоением объективированных систем знаний, выступающих в роли посредников любого познавательного отношения [212, с. 167].

5) Сама возможность постоянного познавательного движения от субъекта на мир определяется тем, что субъективный образ не есть некоторое субстанциональное образование, принадлежащее только субъекту. Он представляет собой форму связи субъекта с объектом, единство проявления вовне внутренних свойств субъекта и явления объекта субъекту (как одно из проявлений, сущности объекта). Эта системная связь фиксирует некоторую объективно существующую общность субъекта и объекта, которая и задает направление для более или менее адекватного предвосхищения результатов познавательной деятельности. Данная общность проявляет себя не только в познавательном отношении, но имеет онтологический аспект [343, с. 311].

В связи с этим не представляется бесспорным требование абсолютизировать различие между отражением как понятием, описывающим реальные явления (онтологический план), и отражением как формой познания (гносеологический план) [322, с. 106—109]. Во-первых, это требование основано на положении о жестком и последовательном разведении онтологии и гносеологии, которое не принято в марксизме. С этим связаны и приведенные выше положения В. И. Ленина о неабсолютности различия между материальным и идеальным, объективным и субъективным. Во-вторых, отражение занимает совершенно особое место в ряду явлений объективной действительности, так как выступает в качестве материальной предпосылки познания, входит в самую плоть любого познавательного акта. Поэтому процесс отражения с самого начала содержит в себе два аспекта — онтологический и гносеологический, которые нельзя полностью оторвать друг от друга. Если и существует точка пересечения этих двух аспектов самой действительности, то этой точкой является отражение.

Итак, осуществление отражения реальности в форме познавательной деятельности, предполагающее наличие предварительного представления о будущем результате этой деятельности, обеспечивает большую объективность и адекватность отражения по сравнению с отражением, строящимся как реактивный процесс последовательной переработки

результатов внешних воздействий на познающего субъекта. Это положение получает всестороннее обоснование и подтверждение на материале конкретно-психологических

53

данных и в то же время позволяет сформулировать новые вопросы для психологических исследований.

«Специфика человеческого способа существования заключается в мере соотношения самоопределения и определения другим» [343, с. 261]. Доминирование самоопределения у человека закреплено в содержании понятия «деятельность» и в полной мере реализовано в понимании практической деятельности. Необходимо теперь распространить его и на понимание человеческого познания. Именно в этой области «идеи деятельности слишком часто декларируются и... удивительным образом уживаются с идеями приспособления, адаптации» [159, с. 124].

54

Глава II

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АКТИВНОЙ ПРИРОДЕ ПСИХИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

В соответствии с основной проблемой работы мы будем прежде всего рассматривать активность психического познавательного образа. Другие психические образования, также имеющие отражательную природу (эмоции, мотивы, интересы и т. п.) не станут специальным предметом анализа и будут обсуждаться лишь в той мере, в какой они непосредственно связаны с психическими познавательными образами.

Как отмечает А. М. Матюшкин, «активность является наиболее общей категорией в исследованиях природы психики» [256, с. 5]. В проблеме активности психического могут быть выделены три аспекта: (1) роль психики в обеспечении все более высоких уровней активного взаимодействия материальных объектов, воздействия одних объектов на другие; (2) выделение в рамках самого психического таких образований, которые существенно отличаются по описанным выше показателям активности; (3) выявление активных составляющих в процессе возникновения и функционирования психического образа, показ того, как принцип активности реализуется в познавательной деятельности, завершающейся построением психического образа реальности.

Активная роль психического состоит уже в том, как верно отмечает О. К. Тихомиров [391, с. 41], что оно опосредует жизнь индивидов, а не просто сопровождает нервные процессы, т. е. что психическое не является эпифеноменом. Именно психика обеспечивает субъекту представленность будущего результата действия за счет его предварительного «проигрывания» во внутреннем плане с учетом своего индивидуального опыта (уровень действий субъекта) и опыта общественно-исторического (уровень действия личности). В ориентирующей роли психики П. Я. Гальперин видит ее главную функцию в обеспечении более высоких уровней активности. Такая ориентировка, как и психика вообще, необходима, по П. Я. Гальперину,

только в необычных, нестандартных ситуациях действия. Этот тип ориентировки он называет активной в отличие от пассивной, автоматической ориентировки, срабатывающей в стереотипных условиях [93, с. 88].

В зависимости от соотношения новых и повторяющихся элементов в ситуации действия в последнем меняется соотношение его активной и автоматизированной части. «И это одинаково касается не только действия, но и образа, в плане которого оно выполняется» [93, с. 84].

55

Именно психика позволяет действию быть неадаптивным, целенаправленным, преобразующим, приобретать квазиспонтанный характер и регулироваться событиями, далеко отстоящими во времени и пространстве от актуального действия, т. е. быть относительно независимым от конкретной, непосредственно данной ситуации. Очень убедительно, теоретически и экспериментально обосновал роль психического образа в построении и регулировании подлинно активных двигательных актов Н. А. Бернштейн. Он показал, что одних физиологических регуляций принципиально недостаточно для обеспечения результативного характера движения. «Весь наш долгий опыт изучения двигательных форм, навыков, клинических расстройств показал с полной ясностью, что единственным стандартом-определителем и для программы двигательного действия, и для ее выполнения, и для корригирования по обратным связям может являться только оформившаяся и отображенная каким-то образом в мозгу двигательная задача. ... Наметить двигательную задачу (независимо от того, как она закодирована в нервной системе) — это необходимо означает создать в какой-то форме образ того, чего еще нет, но что должно быть» [46, с. 278—281].

Иногда психике приписывается и «активная» роль в ином смысле — роль источника энергии, обеспечивающей реализацию тех или иных действий. Не разбирая здесь концепций Фрейда, Спирмена, Лазурского, которые связаны прежде всего с эмоционально-потребностной, а не познавательной сферой (при всей условности разделения этих сфер), отметим, что вполне обоснованное понимание психической активности как структурного компонента темперамента (В. Д. Небылицин) связывает это проявление активности с процессуальной и динамической, а не содержательной характеристикой деятельности [285, с. 259]. Тем самым вновь подтверждается сформулированное выше положение о том, что характеристика активности по энергетическому параметру является скорее количественной, чем качественной.

Что касается второго вопроса — о градации познавательных психических образований с точки зрения меры их активности, то здесь мы ограничимся лишь указанием на очевидное возрастание этой меры по всем трем качественным параметрам в следующем ряду: ощущение — восприятие — представление — понятие. К принципиальному для нас различию в соотношении пассивных, реактивных и активных компонентов в образах восприятия и ощущения мы вернемся ниже.

Центральным в настоящей работе является третий вопрос — выделение активных, составляющих в процессах построения и функционирования психических образов и степень реализации принципа активности в современных представлениях о познавательных психических образованиях. Рассмотрим сначала эту проблему в историческом аспекте.

56

§ 1. Исторический очерк проблемы активности психического отражения

Первой целостной теорией психического образа можно назвать теории имитирующей репрезентации Эмпедокла, Демокрита, Эпикура [458, с. 672]. Согласно Эмпедоклу (490—430 гг. до н. э.), все предметы, непрерывно двигаясь, испускают волны, проникающие в поры других предметов, в том числе органов чувств. В последнем случае возникают ощущения за счет приспособления каждого из органов чувств к ощущаемому путем изменения величины пор. Поэтому органы чувств не могут замещать друг друга — подобное познается подобным [32, с. 71]. Замечательный аспект в учении Эмпедокла заключается, по мнению В. Ф. Асмуса, в том, что по крайней мере для зрения он постулирует наличие двух родов истечений как необходимое условие восприятия: «Одни направляются от видимого предмета к глазу; другие, напротив, от глаза к рассматриваемому предмету» [32, с. 72]. Это, пожалуй, первая однозначная и прямая формулировка необходимости активной составляющей (встречного процесса от субъекта на объект) в чувственном познании. В отличие от Эмпедокла, Анаксагор (500—428 гг. до н. э.) считал, что ощущения всецело пассивны, страдательны. Этот вывод явился следствием его представления о познании противоположного противоположным, тогда как все противоположное, несходное при соприкосновении вызывает страдание [32, с. 94].

Демокрит (460—370 гг. до н. э.) развил учение Эмпедокла в нескольких направлениях. Его можно назвать первым автором материалистической (хотя и механистической) теории отражения. «Видение, по его мнению, — сообщает Теофраст, — возникает от отражения. О последнем он учит оригинально. А именно (по его учению), отражение не прямо возникает в зрачке, но воздух, лежащий между глазом и видимым (предметом), получает отпечаток, сдавливаясь видимым и видящим. Дело в том, что от всего всегда происходит некоторое истечение. Затем воздух, став плотным и приняв иной цвет, отражается во влажной (части) глаз» [17, с. 334]. Такое понимание происхождения чувственных образов Демокрит распространял и на мышление [32, с. 164]. Он также ввел различие истечений подобных испускающему их предмету, копирующих его и не обладающих таким подобием. Первые как бы воспроизводят структурные особенности соединения атомов в предмете, а вторые только отдельные свойства самих атомов. Этим различием, по мнению М. Г. Ярошевского, Демокрит предвосхитил последующее деление чувственного отражения на ощущения и восприятие [442, с. 46]. Наконец, эйдосы, по Демокриту, могут запечатлеть в себе и душевные состояния испускающих их живых существ,

вливая таким образом на характер нашей душевной активности. Приведем весьма показательную цитату из сочинения Демокрита в передаче Плутарха: «Идолы (образы) через поры проникают в тела и, поднимаясь (в них), производят

57

сновидения. Блуждают эти (образы), исходя со всех сторон от утвари, платья и растений, в особенности же от животных вследствие (их) большого колебания (подвижности) и теплоты, причем (эти образы) не только по своей форме представляют копии тела (от которого они исходят) ..., но (эти образы) принимают также выражения душевных движений в каждом (живом существе, от которого они исходят), выражения его решений, нравов и страстей, (и вот) вместе с ними (с этими выражениями) они уносятся и попадают (в наши тела и там), как будто одушевленные они говорят и сообщают принимающим их (нашим телам) мнения испустивших их (существ), их мысли и стремления всякий раз, когда они (идолы), сохраняя подобия (тел) неповрежденными и неслиянными, примешивают (их к нашим телам)» [17, с. 333].

В учении Эпикура (341—270 гг. до н.э.), развившего далее теорию истечений, представляет интерес положение об активности души как источнике ошибок и иллюзий, а также, пожалуй, первая развернутая формулировка теории выдвигания и проверки гипотез. «Должно полагать также, что тогда только, когда нечто привходит к нам от внешних предметов, мы видим их формы и мыслим о них... А ложь и ошибка всегда лежат в прибавлениях, делаемых мыслью (к чувственному восприятию) относительно того, (что ожидает) подтверждения или непровержения, но что потом не подтверждается (или опровергается). В самом деле... не существовало бы ошибки, если бы мы не получали в себе самих еще другого какого-то движения, хотя и связанного (с деятельностью представления), но имеющего отличие. Благодаря этому (движению), если оно не подтверждается или опровергается, возникает ложь, а если подтверждается или не опровергается, (возникает) истина» [17, с. 350].

Платон (428—348 гг. до н. э.) — родоначальник идеалистической философии — «преувеличил одну из особенностей человеческого сознания, но только тогда она и стала заметной» [442, с. 55]. Эта сторона есть активное, деятельное начало в познании, которое имеет, по Платону, характер не пассивной рецепции, свойственной ощущению, а представляет собой внутреннюю работу ума [442, с. 53]. Активность ума определяется тем, что сами идеи, онтологизированные Платоном, есть активное, мужское начало, в то время как материя — начало женское, пассивное, а чувственно воспринимаемый мир вещей — детище обоих [32, с. 193].

Но чувственное и интеллектуальное знание в определенной степени взаимосвязаны. И хотя главной активной составляющей процесса познания является деятельность всезнающей души внутри себя с самой собой (внутренний диалог), тем не менее чувственные впечатления играют важную роль в том, чтобы вызвать душу к деятельности размышления, заставить ее

извлечь погребенные в ней и позабытые ею знания. И функцию эту выполняют такие чувственные впечатления и мысли, которые заключают в себе противоречия [315, с. 332]. С другой стороны, чувственному

58

знанию должно предшествовать интеллектуальное. Своеобразная диалектика характерна и для внутреннего движения в процессе мышления; она заключается в двустороннем (без всякого участия чувственности) движении от некоторых предположений к их умопостигаемой, непредполагаемой основе, и от этой основы по ступенькам эйдосов вновь к исходным предположениям. Вторую часть пути Платон связывает «с методом проверки предположений или гипотез» [32, с. 223]. Но в целом диалектика Платона радикально отличается от ее современного понимания как учения о развитии через противоположности, так как противоречие выступает в качестве чисто отрицательного условия познавательной деятельности, своеобразного сигнала бедствия, «заставляющего мысль отвлечься от мнимого знания и обратиться к знанию истинному» [32, с. 220].

Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — основоположник психологии вообще и «отец материалистической психологии» [33, с. 62]. «Учение Аристотеля, направленное против платоновского дуализма, восстанавливало (при некоторых колебаниях) единство души и тела и тем самым возвращало психологическую мысль на естественнонаучную почву» [442, с. 57].

Аристотель впервые сформулировал принцип отражения как воспроизведение особенностей отражающего объекта без переноса хотя бы частички его вещества. «Относительно любого чувства необходимо вообще признать, что оно есть то, что способно воспринимать формы ощущающего без его материи, подобно тому как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота» [23, с. 421]. Таким образом активность на сенсорном уровне ограничивается тем, что живое тело уподобляется внешним объектам [442, с. 61]. Но, утверждая объективность и первичность существования объекта восприятия, Аристотель не полагает его пассивности. «Воспринимаемый предмет словно движется навстречу нашему восприятию» [32, с. 361]. Однако знание не тождественно ощущению, хотя всякое знание и начинается с ощущения. Лишь активный ум постигает самый предмет ощущения, в единичном постигает общее. Аристотель сохраняет здесь разделение знания и мнения (вероятного, недостоверного знания), и постижение общего в единичном на основе чувственности есть все же мнение, а истинным является только научное знание.

Хотя в учении о разуме и природе его активности Аристотель выходил за пределы «детерминистического способа объяснения» [442, с. 66], он все-таки сделал важный шаг в направлении материалистического объяснения высших форм чувственного познания. Он впервые открыл для научного анализа область представлений (воображение, фантазия). Имея более выраженную активную природу, поскольку они производятся самим субъектом, представления, образы фантазии понимались Аристотелем как дающие

знание о внешнем. К тому же они выступали в качестве продуктов деятельности индивидуального одушевленного тела, а не противостоящей телу души. Главный вклад Аристотеля в разработку

59

проблемы активности познания состоит в представлении о том, что «активность субъекта, будучи направленной на реальные чувственно данные вещи, состоит в воспроизведении их формы» [442, с. 64]. Он указывал также на роль движения в возникновении ощущений [23, с. 405].

Стоики (III в. до н. э.) развили учение Аристотеля об активной роли фантазии, но если Аристотелем она понималась как произвольная и субъективная, то, согласно стоикам, она отражает реально существующие вещи. Вот как этот момент излагает Диоген Лаэртский: «Представление и призрак — разные вещи. Призрак — это то, что кажется нашим мыслям, как это бывает во сне; представление — это отпечаток в душе, т. е. некоторое изменение в ней. ... И представление мыслится как нечто, возникающее от существующего и запечатлевающее, отпечатлевающее, напечатлевающее его, как оно есть: от несуществующего оно бы не возникло» [134, с. 284]. Представления и послужили для стоиков некоторой промежуточной инстанцией, обеспечивающей переработку образов и переход от них к абстрактным понятиям. В фантазии осуществляется «предвосхищение, которое представляет собой врожденное понятие о всеобщем» [134, с. 285]. В то же время сама деятельность чувств возможна, по мнению стоиков, благодаря активному истечению пневмы от управляющей части души к органам чувств (Диоген Лаэртский [134, с. 284] и Псевдо Плутарх [17, с. 491]). Но на этой душе, чистой от рождения, первые записи делают чувства [17, с. 491].

Лукреций Кар (I в. до н. э.) был первым последовательным сенсуалистом, поставившим способность к ощущению во главу угла, считая все другие способности души производными от этой. Фантазия обеспечивает переход от ощущений к разуму и заключается в наборе приемов переработки чувственных данных, которые аналогичны различным видам ассоциаций у сенсуалистов нового времени. Активность разума состоит в разграничении истинного и ложного на основе того, соответствует ли утверждение или отрицание реальному соотношению вещей [442, с. 79].

Гален (II в. н. э.) попытался объяснить проекцию вовне, предметную отнесенность чувственных образов. Открытие роли нервных путей в проведении ощущений привело Галена к предположению, что по этим путям движется пневма, подобная разогретому воздуху. Причем пневма может «вылетать» за пределы организма и, взаимодействуя с воздухом, уподобляя его себе, создает как бы дополнительный орган, посредством которого глаз или другое «чувствилище» касается предметов. Так возникает ощущение внеположенности образа, передаваемое периферической пневмой в центр. Но сам акт восприятия требует, чтобы с периферической пневмой соединилась центральная, мозговая. Активность души и заключается в распознавании того, что приносит периферическая пневма [442, с. 81, 83].

Новый и важный момент в трактовке проблемы активности проявился в учении Плотина (III в. н. э.), согласно которому активность

60

души направлена к мировому разуму, чувственному миру и к самой себе. Тем самым Плотин впервые ввел фактически понятие рефлексивного знания, послужившего исходным пунктом для будущей интроспективной психологии. Дж. Бретт отмечает, что «у Плотина психология впервые в ее истории становится наукой о явлениях сознания, понятого как самосознание» (цит. по: [442, с. 87]). Душа проявляет себя деятельной на всех уровнях познания, в том числе и в ощущениях. В зависимости от степени связи души и тела, деятельность души может непосредственно зависеть от тела; может зависеть лишь от самого факта пребывания души в теле, но в своих функциях быть от него независимой; и, наконец, деятельность души может быть полностью независима от связи с телом. К первому типу деятельности относится чувственное познание, ко второму — память (именно как деятельность, а не как склад представлений), мышление (как процесс, как совокупность рассуждений) и к третьему типу — ум, непосредственно содержащий единое начало и сливающийся с ним [32, с. 522—524].

Еще более последовательно проповедовал спонтанную активность души Августин (IV—V вв. н. э.), он «развернул систему аргументов, которая на века стала путеводной нитью для интроспективной психологии» [442, с. 88]. Но если у Плотина дух связан со знанием разной степени совершенства, то у Августина главной действующей, активной силой является воля, которая управляет действиями души и использует тело и его органы по своему произволу.

Несмотря на волюнтаризм и общие индетерминистические установки, в учении Августина содержатся много ценных для психологии наблюдений о механизмах реализации активного начала души. В частности, это относится к роли действий, движений, которые, согласно Августину, представляют собой средство, соединяющее прошлое с будущим и в себе самих содержат элементы предвидения и памяти. «Ожидание относится к вещам будущим, память — к прошедшим. С другой стороны, напряжение действия относится к настоящему времени; через него будущее переходит в прошедшее... Следовательно, в действии должно быть нечто такое, что относится к тому, чего еще нет» [7, с. 302—303].

Ибн Сина (Авиценна) (X—XI вв. н. э.) дал объемную картину различных видов познавательной активности, представляя их как различные силы души и выводя значительную часть этих сил из-под власти божественного первоначала. Он выделяет три вида души в соответствии с античной традицией: растительную, животную и разумную. В первой выделяются две силы — двигательная и воспринимающая; воспринимающая в свою очередь делится на воспринимающую извне и изнутри. К первой относятся пять или восемь чувств [17, с. 737—741]. Обращает на себя внимание постулирование элементов творчества на разных уровнях этой деятельности (фантазия,

воображение, догадка) и то, что это творчество направлено на преобразование получаемых извне и сохраняемых

61

во внутреннем чувстве элементов знания о предметах даже после того, как реально эти предметы перестают восприниматься. Иначе говоря, речь идет о творческой переработке следов памяти, а не просто о привнесении в актуальное чувство чего-то априорного, идущего от божественного первоначала. Последнее, пожалуй, имеет место лишь в отношении умозрительной силы, в чем сказывается влияние неоплатонизма [17, с. 739—741].

Новый аспект активности познающего субъекта был выделен Фомой Аквинским (XIII в.), который ввел представление об особой операции сознания (интенции), состоящей в его направленности на чувственные образы, благодаря чему из них абстрагируется умопостигаемый образ [415, с. 381]. В этом плане Фому Аквинского можно считать предшественником феноменологических концепций в философии и психологии, о которых мы будем говорить ниже.

Существенные изменения в понимании познавательной активности субъекта наступили с приходом Возрождения. В античной цивилизации работа, практическая деятельность были уделом рабов и культурным образцом в эту эпоху вступало созерцание, «трактовавшееся как наиболее важная, непрерывная по своему характеру, самодостаточная деятельность, в которой достигаются высшие нравственные цели» [292, с. 194]. Отсюда и в познании выделялась главным образом активность ума, активное созерцание. Теоретическое знание, по Аристотелю, не только принципиально отлично от практического, но и выше его. В эпоху средневековья существенно повышается статус чувственно-предметной деятельности, которая, как отмечает А. П. Огурцов, приобретает не просто экономический, но сверххозяйственный смысл. «Возникновение буржуазных общественных отношений в Европе повлекло за собой изменение прежних культурных образцов и социальных стандартов, формирование новых норм, требующих самоотдачи в профессиональном труде, рационализации и дисциплинирования жизни человека, активности и предприимчивости» [292, с. 196].

Пожалуй, первым крупным мыслителем, стоявшим у истоков «новой концепции, создававшей представление о субъекте по образцу его деятельности, направленной на преобразование природы», был Леонардо да Винчи (1452—1519) [442, с. 117]. Человек начинает пониматься не просто как центр направляемых вовне духовных сил, обеспечивающих ему постижение сущего путем созерцания, но прежде всего как воплощение этих сил в реальные, материальные ценности. Общий взгляд на творческую активность человека нашел свое выражение и в познавательной активности, где на первое место Леонардо да Винчи выдвинул понятие воображения, «которое впервые соединялось с творчеством как созданием объективных продуктов. Воображение в учении Леонардо выступает не как автономная

функция, а как модус активности субъекта» [442, с. 117]. В предшествовавших учениях воображение обычно сводилось к произвольной комбинации образов, познавательную ценность которым придавал разум, имеющий внечувственное

62

происхождение. Таким образом, в учении Леонардо да Винчи впервые поставлена проблема творческого чувственного отражения действительности.

Тенденция к сближению чувственного и рационального познания отразилась и в работе «Об ощущении вещей» Томмазо Кампанеллы (1568—1639), который больше известен как автор социально-утопической теории. Он включил умозаключение в саму плоть чувственного познания в качестве его активного момента, предвосхитив будущие концепции в психологии и психофизиологии, удерживающиеся во многих случаях до настоящего времени. «Ощущение есть чувство возбуждения, сопровождаемое умозаключением относительно действительно существующего предмета, а не представление о чистой потенции... Ощущение не только возбуждение, но и выражаемое в понятии знание о предмете, вызывающем возбуждение... и оно сопровождается столь быстро совершающимся процессом умозаключения, что этот процесс не замечается. ... Память есть предвосхищение ощущения: воспоминание же есть возбуждение его в подобном ему ощущении. ...Но умозаключение весьма сходно с ощущением; ...ощущение многого сходного как единого есть понимание» [17, с. 188—191].

Ф. Бэкон (1561—1626) — апологет опытного, экспериментального знания; в его концепции опыт выступает в роли аналога практики, удостоверяющей верность наших знаний. Таким образом намечается тенденция смещения активной, творческой части познания не только от разума к чувствам, но и от чувств к практическим, проверяющим действиям, т. е. к опыту. Результаты же опыта отражаются прежде всего чувством, а затем разумом. Но чтобы разум не отражал предметы как кривое зеркало, необходимо, чтобы он возможно меньше привносил от себя, для чего его необходимо очистить от врожденных и приобретенных «идолов». «Что же касается первых понятий разума, то среди того, что собрал предоставленный самому себе разум, нет ничего такого, что мы не считали бы подозрительным и подлежащим принятию лишь только в том случае, если оно подвергнется новому суду, который и вынесет свой окончательный приговор. Мало того, и данные самих чувств мы подвергаем многообразной проверке. Ибо чувства неизбежно обманывают, однако они же и указывают на свои ошибки; только ошибки близки, а указания на них приходится искать далеко. ...И вот, чтобы помочь этому, мы в своем усердном и верном служении отовсюду изыскиваем и собираем пособия для чувства, чтобы его несостоятельности дать замену, его уклонениям — исправления. И замышляем мы достигнуть этого при помощи не столько орудий, сколько опытов. Ведь тонкость опытов намного превосходит тонкость самих чувств, хотя бы и пользующихся содействием изысканных орудий. ...Таким образом, непосредственному

восприятию чувств самому по себе мы не придаем много значения, но приводим дело к тому, чтобы чувства судили только об опыте, а опыт о самом предмете» [68, с. 76—77].

63

Исходя из сказанного трудно согласиться с утверждением, что Бэкон «стремился свести на нет активность субъекта во имя достижения максимальной адекватности познания... придавая активности субъекта лишь негативный смысл» [251, с. 8], скорее, он принижает чистую активность, оторванную от практики, от опыта.

Дуалистическая концепция Р. Декарта (1596—1650), оторвав мышление от чувственного познания, превратила чувственные образы, формирующиеся по законам механики под влиянием внешних воздействий, в некоторого рода эпифеномены, так как «познавательный психический процесс в границах механической картины поведения мог быть только следствием, но никогда причиной» [442, с. 135]. Поскольку мышление понималось Декартом как ясное и отчетливое созерцание врожденных идей на основе «естественного света разума», то и активность субъекта в интеллектуальном познании остается нераскрытой, если не считать внешних «правил для руководства ума». Что касается чувственного познания, то Декарту принадлежит заслуга открытия конструктивной роли движения воспринимающих органов в построении чувственного образа [129, с. 71—72].

Т. Гоббс (1588—1679) распространил принцип механистического детерминизма и на мышление. Заменившее понятие души «внутреннее движение» представляло собой остаток внешних движений, вызывавших ощущения. Активность субъекта заключается не в накладывании на это движение априорных знаний, а в возможности воздействовать на него со стороны чувственных мотивов, стремлений человека. Собственно познавательная активность таким образом практически исключается.

Элементы учений Декарта и Гоббса можно найти в оригинальной концепции Б. Спинозы (1632—1677). Данные чувственного опыта, по Спинозе, составляют нижнюю ступень познания, тогда как более высокими его ступенями являются априорное и интуитивное знание [367, с. 113]. Однако благодаря материалистически понимаемому единству души и тела активность души зависит от способности тела к действию [374, с. 615]. Поскольку «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей» [374, с. 407] постольку телесная активность есть одновременно и активность познавательная. Пассивные же состояния связаны с наличием идей неадекватных, заблуждений. «Душа подвержена тем большему числу пассивных состояний, чем более она имеет идей неадекватных, и, наоборот, тем более активна, чем более имеет идей адекватных» [374, с. 457]. Представляет большой интерес выделенный Спинозой аспект активности субъекта, обладающего мышлением, который состоит в его способности действовать согласно логике другого тела, а не своего собственного. Фактически именно это имеет место у человека, выполняющего орудийные и предметные действия.

Покончил с врожденными идеями один из основоположников эмпиризма Дж. Локк (1632—1704), который поставил на первое

64

место опыт, продолжив традиции Бэкона. Внешние толчки вызывают ощущения, которые разум преобразует и усложняет по законам ассоциаций. Второй и активной составляющей опыта выступает рефлексия — непосредственно переживаемые процессы собственной душевной жизни. Согласно Локку, отмечает Ярошевский, «в ходе развития индивида простые идеи ощущений предшествуют простым идеям рефлексии, так как последние требуют обратить взор внутрь себя, внимание же первоначально поглощается внешними объектами» [442, с. 146]. Познавательная активность состоит в конструировании из простых идей сложных и в рефлексии над этим процессом. В постулировании последней в качестве одного из источников опыта таилась опасность интроспекционизма, который оказал сильное влияние на психологию после ее отделения от философии.

Шаг в направлении большей дифференциации ступеней познания был сделан в учении Г. Лейбница (1646—1716). Он состоял в постулировании наряду с сознательно переживаемым содержанием души (апперцепция) и неосознаваемых переживаний (перцепция). Апперцепция понималась как активное начало в том смысле, что если перцепция означала презентацию некоторого содержания, то апперцепция обозначала некоторый динамический процесс его осознания. В то же время из-за принятой Лейбницем концепции предустановленной гармонии для него оказался закрытым путь к правильному пониманию активности и адекватности познания [251, с. 10].

Английский врач Д. Гартли (1705—1757) попытался превратить ассоциацию в универсальный принцип для объяснения поведения и познания. Несмотря на субъективное неприятие материализма, своим учением он продвинул вперед материалистическое объяснение психической деятельности. Важным нововведением явилось включение моторики в качестве одного из звеньев ассоциативного процесса (в том числе в форме скрытых движений) и указание на роль речевых реакций, слова в развитии абстрактного мышления. При этом «речевые элементы считались такими же компонентами ассоциативной цепи, как чувственные впечатления и двигательные реакции» [442, с. 169].

Гипертрофирование активной, творческой роли сознания в концепциях Дж. Беркли (1685—1753) и Д. Юма (1711—1776) привело к устранению ими проблемы отнесенности образа, чувственного впечатления к внешнему миру, так что они стали рассматриваться как собственные продукты сознания. Такая субъективно-идеалистическая точка зрения завела в тупик и выхолостила саму проблему активности субъекта в познании.

Французские материалисты XVIII в. (Э. Кондильяк, Ж. Ламетри, Ж. Руссо, К. Гельвеции, Д. Дидро, П. Гольбах и П. Кабанис) уделяли значительное внимание связи активности живых систем, в том числе и познавательной активности, с их материальной организацией. Именно сложностью

организации, а не наличием особой субстанции объяснялась способность материи ощущать

65

и мыслить. «Чувствительность, из которой, согласно ставшему к тому времени общепринятым убеждению, синтезируются все человеческие идеи, соединялась не только с мозгом, но и с ответной двигательной активностью тела» [442, с. 188]. Понимание психики, сознания как функции мозга, аналогия между функциями других органов и функцией мозга позволили наметить подходы к материалистической интерпретации и изучению познавательной активности на всех уровнях. Но, будучи рассматриваемой в качестве функции мозга, познавательная деятельность отрывалась от объекта, что фактически превращало ее из деятельности психической в деятельность физиологическую.

Заключая изложение развития представлений о познании в докантовский период, следует сказать, что отмеченное еще у Леонардо да Винчи стремление включить в процесс познания в качестве его важнейшего звена творчество самого человека, реализацию его собственной сущности в предметах внешнего мира, не нашло своего развернутого воплощения. Доминирующим все еще оставалось представление о познании как результате непосредственного воздействия предметов внешнего мира на сознание людей [294, с. 107].

Бесспорным вкладом Канта в науку является идея о том, что «субъект включается в преобразование самого объекта» [13, с. 7]. Немецкий философ подчеркивал, что знание не только черпает законы из природы, но и диктует их ей, творит новые [66, с. 7].

С именем И. Канта (1724—1804) связаны «наиболее фундаментальное осознание принципа деятельности, его места в составе философского знания, новая трактовка взаимоотношения теории и практики, познавательного процесса» [292, с. 196]. Ему принадлежит и идея примата практического разума над теоретическим: «Всякий интерес в конце концов есть практический; даже интерес спекулятивного разума обусловлен и приобретает полный смысл только в практическом применении» [177, с. 454].

Знание об объекте, по Канту, невозможно без постоянного соотнесения последнего с субъектом. «Объект — это как бы воплощение определенного правила увязывания чувственных впечатлений» [212, с. 94]. Поэтому истинное знание невыводимо из чувственных данных, которые представляют собой сырье, хаотический материал, предметную форму которому придает синтетическая деятельность рассудка. Субъективная познавательная деятельность в учении Канта «представляет собой не процесс субъективации, перевода объективного во внутренний план, но процесс объективации перевода субъективного во внешний план» [281, с. 8]. Априорные формы чувственности (пространство и время) и категории мышления, которые невыводимы из чувственных впечатлений, имеют внеопытный источник, трансцендентальную природу. Но сами по себе категории и априорные

формы чувственности не дают знания — ощущения без понятий слепы, а понятия без ощущений — пусты. Подлинное знание получается при синтезе

66

чувственного созерцания с категориями рассудка¹. Высшим предварительным условием возможности такого синтеза является объективное единство самосознания субъекта, или трансцендентальная апперцепция [31, с. 421—422]. Она выступает в качестве такого условия в силу связности и единства самого объективного опыта [212, с. 98].

Все эти построения Канта отражали реальные проблемы в объяснении познавательной деятельности и являлись определенным шагом в направлении их разрешения. Кантовский трансцендентальный субъект есть не что иное, как «идеалистически фальсифицированное общество — подлинный субъект практической деятельности и познания» [281, с. 9]. Главный вывод из учения Канта состоит в том, что познание не может быть непосредственным отражением действительности, оно опосредовано субъективной деятельностью даже на уровне чувственного отражения [294, с. 108]. Теперь в качестве главного встал вопрос о сущности и природе человеческой деятельности, и ответ на него в материалистическом плане был дан только марксизмом.

И. Фихте (1762—1814) абсолютизировал деятельностные установки Канта. Он превращает принцип деятельности в первопринцип философии и парадигму теоретического и практического разума, причем деятельность, по Фихте, абстрактна и не связана с каким-либо объектом. «Исходным, абсолютно первым, совершенно безусловным основоположением всего человеческого знания Фихте считает акт действия, чистую деятельность», которая сама производит свой собственный объект; она представляет собой единственную абсолютную реальность [292, с. 198]. Продуктом ее является и само «Я», сознание реального субъекта [281, с. 9]. Поскольку деятельность здесь выступает в качестве внеисторической и умозрительной категории, Фихте не внес новых аспектов в понимание познавательной активности.

В отличие от Фихте, Г. Гегель (1770—1831) реализовал исторический подход к проблеме активности, что позволило ему, «хотя и в мистифицированной форме, разгадать некоторые действительные закономерности познания» [281, с. 10]. По Гегелю, отдельный «эмпирический» индивид находит универсальные формы мышления не во внутреннем опыте своего сознания, а во внешнем. Иначе говоря, его опыт берет начало в развитых обществом исторически определенных формах абстрактно-духовной деятельности. Осваивая их, субъект преодолевает свою субъективную ограниченную точку зрения, выражаемую истинами типа «здесь» и «теперь». Подлинным субъектом мышления оказывается только общество в целом, а отдельный индивид и его сознание представляют собой некоторый абстрактный образ этого культурно-

67

исторического целого. Поэтому Гегель не может дать решение проблемы активности познания, лишь переводя ее из субъективно-гносеологического в

объективно-логический план [281, с. 11]. Это связано с тем, что, по словам К. Маркса, идеализм не знает подлинной чувственно-практической деятельности как таковой [1, 3, с. 1].

§ 2. Понимание познавательной активности различными школами психологии

Во второй половине XIX в. начался процесс становления психологии как самостоятельной науки. Формирование тех или иных психологических школ шло под сильным влиянием различных направлений философской мысли. Поэтому дальнейшее развитие представлений об активном характере познания в буржуазной философии после Гегеля мы не будем рассматривать специально, а лишь в той мере, в какой общепсихологические установки вошли в плоть конкретных психологических учений. Что касается понимания сущности и источников познавательной деятельности человека, как они открываются в последовательно научном марксистском анализе проблемы, то они в своей общепсихологической интерпретации изложены в первой главе, а их преломление и воплощение в конкретно-психологической теории познания будет рассмотрено в следующем параграфе на материале разработки проблемы активности психического отражения в советской психологии.

Но прежде чем перейти к рассмотрению различных школ в психологии, отметим некоторые важные для понимания механизмов познавательной активности положения, выдвинутые и сформулированные в кругах медиков и биологов. Прежде всего был открыт новый и очень важный вид чувствительности, прямо связанный с двигательной активностью организма, а именно чувствительность мышц. Это открытие показало близость органов чувств и органов движения, так как в последних была выявлена способность выполнять не только двигательную, но и сенсорную функцию. Стало возможным понять чувственные феномены как зависящие от поведения организма в реальном пространстве и нанести сильный удар нативизму. «Тем самым устанавливалась зависимость субъективного образа от объективного нервно-мышечного механизма, работающего по принципу рефлекса» [442, с. 225]. Особое значение имела выдвинутая Беллом гипотеза о существовании круговых связей, идущих от мозга к мышце и от мышцы снова к мозгу, т. е. объединяющих в целостную «кольцевую» систему сенсорные и мышечные процессы [446, с. 221]. Это был важный шаг в направлении разрыва внутренней замкнутости чувства навстречу внешнему миру через влияние двигательных эффектов, отразивших в себе противодействие внешней реальности, на чувствительность. Здесь фактически была предвосхищена идея обратных связей, переоткрытых затем многими учеными и получивших четкую формулировку в кибернетике [81].

68

Важное значение имели идеи чешского психофизиолога Пуркинье о роли предметного действия в объективации наших субъективных чувственных феноменов. Как отмечает Ярошевский, «он (Пуркинье. — С. С.) доказывал, что в самой чувственности, которую кантианство считало бесформенным

материалом мысли, представлены основные векторы категориального знания» [442, с. 228].

Идеи о зависимости сенсорных эффектов от внешних предметов, о важнейшей роли предметного характера восприятия в понимании субъективных феноменов были развиты Гельмгольцем. Он впервые провел систематическое исследование восприятия в условиях искаженного оптическими призмами изображения и показал, что переход к правильному видению в этом случае возможен лишь при участии движений глаз и всего тела; тем самым роль мышечных движений в восприятии стала неоспоримо доказанным и экспериментально показанным фактом. Гельмгольц попытался преодолеть разрыв между чувственным и интеллектуальным началами познания, сблизив их путем внедрения «бессознательных умозаключений» в саму ткань чувственного восприятия. Согласно его учению «операция «делания выводов» осуществляется не умом как особой причинной сущностью, а является продуктом сопоставления сенсомоторных актов» с неизменным участием двигательных реакций. Несмотря на определенную непоследовательность взглядов Гельмгольца, выразившуюся, в частности, в понимании ощущений как символов, знаков реальных объектов, его учение в целом сыграло важную роль в развитии материалистической психологии.

Огромный вклад в понимание «роли мышцы в нашем познании природы» [349, с. 9] внес И. М. Сеченов. Во-первых, он обосновал важнейшее значение мышечных движений не только в «контактных» органах чувств, но и в дистантных — зрении и слухе. Зрительные оси он уподобил щупальцам, «которые как бы выталкиваются из глаз к рассматриваемой точке и по мере ее приближения или удаления от нас могут удлиняться или укорачиваться» [349, с. 11]. На базе активного функционирования этих «щупальцев» строятся пространственное зрение и пространственные представления. Ритмические сокращения мышц составляют основу восприятия времени и временного упорядочивания слуховых ощущений. И. М. Сеченов обращает внимание на уникальность двойственной природы мышечного анализатора. С одной стороны, он является чувствительным органом, а с другой — органом рабочим. «Все внешние проявления мозговой деятельности действительно могут быть сведены на мышечное движение» [353, с. 5]. Этой двойной ролью мышцы определяется та степень достоверности и реальности внешнего мира, которая сопровождает наши действия в нем. Сопrotивляясь нашим движениям, модифицируя их, предмет непосредственно отражается нами и становится таким же реальным, как часть нашего собственного тела. Чувство реальности передается и на восприятие дистантными органами

69

чувств, «воспитанными мышцей», «в отношении движений, за которыми глаз в силах уследить, представляемое и действительное совпадают друг с другом» [349, с. 17].

Сеченов ввел важный термин для обозначения чувственной представляемости нам наших собственных движений «темное мышечное чувство». Мы хотели бы здесь подчеркнуть в связи с центральной для нас

проблемой активности субъекта в познании, что мышечное чувство возникает только при активном (по инициативе субъекта) осуществлении движения. Если с помощью внешних усилий изменять положение частей тела или водить пальцем субъекта по контуру предмета, ощущения формы предмета или траектории движения не возникает.

Роль движений в чувственном отражении заключается, по Сеченову, также в том, что «они в громадной степени разнообразят субъективные условия восприятия, а через то способствуют расчленению чувствования; затем движения дробят непрерывное ощущение на ряд отдельных актов с определенным началом и концом; наконец, косвенно служат соединительным звеном между качественно разными ощущениями» [352, с. 429]. Интересны и соображения Сеченова о том, что не только мышечная периферия «навязывает» центру представления о реальности, но и центр (головной мозг) активно направляет движения мышц или подавляет, тормозит их, а также регулирует чувствительность воспринимающих органов.

**

*

Первая программа развертывания психологии как эмпирической науки, независимой от философии, была предложена Дж. С. Миллем, А. Бэнном и Г. Спенсером. Они призывали внести в психологию теоретические принципы и методы естествознания [296, с. 36]. Но, будучи представителями идеалистического крыла ассоцианистического подхода, они оставили душу, активнее начало психического за пределами того, что доступно изучению, тем более, что в качестве метода использовалась интроспекция. Вообще применение ассоциации в качестве объяснительного принципа, детерминанты течения психических процессов неизбежно исключало анализ субъекта, его направленности и активности [388, с. 34]. «Ассоциативный процесс не подчинен сознательному регулированию: он поэтому лишен целенаправленности» [341, с. 287]. Именно «пассивность духа» была основным предметом критики ассоцианизма более поздними теориями [296, с. 54]. Д. Гартли, Д. Пристли и другие представители материалистического крыла ассоцианизма также не могли поставить проблему активности в познании из-за своих сенсуалистических установок. Единственной попыткой ввести элемент активности в ассоциативный процесс явилось включение в него наряду с сенсорными эффектами моторных проявлений жизнедеятельности.

70

Крупнейшим представителем ассоцианизма, постепенно отошедшим от понимания ассоциации как объяснительного принципа, был В. Вундт. Для преодоления атомизма ассоциативной психологии он ввел понятие творческого синтеза как направляющего течение ассоциаций. Полученное на основе творческого синтеза целое содержит больше, чем сумма составляющих его элементов. С развитием учения об апперцепции последняя становится в системе Вундта универсальным объяснительным принципом. Она выражает активное начало нашей душевной жизни, связывающее

отдельные только перцепируемые содержания сознания в некоторое целое, через которое они приобретают ясность и отчетливость. По Вундту, «процесс связывания совершается в едином и мгновенном акте апперцепции... причем она, в общем, всегда связывает непосредственно апперцепируемые части целого с примыкающими к ним только перцепируемыми частями... Апперцепция то сосредоточивается на одной узкой области, причем бесконечное разнообразие других воздействующих впечатлений совершенно исчезает из сознания, то с помощью расчленения последовательных содержаний... переплетает своими нитями обширную занимающую все поле сознания ткань психических переживаний.

Но во всех этих случаях апперцепция остается функцией единства, связующей все эти разнообразные содержания в упорядоченное целое, процессы же перцепции противостоят ей до известной степени как центробежные и подчиненные ей» [87, с. 23—24].

В понимании природы апперцепции Вундт проявляет определенную непоследовательность, даже двойственность. «С одной стороны, — отмечает А. Н. Ждан, — он допускает ее связь с ассоциацией, рассматривая ассоциацию как условие для апперцепции и говоря о переходе ассоциативных процессов в апперцептивные, а с другой стороны, описывает апперцепцию как особую самостоятельную активную силу духа. Апперцепция выступает у Вундта для объяснения самых сложных явлений душевной жизни, но сама при этом не объясняется» [141, с. 78].

Поскольку за исходный пункт анализа психического Вундт брал не внешний, отражаемый человеком мир, а опыт, понимаемый как совокупность сменяющих друг друга субъективных состояний, то и источником апперцепции как активного начала могла быть только душа в качестве перводвигателя. Все это закрывало пути для понимания и изучения истинных источников активности познания, приводило к идеализму и волюнтаризму. В этом смысле концепция Вундта была шагом назад по сравнению с понятием апперцепции у И. Гербарта, который считал, что всякое новое содержание ассимилируется на основе предшествующей апперцептивной массы, являющейся результатом предшествующего индивидуального опыта. Вундт всегда связывал апперцепцию с волей [86, с. 258], которая ставилась в центр всей психической жизни. Она определяла качество не только сенсорных переживаний, но и чувств, мышления, внимания, памяти.

71

Проблема активности и предметной направленности психического (прежде всего сознания) была остро поставлена в работе Ф. Brentano «Психология с эмпирической точки зрения». Он утверждал, что психическое существует в форме актов, действий, которые благодаря своей интенциональности с самого начала обладают предметной отнесенностью. Идеи Brentano противостояли «психологии содержания», стремившейся построить науку о психике, отправляясь от самых простых элементов ее содержания. По Brentano, когда мы видим цвет, сам цвет не является психическим, значит психическим является акт видения [416, с. 34]. Однако

видение не имеет смысла, если оно не является видением чего-то, поэтому предметная направленность и активность образуют неразложимое единство. «Таким образом, — отмечает Л. И. Анцыферова, — всякое психическое явление есть, по Brentano, некоторое объединение психической активности и феноменального объекта» [447, с. 212]. При этом предмет понимается им не как независимо от субъекта существующий объект, а как нечто, не имеющее самостоятельного бытия вне объективируемости актом, т. е. тем, что идет от субъекта.

Положение Brentano о том, что психическое принципиально отличается от физического своей имманентной направленностью на объект, нашло свое развитие в феноменологии Гуссерля, утверждавшего, что специфика организации сознания кроется в его субъектно-объектной структуре и ее нельзя смоделировать с помощью каких-то физических систем. Компоненты этой структуры — интенциональный акт, интенциональный объект и субъект, осуществляющий эти акты, — свойственны лишь чистому сознанию [212, с. 81]. Высшая форма познавательной активности состоит, по Гуссерлю, в отбрасывании содержащейся в сознании видимости вещей и в интуитивном постижении чистых сущностей, освобожденных от всего преходящего. И Brentano, и Гуссерль справедливо критикуют эмпирический интроспекционизм за попытки вычленив исходные субъективные феномены с тем, чтобы далее вскрыть механизмы соотнесения их с объективными явлениями. Они показывают, что анализ субъективного вне учета его отнесенности к объекту невозможен. Но при этом они постулировали априорное абсолютное знание, имеющее трансцендентальную природу [212, с. 88].

Правильно обращая внимание на активную субъектно-объектную форму существования уже самых первичных, исходных форм знания, но, не умея объяснить ее природу социальным и деятельностным характером человеческого знания, представители феноменологии вынуждены или допустить некоторое априорное содержание сознания, или, как это сделал К. Штумпф, считать, что содержание сознания образуют все-таки совокупности ощущений, постулируя при этом лишены всякого содержания функции сознания как «чистые» духовные «акты» [341, с. 50]. Соединение того и другого и составляет, по Штумпфу, первичный материал нашего опыта. Феноменологический подход оказал большое влияние

72

на формирование нескольких крупных школ в психологии: Австрийской школы, Вюрцбургской школы психологии мышления, Берлинской и Лейпцигской школ гештальтпсихологии.

Австрийская школа, сложившаяся в конце XIX в. (А. Мейнонг, В. Бенусси, С. Витасек, Х. Эрнфельс и др.), была наиболее тесно связана с учением Brentano. Ее основная заслуга состоит в четкой формулировке проблемы целостности психических переживаний и введении понятия гештальт-качества, которое надстраивается над элементарными ощущениями и не сводится к их сумме. Но в качестве исходных, первичных выступают

элементарные представления (ощущения), а гештальт-качество является вторичным, и ему ничего не соответствует в реальной действительности [372, с. 44—45]. Оно не вычерпывается из объективного мира путем взаимодействия с ним, а привносится высшим духовным актом, создающим новое содержание. В отличие от представителей этой школы гештальтпсихологи считали, что целое в восприятии предшествует элементам и определяет характер восприятия последних. Важным достижением Австрийской школы, отмечает Е. Е. Соколова, «было утверждение активности субъекта в построении образа, хотя эта активность и понималась сугубо идеалистически» [372, с. 49].

В группу немецких психологов-вюрцбургцев входили О. Кюльпе, А. Майер, К. Марбе, Х. Уатт, Н. Ах, К. Бюллер и др. Они пытались решить задачу, с которой не справились представители ассоцианистической психологии, а именно объяснить направленный целеподчиненный характер течения психических переживаний. Эта направленность наиболее ярко выступает в мышлении, и представителям школы удалось, несмотря на использование интроспективного метода, описать целый ряд важных закономерностей мышления прежде всего с точки зрения выделения активных компонентов этого процесса. Они рассматривали мышление как действие, акт усмотрения отношений, причем под отношением понималось все, что не имеет характера ощущений. Из опытов психологи-вюрцбургцы сделали вывод, что человек обладает формами познания, несводимыми к ощущениям, а именно человек может обладать знанием сущности, не обличенным в чувственно-наглядную форму. Переживания, сомнения, неуверенности, ожидания, удивления, согласия, даже понимания также относятся ими к знанию.

Уатт ввел важное для характеристики познавательной активности понятие задачи, которое, согласно Л. И. Анцыферовой, можно определить как некоторую самоинструкцию испытуемого, возникающую на основе инструкции, даваемой экспериментатором. Задача и направляет течение ассоциаций, вызываемых словом-раздражителем, в отношении которого необходимо решить ту или иную задачу [296, с. 74]. Состояние испытуемого, принявшего задачу, было названо установкой. Н. Ах выделяет в задаче две составные части — «детерминирующую тенденцию» и «представление цели». Детерминирующие тенденции, придающие направленный

73

характер всему процессу мышления, исходят от цели, что придает концепции в целом сильный привкус телеологизма. Преодолеть его попытался О. Зельц, который ввел понятие интеллектуальных операций, обеспечивающих движение мысли не от цели к данным, актуализированным той или иной репродуктивной тенденцией, а от этих данных к цели за счет применения к ним ранее освоенных интеллектуальных операций (дополнение комплекса, абстракция и др.).

Оценивая вклад Вюрцбургской школы в понимание познания как деятельности, следует отметить, что, хотя ее представители понимали под

деятельностью особый вид чисто духовной активности далее не расшифровываемого «я», они наметили важные компоненты анализа деятельности [388, с. 36—37]. К понятиям задача, установка, детерминирующая тенденция, интеллектуальная операция следует добавить использование Зельцем понятия антиципации искомого, выявление его еще неизвестных характеристик на основе уже известных. Однако гипертрофирование открытых вюрцбургцами безобразных, ненаглядных элементов мышления привело к отрыву чувственного познания от мышления и не позволило построить целостную картину познавательной активности даже в той мере, в которой это возможно было сделать с опорой на далее неразложимое понятие «я» как субъекта идеальной деятельности.

Представители гештальтпсихологии (М. Вертгаймер, В. Кёллер, К. Коффка, К. Дункер, К. Левин и др.) подвергли критике атомизм ассоцианистического учения, т. е. сводимость целого к составляющим частям, и выступили против интроспекционизма (в первую очередь — против аналитической интроспекции). Поскольку именно целое определяет, с их точки зрения, качество входящих в него частей, то законы образования целостностей (гештальтов) и стали основным предметом исследований в этом направлении. Создание и преобразование целостностей стало рассматриваться в качестве основной формы познавательной активности субъекта, в ходе которой субъект может получать новые знания, а не просто использовать или перекомбинировать старые. Большой заслугой гештальтпсихологии была постановка проблемы творческой, продуктивной познавательной деятельности (прежде всего мышления). Однако общетеоретические установки школы, ее ориентация в философии на позитивизм и феноменологию [365, с. 93] препятствовали не только правильному пониманию, но и изучению самого состава этой активности.

Способность сознания к образованию структур коренится, по их мнению, в том, что законы структурности внутренне присущи как миру феноменальному, так и миру физическому и миру физиологических явлений в человеческом мозгу. Изоморфизм этих трех полей и обеспечивает адекватность структурных изменений, которые происходят в феноменальном поле нашего сознания, реальностям физического мира. Таким образом, сознание выступает в роли некоей сцены, на которой разыгрываются события,

74

детерминируемые всеобщими законами структуры. Как остроумно заметил Л. С. Выготский, в сумерках всеобщей структурности все кошки оказываются серыми [90, 2, с. 302], становится невозможным выделение ни специфики того или иного вида познания, ни специфики индивидуальной познавательной активности. Тем не менее экспериментальные исследования гештальтпсихологов, часто приходившие в противоречие с их общеметодологическими установками, внесли определенный вклад в изучение активных компонентов познания. Прежде всего это относится к мышлению. Что же касается восприятия, то здесь можно встретиться с прямо

противоположными оценками активности воспринимающего, постулируемой в этой теории. «Теория восприятия гештальтпсихологии исходит... из предположения, что образы восприятия возникают автоматически путем пассивной рецепции мозгом поступающих в него раздражителей» [365, с. 118]. Другой автор считает, что согласно выводам, сделанным представителями этой школы, «специфика нашего восприятия определяется не свойствами внешнего мира и не сенсорными данными, а внутренней активностью воспринимающего субъекта» [268, с. 31]. Эти противоречия вызваны двумя причинами. Во-первых, внутренней противоречивостью самой теории гештальтистов. В частности, гештальты, с одной стороны, подчиняются принципу изоморфизма, который определяет прямую зависимость феноменальных гештальтов от гештальтов физиологических и физических, а с другой стороны, обладают «имманентной динамикой», служащей основанием для преобразования познавательных структур субъекта. Во-вторых, гештальтисты переносят часть активности, так сказать, с субъекта на объект, т. е. самим объектным свойствам приписывают фактор активности, влияющий на процесс восприятия, и критикуют традиционную психологию за оперирование лишь застывшими свойствами, не содержащими в себе никакой внутренней тенденции.

К. Коффка описывает эти свойства как живые и активные, обладающие «действием», в противоположность традиционно выделяемым свойствам, которые обладают лишь «бытием». «Деревянный брус, лежащий на полу без пользы, может выглядеть точно так же как брус, несущий определенную нагрузку, однако точное описание отметило бы этот факт, приняв во внимание состояние напряжения, которое должно было бы тогда существовать. Говоря более обще, состояние покоя при отсутствии сил отличается от состояния покоя в случае их равновесия... Замыкающая линия фигуры выполняет некоторую функцию, и эта функция является одним из ее свойств» [199, с. 100]. Идея смещения активного начала от центральных механизмов переработки чувственных впечатлений (единственного места, куда его помещают структуралисты) в сторону организации, исходно присущей стимульному полю, была весьма эвристичной и получила свое дальнейшее развитие в концепции Дж. Гибсона. Однако это привело к явной недооценке активности целостного субъекта в процессе восприятия, которая была редуцирована по крайней мере до уровня активности

75

перцептивной системы. Именно здесь «прописаны» знаменитые эффекты поля, выделенные гештальтпсихологами. За этими эффектами стоят динамические взаимодействия по В. Келлеру [183, с. 108] или динамическое начало по М. Вертгаймеру [79, с. 90], наличие которых является одной из конституирующих характеристик самого понятия поля.

Следует отметить широкое использование в этой школе понятия «проблемная ситуация» (о значении его для современных исследований мышления и обучения см.: [255]). Проблемная ситуация вызывает у субъекта определенное познавательное напряжение, которое может завершиться

«инсайтом», внезапным усмотрением новой структуры, дающей решение проблемы. Истоки инсайта видятся гештальтпсихологами не в практической деятельности, связывающей человека с миром, а в постулируемой феноменологией Гуссерля и интуитивизмом Бергсона способности человека к непосредственному усмотрению сущности без опоры на чувственные впечатления, открывающие ему лишь явления. Но когда К. Дункер, например, рассматривает процесс решения как складывающийся из постижения проблемной ситуации, проникновения в конфликт, формирования функционального решения, его реализации с последующим отклонением или принятием и т. д., то возникает картина целостной деятельности, которая носит явно активный характер со стороны субъекта. И далее, приходя к выводу о влиянии функциональной фиксированности, побуждения «снизу», резонансе и т. п., Дункер с очевидностью обнаруживает роль прошлого опыта, значение которого в возникновении инсайта он отрицает в рамках теоретического анализа [136]. Можно утверждать, что гештальтпсихологи в качестве исследователей-экспериментаторов внесли определенный вклад в развитие представлений о мышлении как деятельности вопреки своим исходным теоретическим построениям. Следует обратить внимание и на применение ими термина «значение», который использовался вюрцбургцами при характеристике мышления, а гештальтисты отметили роль предметного значения уже на уровне чувственного восприятия [442, с. 476—477].

Близкие к гештальтпсихологии идеи разрабатывались в Лейпцигской школе структурной (целостной) психологии, или психологии комплексных переживаний, основанной Ф. Крюгером. Здесь и в теоретическом, и в конкретно-психологическом планах активность познавательных процессов выступала более определенно и даже становилась предметом специального анализа. Основная причина этого заключалась в том, что в отличие от гештальтпсихологов Берлинской школы представители Лейпцигской школы применяли понятие структуры (гештальта) только по отношению к душевным процессам [371, с. 61]. Поэтому при объяснении природы структурирующего начала нельзя было просто указать на изоморфизм физического и феноменального полей. Идеалистическое объяснение врожденного (априорного) происхождения структурированности индивидуального сознания и ее связи с объективными,

76

надындивидуальными структурами души [225, с. 7] не помешало им правильно отразить некоторые феномены активности субъекта в познании.

Прежде всего следует отметить указания на аффективную окраску, эмоциональный тон как один из важнейших компонентов любого целостного образования [90, 2, с. 381]. Именно эмоциональные переживания побуждают, направляют познавательный процесс и санкционируют его завершение на пути движения от нерасчлененной, диффузной, смутной целостности исходных переживаний к расчлененной и содержательной целостности гештальтов. Такое движение имеет место и в генетическом, и в

функциональном планах. В последнем случае были получены экспериментальные верификации различных стадий процесса восприятия: предгештальтный период — стадия «комплексных качеств» — возникновение тенденции к гештальту и постгештальтный период. Для первого периода характерны чувства беспокойства, напряженности, которые исчезают только после завершения познавательного процесса [371, с. 60]. Таким образом в Лейпцигской школе постулировалось изначальное единство аффективных и познавательных процессов с ведущей ролью первых, особенно на ранних стадиях генеза познавательного процесса.

При этом, отмечает В. К. Вилюнас, именно «эмоциональные переживания являются изначальным и единственным носителем целостности, сохраняющим за собой эту особенность и при выделении из тотальной целостности опыта диффузных комплексов и более строго организованных гештальтов» [80, с. 17]. Фактически само понятие структуры включало в себя активное начало в форме «диспозиции, готовности, потенции», которое лишь проявляется в психических переживаниях и тем самым служит иным названием души, не отождествляемой с понятием переживания [371, с. 61].

Если Вюрцбургская и Берлинская школы гештальтпсихологии основной вклад в разработку познавательной активности сделали на материале мышления, то в ряде других школ центральной проблемой стала активность субъекта в актах внимания². Основатель структурализма Э. Титченер, последователь Вундта и сторонник «психологии содержания», вынужден был выделить наряду с содержательной стороной сознания и его уровни, отличающиеся, в частности, мерой активности, которая определяется формой внимания [387, с. 28, 34]. Он выделяет первичное (непроизвольное, пассивное) внимание, вторичное (активное произвольное) внимание (в условиях конкуренции стимулов, вызывающих первичное внимание) и, наконец, производное первичное внимание (результат полной победы одного из конкурирующих стимулов).

77

Активность субъекта выражается (и переживается им) на стадии вторичного внимания в форме наличия кинестетических ощущений и эмоций. Активность Титченер связывает с волевым напряжением (как и Вундт). Субъективно напряжение представлено в форме чувства и ощущения, прежде всего кинестетического [387, с. 38—40]. Источники же волевого (в том числе и моторного) усилия остаются нераскрытыми, т. е. идущими от души.

В оппозиции к Вундту и структуралистской школе развивалась функциональная психология. Ярким представителем этого направления, несмотря на внутреннюю противоречивость своих взглядов, явился У. Джемс³. Исходя из необходимости уяснить жизненную ценность психической функции, сознания, он пытался интерпретировать последнее как эффективное орудие в борьбе за существование и заменить схему анализа «сознание — его феномены» схемой «действующий организм — среда» [442, с. 434]. Джемс выделяет пассивное, рефлексорное, непроизвольное внимание,

не сопряженное ни с каким усилием, и активное произвольное внимание, которое всегда является апперцептивным [132, с. 52]. Развивая идею апперцепции в Гербартовском понимании, Джемс высказывает ряд мыслей, имеющих прямое отношение к основной идее настоящей работы.

Непроизвольное внимание, по Джемсу, тоже может носить характер апперцепции, «если внешнее впечатление, не будучи само по себе сильным или инстинктивно привлекательным по природе, связано с такими впечатлениями предшествующим опытом или воспитанием. ...Впечатление черпает в них интерес или даже, быть может, сливается с ними в один сложный объект, результатом чего является то, что они попадают в фокус внимания» [132, с. 53]. Но в произвольном внимании апперцепция носит активный характер за счет предваряющего восприятия идеационного возбуждения, имеющего центральное происхождение. «Воспроизведенная идея идет на помощь ощущению, делая его более ясным... в наших актах внимания всегда есть известная мысленная антиципация (предварение) объекта внимания. Льюис называет ее преперцепцией, и это название, по-видимому, всего более подходит к мысленному ожиданию наступающего явления... Впрочем, когда чувственное внимание достигло высшей точки, то становится невозможным сказать, какой элемент восприятия проникает в наше сознание извне и какой изнутри, но если мы найдем, что

78

приготовление к напряжению внимания всегда состоит отчасти из творческого пополнения данного объекта психическими продуктами воображения, то этим уже будет доказано то, что требуется» [132, с. 61]. Этого рода активностью — движением от субъекта к объекту в форме предваряющего конструирования познавательной гипотезы — Джемс объясняет целый ряд эффектов внимания и ожидания: сокращение времени реакции на ожидаемый стимул, способность к избирательному восприятию зашумленных стимулов, возможность воспринимать сверхслабые раздражители и др. Механизм антиципации он представляет вполне материалистически как физиологические процессы, обеспечивающие его реализацию: «Это всего естественнее можно представить схематически в виде воздействий на нервную клетку с двух сторон. В то время как предмет воздействует на нее извне, другие нервные клетки действуют на нее изнутри. Для полной активности данной нервной клетки необходимо взаимодействие обоих факторов. Данный объект воспринимается с полнейшим вниманием только в том случае, когда он одновременно образует и восприятие и воспроизведенное представление» [132, с. 62]. «Появление образа в уме и есть внимание: преперцепция (предваренное восприятие) есть половина перцепции (восприятия) искомого объекта» [132, с. 63].

Однако Джемс не смог построить естественнонаучную теорию, объясняющую, как возможна преперцепция, какими средствами строится предваряющий образ и т. п. Незавершенность концепции в целом открывала простор для понимания такого конструирования как подчиняющегося воле, внеположенной по отношению к действующему и чувствующему субъекту.

Возможно с этим связано обращение Джемса к мистическому опыту, якобы дающему возможность проникнуть путем особых переживаний в мир, лежащий за пределами физического [442, с. 436].

Т. Рибо также рассматривает внимание со стороны его жизненной роли. Но эффект внимания он видел не в усилении той или иной перцепции (как это было в теории Джемса за счет идеации), а в подавлении, задержке всех других перцепций, действий и т. п. Причем задержка эта осуществляется через торможение моторных компонентов, неизменно должных присутствовать, по мнению Рибо, в любом психическом переживании (мысли, эмоции, образе), что и определяет квалификацию его теории внимания в качестве моторной.

Моторной является и теория волевого внимания, созданная крупным русским психологом Н. Н. Ланге, одним из основателей экспериментальной психологии в России. Реализуя подход, который он назвал «общебиологическим» или «реалистическим», Ланге считал, что «психические факты получают свое реальное определение лишь тогда, когда мы рассматриваем их с общей биологической точки зрения, т. е. как своеобразные приспособления организма» [208, с. 115]. Среди таких приспособлений на первое место он ставит движения, действия, которые считает прообразом и исходной формой всякого психического акта.

79

Говоря об отличии волевого внимания от рефлекторного и инстинктивного, Ланге отмечает обязательное наличие в волевом внимании предварительного знания. В этом смысле он проводит прямую аналогию между действием познавательным и действием двигательным [208, с. 125]. Предварительное знание Ланге трактует как актуализированный образ воспоминания. «Волевое внимание как таковое есть именно процесс иллюзорного восприятия, т. е. в нем мы, благодаря присущим нам ярким образам воспоминания, усматриваем то, чего без этих образов не усмотрели бы. Во внимании мы не различаем объективного впечатления от субъективно привносимой интерпретации, но эта субъективная интерпретация кажется нам также объективной»... «Само собой разумеется, что этот иллюзорный характер составляет не недостаток, но, напротив, ценную сторону внимания как апперцепции, ибо, как всякое воспоминание, он основан на предыдущих опытах, т. е. имеет реальное основание» [208, с. 133, 139].

Ланге не останавливается на этом и делает следующий очень важный шаг, пытаясь раскрыть механизм, объясняющий, как актуализируется нужный образ воспоминания. Для этого он использует понятие иннервационного ощущения, возникающего при сокращении мышцы. Петли прямых и обратных связей центра с мышечной периферией и служат механизмом усиления исходного образа воспоминания и всех ассоциативно связанных с ним образов [см. 208, с. 138]. С этим механизмом моторного усиления воспоминаний Ланге связывает характерное чувство активного волевого усилия.

В определенном смысле идеи Н. Н. Ланге можно считать вершинным достижением в понимании сущности перцептивной познавательной активности во внемарксистских психологических концепциях. А. Н. Леонтьев писал, что «для Ланге волевое внимание есть целевое, целеподчиненное восприятие. Только такое восприятие и дает нам более отчетливое, более конкретное и полное знание воспринимаемого объекта в отличие от его знания только «значкового», сигнального. Оно является целенаправленным, замечает Ланге, в том же самом смысле, в каком мы говорим об обыкновенном внешнем действии, поскольку оно подчиняется представлению (по терминологии Ланге «образу воспоминания») о том, чего мы еще только хотим достигнуть. Функция образа воспоминания в волевом внимании (восприятии) состоит в том, что к нему «подыскиваются» реальные ощущения, которые с ним «ассимилируются» и благодаря этому интенсифицируются» [224, с 7—8]. Важнейшее значение для преодоления априоризма и агностицизма имеет отмеченное положение Ланге о возникновении образов и самих ощущений в ходе круговых реакций, существеннейшим элементом которых является движение. «Поэтому то, что Ланге называл ассимиляцией ощущений образами воспоминания, в сущности представляет собой момент продолжающегося кругового жизненного процесса, а именно тот его момент, когда в него вливается новый чувственный материал, доставляемый экстерорецепторами»

80

[224, с. 9]. При этом формы представления воспринимаемых объектов имеют культурное и историческое происхождение, однако Ланге, не вооруженный марксистской концепцией о роли общественной практики в познании, не мог ни указать на истоки творческого момента в человеческом познании, ни представить конкретные формы и уровни такого творчества в их целостности и взаимообусловленности.

Большое значение имеет сформулированный Ланге «закон перцепции», который лег в основу современных теорий фазности перцептивного процесса. В соответствии с этим законом «процесс всякого восприятия состоит в чрезвычайно быстрой смене целого ряда моментов или ступеней, причем каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая — более частного и дифференцированного» [207, с. 1]. По мнению А. А. Митькина, сформулированная Ланге идея фазности восприятия снимает проблему первичности целого или части в актуалгенезе образа восприятия [268, с. 36].

В заключение приведем цитату из работы Н. Н. Ланге, где он обобщает различные аспекты исторического развития понятия апперцепции в качестве активного начала процесса восприятия. «Лейбниц (который и ввел понятие апперцепции. — С. С.) правильно указал на интенсивность как первичный эффект внимания, Кант справедливо рассматривает апперцепцию как от субъекта идущее (формальное) изменение данного извне содержания; Гербарт тонко указал на тот факт, что апперцептивное внимание обусловлено возникновением соответствующих воспоминаний; наконец, вундтовская

теория хотя ее основание и кажется нам неправильным... метко описывает результаты апперцепции и справедливо отличает внимание как активный (моторный) процесс от пассивного восприятия» [208, с. 111]. Из приведенной цитаты видно, что Ланге лишь внимание связывал с активностью, а восприятие допускал возможным полагать в качестве пассивного процесса и саму активность видел прежде всего в ее двигательных проявлениях.

Г. Рево д'Аллон попытался распространить принцип апперцепции (как наличия некоторого предзнания и его определяющей роли в процессе познания) и на другие познавательные процессы, в том числе на мышление. Для этого он использует понятие схемы, заимствованное у Бергсона, от идей которого он и отправляется: «Грубое восприятие отдельных частей объекта внушает нам схематическое представление о целом и посредством этого об отношениях между частями. Развивая эту схему до образов-воспоминаний, мы пытаемся наложить эти образы-воспоминания на воспринимаемые образы. Если это нам не удастся, то мы приходим к другому схематическому представлению. И всегда позитивная часть этой работы состоит в движении от схемы к воспринимаемому образу» [330, с. 178]. Рево д'Аллон выделяет восемь уровней образов — от ощущений до разума, которые могут

81

возникать в отсутствие первоначально обуславливавших их реальных воздействий [330, с. 178—181]. Они играют роль «различной природы, разного уровня физиологических или умственных вставок, посредством которых рассматривается нечто данное; мы показали, что уделять внимание — это значит воспринимать, апперцепировать и т. д. какую-либо вещь опосредствованно, с помощью одного или нескольких вспомогательных механизмов» [330, с. 182]. Рево д'Аллон, однако, не разрабатывал вопросы источников и механизмов схемного знания, предварительного по отношению к любому актуальному воздействию извне.

Вернемся к рассмотрению проблемы познавательной активности, как она ставилась и решалась в основных школах психологии XIX—XX вв.

В ортодоксальном бихевиоризме Дж. Уотсона познавательной активности в схеме психологического анализа не было отведено места. Это однозначно следует из определения поведения как предмета психологии и того, что имеется в виду под поведенческими реакциями — внешнее и внутреннее движение и секреторные акты, возникающие в ответ на внешние раздражители [408, с. 12—13].

Тезис о непосредственной определяемости поведения внешними условиями — стимулами, не опосредуемыми психикой, снимал вопрос о познавательных образованиях и процессах их получения. Дальнейшая эволюция бихевиоризма шла по трем направлениям: радикальный бихевиоризм Б. Скиннера, ортодоксальный бихевиоризм К. Халла и познавательный бихевиоризм Э. Толмена.

Если в учении Уотсона активность фактически приписывалась лишь среде, а организм только реагировал на ее изменение, то Скиннером организм впервые в бихевиоризме рассматривается как активно

действующий в среде и даже преобразующий ее [27, с. 48]. Он вводит наряду с понятием отвечающего поведения понятие оперантного, или активного поведения. Для подчеркивания активного характера последнего он иногда называет его «испущенным» [388, с. 12], поскольку оно не вызывается каким-то определенным внешним стимулом. Примером может служить нажатие животным на рычаг в «ящике Скиннера», которое приводит к пищевому подкреплению, что в свою очередь вызывает последующее усиление этой реакции и ее выделение из числа других двигательных проявлений, входящих в репертуар данного животного. К сфере оперантного поведения, по Скиннеру, относятся и познавательные процессы: восприятие, внимание, мышление. Результатом восприятия (вслушивания, рассматривания) является выделение и усиление воздействий предмета на организм, что и служит подкреплением сенсорных действий. Акт внимания подкрепляется быстротой следующего за ним ответа [447, с. 238]. Но сам познавательный процесс и его результаты растворяются Скиннером в движениях и действиях организма. Критикуя классический бихевиоризм за игнорирование проблемы образа, он в то же время считает, что утверждение о существовании образов

82

наряду с предметами приводит к удвоению мира и неразрешимым теоретическим трудностям. Мысленное воспроизведение образа сводится, по Скиннеру, к воспроизведению тех действий, которые человек совершал, воспринимая реальный предмет. Но, выступая в функции знания, эти действия могут быть укороченными, редуцированными. Так же биологизаторски объясняются вербальное поведение и социальные формы поведения. Таким образом, Скиннер сводит познавательную активность к одной из форм двигательной активности, усиливающей связи между стимулом и реакцией.

Халл и Толмен для преодоления очевидной ограниченности схемы классического бихевиоризма пошли по пути введения промежуточных переменных, или опосредствующих факторов как среднего звена, добавляемого к формуле $S—R$ и превращающего ее в формулу $S—O—R$. Согласно Халлу, опосредующим звеном служит навык (sHr), который, однако, в отличие от классического понимания навыка, не доступен внешнему наблюдению и не имеет признака автоматизма [296, с. 141]. Тенденции отвечать той или иной реакцией на данный стимул могут иметь разную степень выраженности и фиксируются в понятии «эфферентный потенциал реакции», который зависит от упроченности навыка, определяемой частотой повторений, а также от состояния потребности, интенсивности стимула и силы подкрепления [388, с. 15]. Усиление подкрепления может быть достигнуто за счет так называемого вторичного подкрепления, выражающегося в самостимуляции организма своими собственными реакциями. Эти самостимуляции и есть основной механизм влияния «знания» на поведение. А носителем знания выступают «частичные антиципирующие реакции», которые являются настолько слабыми, что почти не проявляются вовне. Так, у животного при виде кормушки начинается

слабая реакция слюноотделения, последствия которой и «презентируют» животному количество и качество пищи, ожидаемой в кормушке, и решающим образом влияют на то, совершится ли реакция приближения к кормушке и поиска пищи. В результате животное может реагировать на явления, которые еще не наступили. Но частичные антиципирующие реакции если и представляют форму некоторого знания, то знания о реакциях самого животного, а не о реальном мире. Точно таков же механизм объяснения речевого мышления и социального поведения — отличие их сводится лишь к количественному росту ступеней в сложных иерархиях семей навыков. Но эта теория не может объяснить, как антиципируются и учитываются в поведении те объекты или их стороны, которые не вызывали ранее никаких реакций. Это связано с отрицанием определенной самостоятельности познавательной сферы и как следствие полным отсутствием собственно познавательной активности. Преодолеть эти недостатки попытался Э. Толмен — создатель познавательного бихевиоризма.

Если у Халла в качестве опосредующих факторов выступали процессы скорее периферического типа, то Толмен постулирует в

83

качестве таких факторов центральные познавательные структуры, изменение которых может быть самостоятельным результатом специальных типов реакций. Различные формы знания объединены в целостные системы, которые Толмен называет познавательными картами, служащими для представительства в организме связей и отношений между объектами внешнего мира [394]. Идея целостности познавательных структур заимствована Толменом у гештальтпсихологов, вследствие чего его теорию иногда называют «гештальт-бихевиористической» [365, с. 65]. Сам Толмен называет ее теорией «знака-значения», или теорией ожидания, ибо основная функция знания обеспечивать организм системой ожиданий, в том числе и результатов собственных действий, что придает поведению в целом молярный целенаправленный характер [395, с. 54]. Познавательная активность в наиболее яркой форме проявляется в феноменах латентного научения, когда научение идет без подкрепления, но при этом прямо не обнаруживается (Блоджет); в наличии викарных (замещающих) проб и ошибок (Мюнцингер); в экспериментах с «гипотезами», когда крыса систематически «опробует» объекты с каким-то одним признаком, а затем с другим (Креч); в феномене одноразового научения избеганию (Хадсон) и т. п. С точки зрения Толмена, повторившего эти и ряд других опытов, они свидетельствуют «об активном селективном характере процесса образования крысами своих когнитивных карт. Крыса часто должна активно рассматривать значащие стимулы, чтобы образовать свою карту, а не просто пассивно воспринимать их и реагировать на все физически наличные стимулы» [394, с. 75]. При этом животное или человек как бы проверяют систему своих ожиданий, которые, подтвердившись в результате опробующих действий, становятся элементами знания. Таким образом, как отмечает О. К. Тихомиров, принцип подкрепления замещен в теории

Толмена принципом подтверждения. Однако Толмен не анализирует процесса возникновения перцептивных готовности, актуализация которых приводит к возникновению ожидания [388, с. 18—20].

В целом, несмотря на остающийся непреодоленным натурализм, подход Толмена дал мощный толчок развитию познавательной проблематики в необихевиоризме. Э. Брунвик [461] связывает понятие ожидания с учетом вероятностной структуры среды. Возникновение ожидания события тем вероятнее, чем больше вероятность события и его экологический вес. Познавательная активность субъекта может быть специально направлена на уточнение вероятностной структуры экологически валидных событий. Именно в этом состоит функция ориентировочных реакций [462].

Другое направление исследований, получившее название «новый взгляд», по словам одного из его создателей Дж. Брунера, возвратило к жизни и наполнило новым содержанием «туманное и весьма неопределенное понятие «установка» [59, с. 116]. Именно в установке прежде всего кроется источник творческого вклада воспринимающего в процессе восприятия. Установка же рассматривалась

84

как функция ценностей, потребностей и прошлого опыта в целом [28, с. 75]. При этом влияние потребности на восприятие трактовалось слишком прямолинейно, упрощенно и к тому же как фактор, не способствующий более адекватному восприятию, а скорее искажающий его: «Чем сильнее потребность, тем сильнее ее воздействие на процесс восприятия и тем сильнее его искажение; искажения идут в направлении превращения действительности в нечто, близкое к желаемому» [59, с. 123]. Влияние потребности на процесс восприятия вместе с другими факторами неперцептивного порядка, «извне» влияющими на процесс восприятия, были названы директивными детерминантами, а те детерминанты образа, которые определяются собственными законами восприятия (можно сказать в силу устройства органа), называются автохтонными [460]. То, что человек реально видит, выступает в качестве компромисса между этими двумя типами процессов [59, с. 70]. Одним из первых и весьма характерных экспериментальных исследований, проведенных в рамках данного подхода, была работа Брунера и Гудмена, в которой было показано, что дети бедняков переоценивают размеры монет по сравнению с размерами равных им по величине картонных кружков, при этом переоценка размера возрастает при увеличении номинала монеты. Аналогичные, но более слабые зависимости получены и в опытах с детьми богатых родителей [59, с. 73—78].

Казалось бы, тезис нового взгляда: «Восприятие — это деятельность, удовлетворяющая потребность», раскрывает подлинную суть познавательной активности на перцептивном уровне. Однако все дело в том, что под потребностью в данном случае имелась в виду не познавательная потребность, а прагматическая. В результате повышенная активность становилась эквивалентом больших искажений в отражении действительности, а следующий отсюда вывод вообще переворачивает с ног

на голову проблему познавательной активности, ибо получается, что адекватность восприятия требует максимальной пассивности субъекта. Тем не менее работы этого направления резко повысили интерес к центральным механизмам восприятия, да и в дальнейших исследованиях самих создателей этого подхода акцент был сделан на позитивном вкладе установки в процесс восприятия благодаря порождаемому ею «предсказуемому ожиданию», который отражает «сопряженные и абсолютные вероятности наступления событий» [59, с. 124]. Все это привело к созданию одной из наиболее интересных концепций познавательной активности Дж. Брунера, которую мы рассмотрим несколько позже.

Значительный вклад в анализ конкретных форм активности субъекта в процессах восприятия внесли транзакционалисты А. Эймс, В. Иттельсон, Ф. Килпатрик [483; 482; 485; см. также 28, с. 79—80; 377, с. 139—142]. Они начали с положения Брунsvика о том, что восприятие не является абсолютной копией внешней реальности (того, «что там есть»), но «по своей природе является вероятностным предположением, основанным на прошлом

85

опыте» [483, с. 55] или «наилучшей ставкой», обеспечивающей максимальную вероятность выигрыша в игре со средой. Транзакционалисты пошли дальше, утверждая, что восприятие не есть простая игра в угадывание, замкнутая и получающая подкрепление внутри самой себя. По словам Эймса, «восприятие — прогностическая директива для действия» [482, с. 290]. Восприятие и действие являются аспектами единого процесса жизни: действие обеспечивает соотнесение вещей между собой и выявление их перцептивного значения. Неэффективность действия (недостижение требуемого результата) служит основанием для перестройки предположения о мире на основе системы бессознательных умозаключений, близких по смыслу тем, которые постулировались еще Гельмгольцем [482, с. 290].

Эмпирический базис концепции транзакционалистов составили эксперименты, в которых привычный сетчаточный образ (проксимальный стимул) вызывался непривычной ситуацией. Особую известность приобрела комната Эймса, в которой дальняя стена отодвинута в одну сторону, т. е. находится под острым углом к одной боковой стене и под тупым углом к другой. В результате одна из стен (левая или правая) оказывается значительно длиннее противоположной. Однако благодаря ложной перспективе, созданной узорами на стенах, комната кажется прямоугольной, т. е. вызывает такое же изображение на сетчатке наблюдателя, находящегося у входной двери напротив скошенной стены, как и обычная комната. Если в дальний (скошенный) острый угол такой комнаты поставить предмет или незнакомого человека, они будут казаться уменьшенными в размере за счет уменьшения видимого расстояния до них. Однако если человек хорошо знаком или если наблюдателю дается возможность совершить некоторое действие в данной комнате (дотронуться палкой до стены, бросить мяч в противоположную стену) или даже пронаблюдать совершение действий другим человеком, то иллюзия исчезает, комната начинает видаться в

соответствии с ее реальной формой. Именно практическое действие осуществляет проверку адекватности наших вероятностных предположений о истинных значениях воспринимаемого и обеспечивает коррекцию ошибок.

С точки зрения трансакционалистов, любой сетчаточный паттерн может быть вызван большим числом объективных ситуаций, т. е. неоднозначность отношения «объект — сетчаточный образ» является фактором, который необходимо учитывать в любом акте восприятия, что и требует активного действия со стороны субъекта. При этом познавательная активность заключается, во-первых, в детерминировании каждого конкретного акта восприятия со стороны существующих у субъекта умозаключений, суждений относительно природы и значения вещей внешнего мира, составляющих «полагаемый» им мир [482, с. 290], а во-вторых, в проверке этих предположений в ходе внешних действий.

Оценивая концепцию трансакционалистов в целом, следует отметить их важный вклад в постановку и разработку вопроса о

86

связи образа с действием. Вместе с тем следует подчеркнуть игнорирование ими важнейшей проблемы происхождения и развития того самого полагаемого (assumptive) мира, который является источником вероятностных предположений индивида о характере воспринимаемых объектов. Это связано в свою очередь с игнорированием социальных связей и культурных вкладов в образ мира индивида, а также с ложными философскими установками, касающимися соотношения объективного мира и его субъективного образа. «Мир, как мы его ощущаем, есть продукт восприятия, а не причина его», — утверждает Иттельсон [цит. по: 377, с. 139]. Двусмысленно звучат и некоторые другие высказывания, например, «Воспринятая вещь есть неотделимая часть функции восприятия» [483, с. 55]. Психологическая мысль как бы наталкивается на ограничения натуралистического подхода, оставляя без решения или затушевывая важнейшие конкретно-научные проблемы. Очевидную дань трансакционалисты отдали и постулатам классического бихевиоризма, что выразилось в неспособности отделить познание самой реальности от познания собственных действий и их результатов.

На выделении познавательной активности в самостоятельную систему, не сводящуюся к практическому действию или какому-нибудь его аспекту, настаивает Р. Вудвортс. Он считает, что сами познавательные процессы являются специфическими формами ориентировочно-исследовательских действий, имеющих собственную мотивацию — воспринимать, познавать окружающий мир. «Невозможно смотреть без попытки увидеть или слушать без попытки услышать. Видеть, слышать, видеть ясно, слышать отчетливо, каждый раз выяснять, что видится или слышится, — эти конкретные, непосредственные мотивы доминируют во взаимоотношении с окружающей средой» [85, с. 133]. Он подчеркивает, что решение перцептивной задачи вызывает удовлетворение, сопровождающееся положительно окрашенным эмоциональным переживанием. Для описания процесса смены попыток

воспринять трудно воспринимаемый материал Вудвортс вводит понятие «проба-и-проверка» взамен традиционного бихевиористского понятия «проба-и-ошибка», введенного Торндайком. Но деятельность по-прежнему трактуется как биологическая, а не как социально-историческая категория [447, с. 248]. Подлинно самостоятельная деятельность познания, побуждаемая познавательной потребностью, которая имеет социальное происхождение, и осуществляющаяся с помощью сложных социально выработанных средств, фактически приравнивается к ориентировочно-исследовательской деятельности животных, побуждаемой биологической потребностью.

Познавательный бихевиоризм Толмена, вероятностный функционализм Брунsvика, теории транзакционалистов и представителей «нового взгляда», динамическая психология Р. Вудвортса, теория динамической установки Ф. Оллпорта, пытавшегося снять феноменологический налет с понятия гипотеза за счет перевода

87

его на язык «физиологических агрегатов» [448], а также ряд других концепций и отдельных исследований привели к постепенному смещению всей проблематики необихевиоризма в сторону изучения познавательных процессов, которые стали центральным объектом в «когнитивной» психологии, занявшей господствующее положение с середины 60-х гг. По мнению Б. М. Величковского, в явной форме «сдвиг от необихевиоризма к «неоментализму» был зафиксирован в известной книге Дж. Миллера, Е. Галантера и К. Прибрама «Планы и структура поведения» [75, с. 58]. Действительно, авторы ее однозначно встают на сторону «познавательных» теорий. Но предметом рассмотрения они делали не собственно активность субъекта в ходе познания, а активную роль познавательных образований в инициации и регуляции поведения. Прежде всего их волнует «вакуум между познанием и действием» [265, с. 24], то, что в традиционной психологии исследовалось в разделе «воля». Роль моста, соединяющего знание, образ в широком смысле и действие, играет, по их мнению, план, но основное внимание, по их собственному признанию, уделяется в работе проблеме выполнения, а не формирования плана [265, с. 87]. Однако и эта проблема исследуется в структурном аспекте. Основным результатом анализа является выделение в качестве структурной единицы любого уровня взаимосвязи и взаиморегуляции действия и образа схемы с петлей обратной связи, противопоставляемой схеме рефлекторной дуги (ТОТЕ)⁴.

Более активный характер таких регуляций по сравнению с традиционными рефлексамми состоит в том, что стимулом служит не сам по себе внешний раздражитель, а результат сличения рисунка «приходящих сигналов с рисунком сигналов центрального происхождения. ...Результат этого сличения, или пробы, представляет собой раздражитель, ...в отношении которого организм является чувствительным. Проба представляет собой то условие, которое должно осуществиться прежде, чем произойдет реакция» [265, с. 39—40]. Таким образом центростремительный процесс не может сам

запустить некоторое действие без наличия предварительного центробежного процесса в качестве необходимого условия превращения определенного воздействия в стимул.

Несмотря на ряд весьма ценных идей и аргументов, авторы книги «Планы и структура поведения», назвавшие себя полупушты и полусерьезно «субъективными бихевиористами» [265, с. 233], не смогли выйти за рамки натуралистического подхода, свойственного бихевиоризму в целом. Подлинные источники человеческой активности, как в плане построения образа, так и его регулирующего влияния на действие, надо искать в социальной природе человеческого познания и человеческой деятельности.

88

Фактически все школы психологии, упоминавшиеся выше, пытались найти ответы на вопросы о природе психики исходя из натуралистических представлений. Важный шаг на пути преодоления их был сделан французской социологической школой в первой четверти XX в.

Положение о том, что психика имеет социально-историческую природу, разрабатывалось Г. Тардом, Э. Дюркгеймом, Ш. Блонделем, М. Гальбваксом и Л. Леви-Брюлем. Согласно Дюркгейму, психика делится на две части — социализированную и несоциализированную; при этом первая доминирует над второй, но не преобразует ее [20, с. 65]. Социальные воздействия трактуются им как чисто внешние для человека, как система представлений, навязываемых обществом человеку. Применительно к процессу познания это означает, что социальное входит в человека через усвоение им априорных форм и категорий познания, которые сосуществуют с эмпирическим, индивидуальным познанием. Дюркгейм в связи с этим пишет: «Категории не только не зависят от нас, но, напротив, они предписывают нам наше поведение. Эмпирические же данные имеют диаметрально противоположный характер. Ощущение и образное представление относятся к определенному объекту или совокупности объектов определенного рода; они выражают преходящее состояние отдельного сознания: они в существе своем индивидуальны и субъективны» [138, с. 216]. В своих социальных проявлениях человек выступает как страдательное существо, зависимое от общества и от сложившихся в нем коллективных представлений, что же касается его действенного, активного проявления, то здесь человек выступает как изолированное существо. Именно в этом проявились рудименты натуралистического подхода — к области социального относилась лишь сфера общения людей и общения не материального, а вербального (общение сознаний). И само общество психологизировалось Дюркгеймом, понималось натуралистически как совокупность коллективных представлений, а не как субъект практической, материальной деятельности.

Преодолеть разрыв между социальным и несоциальным в человеке и тем самым открыть путь к пониманию социальной природы познавательной активности попытался Блондель. Он отвергает возможность существования действий индивида собственно и чисто индивидуальных. «Система коллективных представлений и моторных приспособлений, которые им

отвечают, с самого начала пронизывает то, что в нас имеется наиболее органического и индивидуального... Наша первая пеленка есть первый саван нашей индивидуальности» (цит. по: [20, с. 66]). Согласно Блонделю, социальную природу имеет не только наше мышление, но и восприятие, память, воля, эмоции — все психические процессы. В отличие от Дюркгейма, он обращает особое внимание на роль предмета как продукта человеческой культуры в социализации индивида и тем самым ставит вопрос о роли предметной деятельности в формировании психики человека. Однако и у Блонделя человек

89

остается прежде всего потребителем того, что создано обществом. Как отмечает Л. И. Анцыферова, проблема его собственного творческого вклада в «социальное», проблема сознательной предметной деятельности человека, им не ставится [20, с. 68—69]. Соответственно не получает последовательной разработки и проблема творческой активности субъекта в познании.

Важнейшее значение французской социологической школы для психологии связано с ее влиянием на творчество крупных французских психологов П. Жане, А. Валлона, А. Пьерона и Ж. Пиаже, развивших направление, которое «в ряде моментов наиболее близко примыкает к теории психической деятельности, разрабатываемой в рамках диалектико-материалистической психологии» [73, с. 43]. Основной формой проявления социальности Жане считает не общение, а сотрудничество, совместные действия людей, «в таком разделении актов, в котором один индивид делает первую часть действия, а другой — вторую его часть» (цит. по: [20, с. 69]). В отличие от представителей французской психологической школы, рассматривавших психику как самостоятельную сферу, которая существует наряду и независимо от деятельности и поведения, Жане считает психические акты звеньями поведения, его неотъемлемой частью. Это «позволило Жане обосновать гипотезу о социальности и историчности не только содержания, но и самих механизмов психической деятельности» [20, с. 70].

Основными понятиями французской «психологии деятельности» становятся движение, действие, операция. Весьма плодотворно Жане разрабатывал представление о памяти как активном произвольном действии (в противоположность пассивному запечатлению), имеющем социальную природу как в отношении ее функций, так и механизмов [140, с. 85].

Исключительно большое значение для понимания механизмов познавательной активности и ее развития в онтогенезе имеют работы А. Валлона, в которых предпринят систематический анализ роли движения и действия в протекании познавательного процесса на всех уровнях [69; 70]. Движения, согласно Валлону, образуют то исходное синкретическое единство моторного, сенсорного и аффективного начал, из которого вырастает вся психика. Движения порождают ощущения, обеспечивают их дифференциацию и последующий синтез. «Нет ощущения, которое не возбуждает движений, способных сделать его более отчетливым, и нет

движений, воздействие которых на чувствительность не вызывает новые движения» [69, с. 51]. И первой формой пространства, которой овладевает ребенок, выступает «двигательное пространство, которое еще не является ни представляемым, ни понятийным, вопреки обычному мнению» [69, с. 134]. Основополагающая роль движения связана с тем, что в своих исходных формах оно не предполагает психической мотивации и не имеет другой причины, кроме самой функции соответствующих органов [69, с. 49]. Затем мотивами становятся сенсорные эффекты случайных движений ребенка. «Ощущение дифференцируется, узнается и закрепляется

90

только с того момента, когда ребенок становится способным воспроизвести его с помощью соответствующих движений» [69, с. 136]. И дальнейшее познавательное развитие ребенка рассматривается как результат последовательных превращений двигательного акта [18, с. 12].

Недооцененными в психологии остались идеи Валлона о роли тонуса (поз и локомоций) в качестве некоторого посредника между познавательной и двигательной функцией в процессе их взаимного регулирования и взаимного развития. Усвоение социального опыта осуществляется ребенком через подражание действиям взрослых, через копирование с параллельным построением внутренней модели этих действий и путем овладения речью, приводящей к появлению собственно познавательных действий, выделяющихся из действий практических. Происхождение познания из действия позволяет отчетливо обнаружить активную природу чувственного познания, его зависимость от продуцируемых ребенком движений. Однако активные компоненты рационального познания в концепции Валлона в явном виде не выделены.

Проблема познавательного развития стоит в центре психологической системы Ж. Пиаже. Его операциональная концепция наиболее последовательно противостоит взглядам на развитие познания как расширение его содержания. По Пиаже, источником и исходной формой познания является действие, но он идет дальше Валлона и прослеживает судьбу самого действия на более высоких уровнях познавательного развития. Основное направление эволюции действия — переход от внешних, материальных и более или менее изолированных действий моторного плана к операциям, которые характеризуются системностью, обратимостью и интериоризованностью (протекают во внутреннем плане). Активная сторона познавательного акта заключается прежде всего в ассимиляции уже сложившимися познавательными структурами (схемами) некоторого нового содержания (подгонка, деформация этого содержания под существующие схемы) и далее в изменении самих ассимилятивных структур как в результате эндогенных процессов, так и главным образом в ходе попыток аккомодироваться к тому новому, что есть в ассимилируемом объекте и что не может вписаться в существующие схемы без их значительной деформации. Любой акт взаимодействия с окружением не может начаться без

ассимилятивного звена: «С психологической точки зрения ассимилятивная деятельность... есть, следовательно, первичный факт» (цит. по: [414, с. 81]).

Активность, которая носит одновременно и конструирующий, и компенсаторный характер [289, с. 54], обеспечивает познавательную уравновешенность субъекта и объекта. Это дает основание некоторым авторам характеризовать концепцию Пиаже как гомеостатическую. На самом деле максимальное уравновешивание субъекта с универсумом означает, по Пиаже, максимально деятельностное состояние. Равновесие это никогда не может быть полным; оно носит скорее потенциальный, нежели реальный характер.

91

Познание не есть статическая копия реальности: «Познавать объект — это значит воздействовать на него, значит динамически воспроизводить его, и именно поэтому суть интеллекта — в его деятельной природе» [213, с. 30]. Такую же природу, отмечает Л. Ф. Обухова, имеет и умственный образ. Согласно Пиаже, образ, как и операция, возникает из действия и представляет собой не сенсорный след, а активную копию, интериоризованное воспроизведение движений перцептивного исследования объекта [289, с. 123]. Пиаже выделяет репродуктивные образы (воспроизведение воспринятого ранее) и антиципирующие (мысленное видоизменение знакомых объектов).

Ограниченный характер концепции Пиаже как психологической теории сформулирован им самим в первых строчках одной из самых известных его работ «Психология интеллекта»: «Всякое психологическое объяснение рано или поздно завершается тем, что опирается на биологию или логику» [313, с. 61]. Непреодоленность натуралистического подхода выступает в концепции Пиаже со всей очевидностью, хотя его «биологизм» вплетается в психологический и социальный контекст и связан со стремлением построить психологию как науку, синтезирующую и биологические, и социальные, и логические принципы подхода к объекту исследования» [213, с. 32]. Несмотря на определенную эволюцию взглядов Пиаже на социализацию ребенка⁵, он рассматривает его как существо изначально биологическое, которое лишь постепенно и довольно поздно вовлекается в систему общественных отношений [289, с. 187]. Он не придает решающего влияния первым общением ребенка со взрослым. Поэтому развитие ребенка Пиаже рассматривал как относительно спонтанный процесс, подчиняющийся прежде всего биологическим законам. Таким образом и активность ребенка в познавательной деятельности не раскрывается им как изначально социальная по своим средствам и механизмам. Еще большие ограничения на характер активности субъекта в мыслительной деятельности накладывает сведение психического к логическому. По мнению П. Я. Гальперина и Д. Б. Эльконина, отождествление интеллекта с системой операций превращает данную систему из средства познавательной деятельности в саму эту деятельность, исключая тем самым необходимость активной ориентировки субъекта в ходе выполнения деятельности, а значит, делает ненужной и саму

психику. Подход к психическому как явлению, не включенному в причинный ряд событий, лежит в основе логицизма Пиаже [96, с. 619]. Позиция психофизиологического параллелизма является неизбежным следствием такого подхода [73, с. 45] и не дает возможности Пиаже адекватно увидеть активную роль психики в познании.

Особого внимания заслуживает большой экспериментальный и аналитический материал, накопленный современной когнитивной

92

психологией, возникшей «в начале 60-х годов на стыке необихевиоризма, гештальтпсихологии и структурной лингвистики» [75, с. 5]. Поскольку познавательные процессы занимают центральное место среди объектов исследований данного направления, можно ожидать, что активные составляющие этих процессов не могли остаться незамеченными в работах когнитивных психологов. Действительно, человек здесь рассматривается как активный преобразователь информации, и активность эта, как верно отмечает Б. М. Величковский, направлена на конструирование «всего многообразия форм отражения действительности из разрозненных сенсорных данных, накапливаемых в периферических регистрах памяти» [75, с. 10], т. е. сводится к внутреннему преобразованию информации по определенным правилам, аналогично тому, как это делает компьютер [276, с. 38]. Такое ограниченное понимание сущности активности в познании частично преодолевается лишь некоторыми авторами, которые в какой-то степени выходят за рамки собственно когнитивной психологии (Дж. Брунер [59], У. Найссер [276], Дж. Хокберг [478]).

Итак, в качестве первого аспекта познавательной активности можно выделить конструктивный характер познания. «Восприятие можно рассматривать как синтез частично прогнозирующей внутренней (кратковременной) модели, в построении которой участвует и долговременная память, что позволяет использовать прошлый опыт» [22, с. 127]. И. Рок говорит о конструировании как процессе, близком к воображению, когда «в субъективных контурах мы воображаем объект, который точно соответствует конфигурации проксимального стимула» [337, 2, с. 264; см. также 59, с. 18; 173, с. 374; 121, с. 32; 266, с. 262; 276, с. 76; 474, с. 468; 120, с. 16; 478 и др.].

При этом широкое распространение получило понятие схемы как активного элемента в процессах конструирования прогностических моделей. Схемы выполняют функцию связи прошлого опыта с актуальной ситуацией, регулируют протекание познавательного акта или даже иницируют его [229, 500, 492, 456, 496, 276 и др.; последние обзоры и библиографию см.: 465 и 449].

Наиболее разработанные варианты «конструктивизма» имеют место в моделях понимания речи, получивших название «анализа через синтез» [229; 472]. Вот как описывает этот процесс Дж. Миллер: «Слушатель начинает с предположения о сигнале на входе. На основе этого предположения он порождает внутренний сигнал, сравниваемый с воспринимаемым. Первая

попытка возможно будет ошибочной; если так, то делается поправка и используется в качестве основы для последующих предположений, которые будут точнее. Этот цикл повторяется (почти наверняка бессознательно) до тех пор, пока слушатель не сделает выбора, отвечающего соответствующим требованиям... Выход — это не трансформированный вариант входа, это программа, которой нужно следовать, чтобы породить внутренние представления, используемые для сравнения» [264, с. 251]. При этом, если процесс разворачивается

93

от синтеза более простых элементов к более сложным, говорят об анализе через синтез снизу вверх, а в противоположном случае об анализе через синтез сверху вниз [218, с. 121—124]. Однако, поскольку «в когнитивной психологии доминирует представление, что осмысленность восприятия носит постперцептивный характер» [75, с. 142], то для нее характерно понимание анализа через синтез именно «снизу вверх», от элементов сенсорной данности ко все более сложным и осмысленным структурам (будь то восприятие или мышление).

Существование некоторого механизма предварительного синтеза гипотез, сквозь призму которых осуществляется анализ внешнего мира, иногда приводит к утверждениям об общности природы восприятия, воображения и даже галлюцинации, поскольку во всех случаях налицо вклад некоторой центральной структуры (зрительного «буфера»), генерирующей гипотезы на языке чувственной модальности [473; 488; 502]. Наличие общих элементов в этих процессах невозможно отрицать, однако недооценка принципиальных различий между ними, действительно, таит в себе опасность соскальзывания к субъективному идеализму. Указанная опасность не должна тем не менее приводить к игнорированию совершенно реальных фактов, свидетельствующих о способности организма к «спонтанному» продуцированию «прототипов», «схем», «полуфабрикатов» образов, которые в нормальных условиях никогда не подменяют подлинные образы восприятия. Необходимо прежде всего четко очертить границы тех функций, которые могут выполнять эти «ментальные конструкторы» и адекватно понять объективные источники субъективных составляющих психического образа. Именно указанные задачи и не смогла решить когнитивная психология, опирающаяся на компьютерную метафору.

В рамках исследований памяти и внимания было констатировано, что уровень активации тех или иных единиц памяти зависит от двух потоков информации — сенсорной и центральной и что единица, приобретшая максимальный уровень активации в данный момент, оказывает определяющее влияние на процессы восприятия и памяти [229, с. 156]. Это влияние активированных «детекторов памяти» и составляет основу активной обработки сенсорных данных, которые связываются с процессами внимания. Такая трактовка внимания близка к идеям У. Джемса и Н. Н. Ланге и противостоит более ранним подходам к вниманию как пассивному фильтру. Но и «пассивная обработка» сенсорных данных часто не сводится к этим

фильтрам. В последних работах Д. Бродбента [459] предвнимательные процессы (предшествующие активной обработке) объясняются снижением порогов к часто встречающимся комбинациям признаков, так что активной обработке подвергаются не отдельные признаки, а их комбинации. В отличие от этого, согласно последним моделям Трейсман [505] отдельные сенсорные признаки находятся в свободно плавающем состоянии и вся конструктивная работа сосредоточена на уровне

94

сознательно протекающего синтеза, интеграции этих признаков в целостный объект под контролем внимания.

Другой подход к вниманию как активному началу познавательной деятельности связан с количественной характеристикой активности. Под вниманием понимается внутреннее усилие, требующее расхода энергии из некоторого ограниченного пула когнитивных ресурсов [484]. Эта концепция близка к энергетическим теориям психического, и, хотя она объясняет некоторые факты, последние относятся скорее к формально-динамическим аспектам познавательной активности и не раскрывают ее содержания.

В когнитивной психологии накоплен большой экспериментальный материал, по соотношению уровней сознательной и неосознаваемой (или не контролируемой сознательно) познавательной активности. При этом неосознаваемые или осуществляющиеся вопреки сознательным установкам познавательные эффекты считаются результатом автоматических, рефлекторных процессов [75, с. 173—180]. Такое утверждение в действительности не является самоочевидным, поскольку, как мы попытаемся показать ниже, познавательные акты могут носить неосознаваемый характер, будучи в то же время инициированы субъектом или некоторой его познавательной подсистемой.

Результаты ряда конкретных исследований, проведенных психологами когнитивистской ориентации, будут описаны при обосновании отдельных положений о сущности и механизмах активности субъекта в познании.

В плане общей критической оценки когнитивной психологии следует прежде всего отметить ее натурализм и выраженную тенденцию к редукционизму, вытекающие из самой сути компьютерной метафоры. Фактически непреодоленным оказался и разрыв между познанием и действием; последнее рассматривается как внешнее условие успешности познавательного акта или как способ проверки его результата. Механизмы познавательной активности, включая такие выраженные ее формы, как творческий синтез, связаны в основном с обработкой впечатлений, вызываемых внешними стимулами. Именно в этом пункте наиболее последовательная критика установок, доминирующих в когнитивной психологии, дана американским психологом Дж. Гибсоном.

Гибсон делает весьма принципиальный шаг в определении того, на что направлена познавательная активность субъекта. Он отрицает признаваемую почти всеми психологами неоднозначность связи между стимулами и чувственными впечатлениями. По его мнению, познавательная активность

заключается не в сложной переработке исходных впечатлений (ощущений), а в выделении переменных стимуляции более высокого порядка прежде всего за счет двигательной активности организма. Стимуляция с самого начала является упорядоченной, а не мозаикой воздействий и поэтому несет в себе безгранично богатую информацию о любых свойствах объектов. Восприятие, утверждает Гибсон, является прямой функцией стимуляции. «Предлагается полностью отказаться

95

от понятия ощущения как первоосновы феноменального опыта и, таким образом, очистить психологию от упорно сохраняющегося мнения, что сенсорные впечатления являются предпосылкой других впечатлений... Ощущения — случайные отголоски восприятия, а не причины его» [105, с. 155—156]. Соответственно и развитие восприятия в ходе обучения заключается, по мысли Гибсона, не во все большем обогащении исходных чувственных данных, прибавлении к ним чего-то из прошлого опыта и памяти, а во все более тонкой дифференциации исходно не расчлененного комплекса стимулов [106, с. 185].

Акцент на зависимости восприятия от стимуляции следует оценить положительно. Гибсон действительно вносит вклад в преодоление представлений об изолированном от мира субъекте, подчеркивая гораздо более тесную связь познающего субъекта с познаваемым миром, чем другие теоретики. Но делается это, к сожалению, однобоко, а именно за счет недооценки активности познающего субъекта, которая сводится к движениям, действиям, направленным на вычленение стимульных переменных высоких порядков. Однако всякое такое действие имеет смысл и приводит к определенному результату, если оно не случайно, а подчинено некоторой цели, направлено на получение некоторого ожидаемого результата. Тогда опять необходимо встает вопрос об исходном знании, направляющем эти действия. Но как раз против необходимости такого знания и направлен основный пафос концепции Гибсона. Он уделяет слишком мало внимания тому, что делает ту или иную комбинацию энергетических потоков стимулом для данного организма. Здесь не помогает прямая ссылка на потребности (ведь стимул не может их прямо удовлетворить), и необходимо признать наличие промежуточных познавательных образований. Но в целом экологическая теория Гибсона позволила получить важные аргументы против субъективистски ориентированных концепций восприятия.

Параллельно с развитием представлений о познавательной активности в необихевиоризме и когнитивной психологии, которое привело к созданию или переосмыслению таких понятий, как частичная антиципирующая реакция, ожидание, перцептивная гипотеза (термин, предложенный Д. Кречевским), вероятностное предположение (наилучшая ставка), проба-и-проверка, схема, конструктивный синтез и т. п., продолжалась разработка понятия схемы и в европейской психологии. Понятием этим в значении, близком к тому, которое в него вкладывал Рево д'Аллон, пользовался

английский психолог Ф. Бартлет, прежде всего в контексте объяснения механизмов памяти. «Схема представляет собой активную организацию прошлых реакций или прошлого опыта, которая, как следует предполагать, всегда принимает участие в любой хорошо приспособленной органической реакции» [453, с. 201].

Понятие схемы широко используется П. Фрессом [468], который определяет ее применительно к восприятию как способ соприкосновения прошлого опыта со стимулом. М. Верной [506]

96

считает, что понятие схемы адекватно описывает некоторую познавательную конструкцию, опосредующую влияние потребности на восприятие стимуляции. Это позволяет преодолеть упрощенное представление «нового взгляда» о прямом влиянии потребности на результаты познавательной деятельности. Как и Фресс, она видит в схемах не только способ фиксации устойчивых характеристик того или иного класса объектов, но и возможных действий с ними. Аналогичным образом использует понятие схемы и Ж. Пиаже, делая при этом больший акцент на ее действенном компоненте: «Схема — это познавательная структура, относящаяся к классу сходных действий, имеющих определенную последовательность, указанная последовательность обязательно представляет собой прочно взаимосвязанное целое, в котором составляющие его акты поведения тесно взаимодействуют друг с другом» [414, с. 78]. При этом подчеркивается ее активный характер — это канва действия, имеющая тенденцию к самовоспроизведению, повторению. Ребенок, освоивший ту или иную схему поведения, многократно повторяет ее без всякого прагматического мотива ради упрочения самой схемы и распространения ее на новое содержание. Она представляет собой как бы подвижную рамку, последовательно прилагаемую к различным содержаниям.

Таким образом, схема, по Пиаже, прямо связана с проявлением основной формы познавательной активности — актом ассимиляции, являясь одновременно и его условием и его результатом. Прогрессивная дифференциация схем ведет к прогрессивной дифференциации ассимилируемых ими внешних объектов. При этом взаимная координация и даже ассимиляция схемами друг друга приводит к образованию сложных структур «вложенного» типа и обеспечивает включение любой частной схемы в целостную познавательную организацию человека. Аккомодация схем как следствие деформирующего влияния на них со стороны ассимилируемых объектов является формой пластичности познавательных структур, их изменения в сторону большей адекватности внешнему миру. Определение схемы как подвижной рамки, канвы действия сближает ее с категорией формы. В то же время способность самой схемы выступать объектом ассимиляции другой схемой делает возможным ее кристаллизацию в качестве элемента содержания.

Попытку синтеза идей, стоящих за понятием схемы, которое разрабатывалось как в европейской, так и американской психологии в

контексте анализа познавательной активности, предпринял один из основателей когнитивной психологии У. Найссер, желая пересмотреть направление ее развития. Он дает определение познавательной активности как активности, связанной с приобретением, организацией и использованием знания [276, с. 23]. С одной стороны, Найссер выступает против гипертрофирования творческого вклада воспринимающего в процессе познания, когда он рассматривается в качестве единственного источника формообразующего начала, приносимого в хаос впечатлений, идущих извне; с другой стороны, он не принимает точку зрения Гибсона, до предела

97

минимизирующего вклад прошлого опыта воспринимающего в перцептивный акт. Именно схема выполняет, по Найссеру, роль своеобразного посредника, «через которого прошлое оказывает влияние на будущее; уже усвоенная информация определяет то, что будет воспринято впоследствии... Схема играет решающую роль в каждом перцептивном акте» [276, с. 43—44]. Основная функция схемы — предвосхищение событий или изменений во внешнем мире, которые должны наступить, а эти предвосхищения, в свою очередь, являются необходимыми звеньями процесса восприятия или сбора информации об этих событиях и объектах.

Уточняя свое понимание схемы, Найссер пытается дать возможно более полное определение. «Схема — это та часть полного перцептивного цикла, которая является внутренней по отношению к воспринимающему, она модифицируется опытом и тем или иным образом специфична в отношении того, что воспринимается. Схема принимает информацию, как только последняя оказывается на сенсорных поверхностях, и изменяется под влиянием этой информации; схема направляет движения и исследовательскую активность, благодаря которым открывается доступ к новой информации, вызывающей в свою очередь дальнейшие изменения схемы» [276, с. 73]. Понятие широкой ориентировочной схемы Найссер использует как синоним когнитивной карты, выступающей в роли контекста для любой отдельной схемы, подобно тому, как схема, способная принять информацию о настольной лампе, есть часть ориентировочной схемы кабинета, способной принимать информацию о кабинете и направлять переместительные движения в нем. Таким образом, всякая схема является вложенной в более широкую схему, регулирующую действия в больших по масштабам пространственно-временных интервалах. Образ, по Найссеру, не картинка в голове, а некоторое перцептивное предвосхищение или план сбора информации из потенциально доступного окружения, синоним перцептивной готовности. Здесь следует сделать оговорку, что в англоязычной литературе под образом (image) имеется в виду образ-представление, элемент воображения, возникающий в отсутствие соответствующей ему сенсорной стимуляции [466, с. 129; 481, с. 3]. Когда говорится об образе восприятия, употребляется термин «перцепт». С точки зрения Найссера последнее понятие необходимо лишь для объяснения случаев иллюзорного восприятия.

Функционирование схемы не требует особого внешнего источника энергии, поскольку сами познавательные схемы являются частью еще более широких «схем-мотивов», воспринимающих информацию и направляющих действия в более крупном масштабе [276, с. 75].

Для обоснования своей концепции Найссер использует большой эмпирический материал, но особый интерес представляет разработанная им методика избирательного смотра. На один и тот же экран проецируются два ряда изображений, представляющих собой серию взаимосвязанных последовательных событий, например,

98

две записанные на видеомэгнитофон спортивные игры. Испытуемого просят наблюдать только за одной игрой и игнорировать вторую. Для контроля за эффективностью выполнения этой инструкции испытуемый должен нажимать на ключ при каждом целевом событии, например, при каждом ударе по мячу. Оказалось, что при темпе 40 событий в минуту было одинаково легко следить за игрой как в случае, когда она демонстрировалась отдельно, так и при наложении ее на другую игру. Это следовало и из отчета испытуемого и из объективных данных (процент ошибок). Результаты ухудшались лишь в тех случаях, когда испытуемого просили следить за обеими играми одновременно. «Испытуемый не видит иррелевантную игру точно так же, как он не слышит вторичное сообщение в задаче на избирательное слушание, хотя он и отдает себе отчет в том, что нечто другое также присутствует» [276, с. 103]. Поскольку два ряда изображений не отличаются по локализации или модальности, а только по своей внутренней структуре, то различие в их восприятии, по справедливому предположению Найссера, может быть объяснено лишь присутствием в одном случае и отсутствием в другом предвосхищений наблюдаемых событий, без которых соответствующая стимуляция не может включиться в перцептивный цикл.

Аналогичные результаты еще раньше были получены в экспериментах с избирательным слушанием. При этом те или иные слова из иррелевантного сообщения могли оказаться воспринятыми, если они хорошо вписывались в контекст релевантного сообщения. Существенно, что при этом испытуемый чаще всего не замечает, что происходит интерференция двух сообщений. В экспериментах Морэя показано, что почти всегда испытуемый реагирует на свое имя, произнесенное в иррелевантном сообщении [277, с. 285], Д. Бродбент объясняет этот факт тем, что очень прочная «установка на ответ» может пересилить заданную инструкцией «установку на стимул» [58, с. 273]. С точки зрения Найссера при определенной тренировке человек способен выработать навык «двойного внимания», когда параллельно может осуществляться предвосхищение двух рядов событий, если их предвосхищающие схемы достаточно различны. Навык реагирования на произнесение своего имени, когда человек поглощен другим делом, вырабатывается в процессе жизни у всех людей.

Концепция У. Найссера безусловно представляет собой шаг вперед в развитии представлений об активной природе познавательных процессов в

западной психологии. Весьма убедительна его критика «теорий внутренней переработки информации», которые представляют процесс познания в виде извлечения «знаний» из хаоса сырых рецептивных данных «на входе» за счет все более сложной их переработки и сравнения с хранящимися в памяти результатами прежних актов такой же переработки [276, с. 37—38]. Представляет интерес его антименталистская трактовка образа как момента в циклическом процессе взаимодействия субъекта с объектом, связанного с предвосхищением характеристик стимуляции

99

и последствий собственных действий. Вместе с тем его концепция явно проигрывает в сравнении с подходом, развитым в советской психологии при решении аналогичных проблем. Это же отмечает Б. М. Величковский во вступительной статье к русскому переводу книги У. Найссера «Познание и реальность» [275, с. 5—15].

Попытка заменить понятие образа понятием схемы открывает путь для интерпретации продуктов психического отражения как необязательно сохраняющих сходство с отражаемой реальностью. Схема может иметь весьма условную связь с тем, что она изображает. Найссер опирается на представление о человеческом поведении как имеющем адаптивный, приспособительный характер, «активность в конечном счете оказывается активным приспособлением к существующим условиям» [276, с. 14]. Акцент на предвосхищении лишь как на попытке угадать, подстроиться к тому, что должно произойти, отодвигает на второй план проблему творчества, преобразовательного воздействия на мир. В основе творческого отношения человека к миру лежат не биологические, а социальные закономерности, которые остались вне поля внимания Найссера. Специфику речи Найссер видит прежде всего в большей условности, нежесткости связи слова с обозначаемым предметом, что облегчает включение его в различные предвосхищающие схемы. Процесс восприятия речи рассматривается им по аналогии с восприятием физического объекта через сенсорные данные.

Нельзя не сделать замечания и по поводу понимания им связи познания с действием. Действие здесь не выступает в качестве самой формы освоения действительности; оно делает доступной ту или иную информацию, облегчает ее получение, но сами перцептивные схемы берут свое начало в некоторых врожденных координациях. Наконец, хотя Найссер и утверждает, что в схеме представлена не только форма, но и содержание, сам контекст употребления этого понятия в качестве объяснительного делает акцент на его инструментальном характере. Это явствует из того, что процесс наполнения схемы определенным содержанием (сбор информации в терминологии Найссера) происходит в моменты ее функционирования в качестве компонента перцептивного цикла. Когда же она выступает самостоятельно, схема проявляет себя как образ, который в свою очередь есть не что иное как план сбора информации [276, с. 145]. Но «план сбора» это именно форма, которой еще предстоит наполниться содержанием. На самом деле образы памяти, образы-представления безусловно имеют ярко выраженный

содержательный аспект и, решая многие задачи в плане образа, мы извлекаем из него богатую информацию — примером может служить так называемое визуальное мышление [450; 25; 297; 439], с особой яркостью проявляющееся у людей с повышенной способностью к визуализации, у которых может наблюдаться даже смешение мира реального и мира воображаемого, размытость границ между ними [249, с. 88; 246, с. 79].

100

Найссер говорит о наличии «устанавливаемых культурой схем» [276, с. 198], но эти схемы скорее просто сосуществуют со схемами, развиваемыми в ходе индивидуального опыта, надстраиваются над последними, а не входят в саму плоть любого акта человеческого восприятия. Даже рассматривая проблему значения и категоризации в восприятии, он не вводит ее в контекст причинных рядов социально-культурных, а тем более культурно-исторических событий. Значительно больше внимания уделяется этим проблемам в концепции Дж. Брунера, что делает его взгляды по ряду вопросов близкими к тем, которые разрабатываются в советской психологии [173, с. 6]. А. Р. Лурия отмечает, что этот факт в значительной степени связан с влиянием, которое оказали на Брунера работы советских психологов и прежде всего культурно-историческая концепция Л. С. Выготского, «на которого Брунер многократно ссылается, относя его к числу своих учителей» [59, с. 6—7].

Но еще до знакомства с работами Выготского, в период формулирования идей «нового взгляда», Брунер ввел понятие социальной перцепции для обозначения тех моментов восприятия, которые детерминированы социальными факторами (см. напр., описанные выше эксперименты, выявившие влияние социального происхождения детей на переоценку величины монет по сравнению с картонными кружками). Позже этот термин получил вторую жизнь в социальной психологии, где он используется для обозначения специфики восприятия социальных объектов — других людей, групп и более широких социальных общностей [14, с. 5; 259, с. 5], а также социальных событий и связей [479, с. 213—214].

Особый интерес представляют проведенные им исследования по влиянию социума и культуры на ход познавательного развития ребенка, которые действуют как «усилители» его двигательных, сенсорных и мыслительных возможностей [173, с. 26]. Действенное, образное и символическое представление мира и составляют последовательные ступени в развитии познавательной функции. Каждая форма представления (презентации) мира строится на своих врожденных примитивных аналогах через приобщение ребенка к культуре и действенный контакт с внешним миром.

Познавательная активность, согласно Брунеру, проявляется в следующих моментах: (1). Познание мира является самоподкрепляющейся деятельностью. Уже в раннем детстве беспомощность ребенка сочетается с его постоянным любопытством к окружающему миру [173, с. 28]; (2). В процесс познания необходимо включается действие, которое в сочетании с вызываемыми им сенсорными эффектами образует основу исходных форм

репрезентации мира [173, с. 42]; особое значение он придает реафферентации в терминологии Р. Хелда [475]; (3). Процесс познания протекает в форме выдвижения гипотез их проверки и принятия решений. «Аналитически можно сказать, что восприятие начинается с некоторого ожидания или гипотезы» [59, с. 84]. Это обеспечивает организму не только реагирование на актуальные события, но и

101

предвосхищение их; (4). Познание есть не простое копирование, презентация мира, а активное построение модели мира, «которая лишь частично и время от времени может сопоставляться с поступающей извне информацией» [173, с. 374]. Модель мира и является целостной системой ожиданий, из которых берут свое начало конкретные гипотезы [59, с. 87].

Принципиальное значение для общей оценки концепции Брунера имеет характер постулируемых им познавательных гипотез. В этих гипотезах содержится предположение относительно категории, к которой может быть причислен тот или иной объект. «Основное допущение, которое мы должны принять с самого начала, состоит в том, что всякий перцептивный опыт есть конечный продукт процесса категоризации... восприятия имеют родовой характер в том смысле, что все воспринимаемое относится к некоторому классу и лишь через него приобретает свое значение» [59, с. 15]. Не вызывает сомнения такой характер гипотез в случае мышления, но, оказывается, он распространяется Брунером и на ощущения [59, с. 14—15]. Если принять во внимание, что акт категоризации основывается на логическом выводе (пусть и бессознательном), и это подтверждает сам Брунер [59, с. 23], то становится совершенно отчетливым тот рационалистический крен, который характерен для обсуждаемой концепции.

Возможно, это является прямым следствием несколько упрощенных попыток вскрыть влияние социальных и культурных факторов на все уровни познавательного процесса. Если сущность акта восприятия, а тем более ощущения исчерпывается отнесением источника стимуляции к тому или иному классу объектов, это означает, что происходит игнорирование всего индивидуально неповторимого, которое присутствует в данном объекте и которое теряется в акте логического вывода, завершающегося выбором адекватной категории. Конкретное знание, данное через чувственный образ, обладает неизмеримо более богатым содержанием и именно оно часто служит стимулом и источником того живого созерцания, которое питает творчество. В связи с этим Л. А. Венгер отмечает, что совершенно уникальный и неродовой опыт вообще не может существовать согласно концепции Брунера [78, с. 95].

Серьезное возражение вызывает и позиция, которую Брунер формулирует следующим образом: «Мы давно уже отказались от уподобительной теории восприятия» [59, с. 18]. Модель мира как основной результат познавательной активности представляет собой упорядоченную систему различных взаимосвязанных категорий, обладающих разной степенью готовности. Эта модель может выступать в роли хорошего инструмента для совершения

логических выводов, принятия решений о действии и даже контроля за его осуществлением, но она не может претендовать на роль образа мира, результата отображения его в сознании человека. Как и в случае найссеровской схемы, здесь вполне допустим (и даже активно утверждается) условный, символический характер связи между познаваемыми объектами и результатами познавательной

102

деятельности. Философский анализ понятий «образ» и «модель» показывает, что между ними существуют значительные различия: образ является результатом взаимодействия двух систем, в ходе которого устанавливается определенное соответствие между оригиналом и его отображением; модель же привносится в процесс извне и не находится в причинной связи с объектом [193, с. 34; 401, с. 124]. Не случайно Брунер употребляет и термин «кодирование окружающей среды» [59, с. 19], также предполагающий произвольность, условность связи между кодом и тем, что кодируется. На некорректность использования этого понятия для описания процессов психического отражения указывал Леонтьев [225, с. 12].

Нельзя не согласиться с замечаниями А. Г. Асмолова о том, что и в концепции Брунера и во многих других западных теориях восприятия игнорируются такие его фундаментальные качества, как предметность и пристрастность образов [28, с. 103]. Реально образ сливается с предметом в нашем восприятии, а набор категорий, к которым мы отнесли тот или иной объект, всегда остается его более или менее точным описанием. Категория, класс суть логические понятия, компоненты логического вывода, и они не могут быть пристрастными сами по себе. Можно сказать, что в ряде пунктов своей концепции Брунер не преодолел компьютерную метафору, т. е. он представляет процесс психического отражения как процесс переработки поступающей на вход информации, завершающийся логическим суждением об отнесении этой информации к тому или иному классу (категории).

Необходимо сделать замечания и в отношении тех аспектов концепции Брунера, которые составляют ее сильную сторону. Речь идет о детерминации познавательной деятельности со стороны общества и культуры. По Брунеру, «через культуру общества» ребенок получает только усилители своих двигательных, сенсорных и мыслительных возможностей [173, с. 26]. Это, в частности, следует и из признания врожденного характера исходных категорий [59, с. 17; 173, с. 57]. Но сказать, что язык и культура только усиливают возможность ребенка в познании мира, — значит не сказать самого главного — что они формируют саму потребность в познавательной деятельности в собственном смысле этого слова. Игнорировать качественное различие между познавательной деятельностью человека, имеющей общественно-исторический характер, и ориентировочно-исследовательской «деятельностью» биологического типа — значит отказаться от исторического понимания природы этого феномена. Несколько абстрактный характер понимания Брунером культуры и общества отмечает В. В. Давыдов на примере исследований познавательного развития детей. Брунер не

учитывает, что своеобразие культуры и общества, в котором живет ребенок, сами во многом определяются социально-экономическими условиями жизни [173, с. 12].

Для понимания детерминант познавательной активности субъекта, связанных с влиянием общества и культуры, важное значение

103

имеют так называемые кросс-культурные исследования познавательных процессов, которые получили свое развитие в начале XX века под влиянием идей французской социологической школы. Немногочисленные исследователи этой проблемы предшествующего периода исходили из противоположных представлений о детерминации общественных и культурных явлений со стороны особенностей познавательных процессов. Впрочем, такая тенденция характерна и для некоторых современных теорий, например, для когнитивистски ориентированной социальной психологии [15, с. 92].

Наибольшую известность приобрели труды Л. Леви-Брюля, который в своей работе опирался на литературные источники и свидетельства очевидцев. Он критиковал английскую антропологическую школу, согласно которой: «тот факт, что в человеческих обществах возникают мифы, коллективные представления, подобные тем, которые лежат в основе тотемизма ... — факт этот считается неизбежным следствием самого строения «человеческого ума» [210, с. 238]. В противоположность этому Леви-Брюль утверждает, что «определенный тип общества, имеющий свои собственные учреждения и нравы, неизбежно будет иметь и свое собственное мышление. Различным социальным типам будут соответствовать различные формы мышления, тем более что самые учреждения и нравы в основе своей являются не чем иным как известным аспектом или формой коллективных представлений, рассматриваемых, так сказать, объективно» [210, с. 240]. Однако он не мог понять сами коллективные представления как результат конкретной общественной практики людей, их реальной жизни и деятельности [310, с. 21].

Экспериментальные исследования восприятия обитателей Папуа и Южной Индии были проведены У. Риверсом, который показал, в частности, что бытующие представления об исключительных сенсорных способностях «первобытных народов» не соответствуют действительности. Туземцы воспринимают незаметные для европейца детали ландшафта, растений и животных не благодаря повышенной чувствительности органов чувств, а из-за того, что у них сформирована установка на восприятие таких деталей в силу их значимости, информативности как ориентиров деятельности. Таким образом, направление познавательной активности, которое определяется зафиксированными в культуре и языке нормами, в свою очередь зависящими от характера практической деятельности людей, влияет на результаты самой элементарной познавательной деятельности, связанной с выделением тех или иных чувственных качеств [198, с. 83]. Особенно явно выступает влияние культурных образцов «воспринимания» на узнавание предметов,

изображенных на картинах или фотографиях. Во-первых, необходимо понимание того, что на картинах изображены именно предметы, т. е. краски и линии вообще что-то изображают, а во-вторых, учет способов изображения, например, передачи воздушной и линейной перспективы [198, с. 86]. Мера адекватности

104

восприятия зависит также от того, какие действия субъекта должна регулировать воспринимаемая ситуация, какого рода ответы требуются от испытуемого. Соответственно он может обратить или не обратить внимание на тот или иной аспект предметности, который потенциально содержится в стимульной ситуации.

Детерминированные культурой и образом жизни аспекты познавательной активности влияют на степень подверженности оптико-геометрическим иллюзиям, на результаты бинокулярного соревнования (когда левому и правому глазу предъявляются одновременно две разные картинки, то привычные для данной культуры видятся раньше, чем непривычные [198, с. 97, 103]). Этими же факторами определяются некоторые перцептивные предпочтения и превосходства одних воспринимаемых характеристик над другими, многие эффекты внимания, памяти и мышления. В связи с этим стали предприниматься попытки выявления в ходе кросс-культурных исследований детерминаций со стороны общества и культуры некоторых глобальных характеристик познавательной активности человека. Наибольшее распространение получили работы с использованием понятия «когнитивный стиль», которое вошло в американскую психологию в начале 50-х гг. для характеристики индивидуальных особенностей в протекании перцептивной и интеллектуальной деятельности [139, с. 161]. При всех различиях в понимании этого термина «общим знаменателем» выступала адресованность когнитивного стиля к процессуальным, а не содержательным характеристикам познавательной деятельности.

Большую популярность и широкую экспериментальную разработку получила классификация когнитивных стилей, предложенная Х. Уиткином. Он использовал в качестве измерения, по которому можно упорядочить разные стили, такую характеристику познавательной деятельности, как «глобальность — артикулированность». В случае выраженного артикулированного стиля человек склонен к дробной дифференциации признаков среды и к систематическому различению явлений внешнего мира и тех, которые относятся к его собственному «Я». Глобальный стиль характеризуется целостностью образа ситуации, ориентирующего поведение [508, с. 97]. Указанная классификация имеет и оценочный характер, поскольку развитие познавательной сферы под влиянием социальных факторов связывается именно с переходом от глобального к артикулированному стилю. Правда, как показали последующие исследования, лица с глобальным когнитивным стилем хорошо адаптируются к социальному окружению благодаря повышенной

чувствительности к другим людям и «компетентности в межличностных отношениях» [139, с. 165].

Конкретизация предложенной классификации когнитивных стилей применительно к исследованиям восприятия привела к формулированию двух противоположных перцептивных стилей в терминах «зависимый от поля» и «независимый от поля». Позже эти названия стилей фактически вытеснили исходные их определения

105

как глобального и артикулированного, т. е. были распространены на всю когнитивную сферу. Соответственно и определение когнитивного стиля как интегральной характеристики познавательной деятельности строится чаще всего на материале решения перцептивных задач.

Типичным примером тестовой процедуры для определения когнитивного стиля является следующий опыт: испытуемый сидит в темной комнате и смотрит на светящуюся квадратную рамку, внутри которой расположен светящийся стержень, причем длина его несколько меньше, чем сторона рамки. И рамка и стержень могут поворачиваться под любым углом к полу, но центры их вращения совпадают. Стул, на котором сидит испытуемый, также может наклоняться вместе с прикрепленной к нему подставкой для ног. Задача испытуемого состоит в том, чтобы установить стержень в вертикальное положение по отношению к полу. Испытуемые, ориентирующиеся при решении этой задачи преимущественно на положение рамки и плохо учитывающие положение собственного тела на основе проприоцептивной информации, относятся к полезависимым. Полнезависимые испытуемые демонстрируют противоположные результаты.

Многочисленные, в том числе кросс-культурные исследования показали выраженную социальную обусловленность когнитивных стилей [508, с. 99—100; 139, с. 166; 198, с. 105—114]. Особое значение здесь имеют принятые в данной культуре способы воспитания детей: строгость регламентации их поведения взрослыми, степень стимуляции или подавления их самостоятельности и инициативности и т. п. Заслуживает внимания наблюдаемый здесь перенос основных характеристик поведения в целом на собственно познавательную деятельность. Заметим также, что сами культурные нормы связаны и иногда достаточно непосредственно с образом жизни, характером производительной и экономической деятельности данного общества или класса. Так, в исследованиях Дж. Берри была обнаружена прямая зависимость степени артикулированности восприятия у представителей разных народностей от того места, которое занимает в данном обществе охота. Кроме того, он обнаружил, что чем важнее роль охоты в культуре, тем меньше строгости в воспитании детей и тем меньше от людей требуется конформизма [198, с. 110].

Своеобразное преломление получила проблема познавательной активности в когнитивистски ориентированных социально-психологических теориях: теория структурного баланса Ф. Хайдера, теория коммуникативных

актов Т. Ньюкома, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, теория конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбаума. Центральной идеей, объединяющей все эти теории, является идея когнитивного соответствия. Она состоит в том, что всякое несоответствие, дисгармония, дисбаланс, которые возникают в когнитивной структуре человека, вызывают тенденцию к их нивелированию, минимизации и восстановлению нарушенного соответствия [15, с. 101]. Эти теории развиты преимущественно на

106

социально-психологическом материале и в большинстве случаев трудно говорить о процессах построения образов в традиционном понимании этого термина. Тем не менее, эти концепции имеют и выраженный общепсихологический аспект в той мере, в какой им приходится постулировать некоторые общие представления о когнитивной сфере человека как таковой. В наибольшей степени на статус общепсихологической претендует теория когнитивного диссонанса Фестингера.

Когнитивный диссонанс обозначает наличие некоторого противоречия между отдельными элементами познавательной структуры (когнициями). Под когнитивной системой понимается взаимосвязанный комплекс знаний об объектах или людях [327, с. 150]. Благодаря тому, что субъект обладает потребностью иметь связную и непротиворечивую систему знаний, он развивает активность в направлении снятия возникшего диссонанса и перехода к консонансу. Сделать это возможно тремя путями: 1) изменить элемент знания, диссонирующий с другим или другими; 2) добавить в когнитивную структуру новые элементы, способные уменьшить диссонанс; 3) постараться избегать тех элементов знания, которые ведут к росту диссонанса. Таким образом, цель познавательной активности состоит не в достижении более адекватного отражения внешнего мира, а в получении сбалансированной внутренне непротиворечивой когнитивной системы. Убедительная критика такого понимания познавательной активности дана в работе Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой и Л. А. Петровской [15, с. 151—154]. Один из пунктов этой критики можно сформулировать следующим образом. Активность, направленная на сохранение нарушаемого внешними влияниями равновесия, гомеостаза познавательной системы, носит в конечном счете реактивный характер, находится в непосредственной зависимости от воздействий извне. Она «выступает здесь лишь как защитный механизм, охраняющий личность от нарушения состояния равновесия когнитивного поля» [15, с. 152]. Причина такой односторонней интерпретации познавательной активности состоит прежде всего в ее замкнутости в рамках когнитивных образований, в том, что она не выведена в область предметной деятельности человека и не направлена на предметный мир, не раскрыта навстречу ему.

Понимание познавательной активности как предметной, т. е. как деятельности, есть еще один шаг в направлении раскрытия ее подлинной природы, который необходимо сделать вслед за признанием социально-культурной детерминированности познавательных процессов человека. Но

сделать это можно лишь с позиций марксистской методологии, т. е. приняв марксистскую концепцию человека. Такая цель была прямо поставлена в советской психологии и ее достижениям на этом пути будет посвящен следующий параграф.

Определенные традиции имеет марксистская психология во Франции (Ж. Политцер, И. Мейерсон, А. Валлон, Р. Заззо, Л. Сэв) и других европейских странах. Непосредственно под влиянием работ

107

советских психологов некоторые принципы марксистской психологии, прежде всего, в анализе проблем познавательного развития, стали проникать в американскую психологию (М. Коул, Дж. Вертч [198; 507]).

В свете интересующих нас проблем активности субъекта в построении образа обращает на себя внимание концепция психолога из Западного Берлина К. Хольцкампа, особо подчеркивающего предметный характер чувственного отражения и понимание восприятия как деятельности [480]. Одним из ключевых понятий в его концепции выступает «предметное значение», которое, в отличие от языковых, символических значений, соединяет в себе детерминацию восприятия со стороны общественно-исторического опыта, заключенного в системе значений, с детерминацией со стороны чувственно воспринимаемых воздействий материальных объектов. Для выделения того аспекта восприятия, в котором выражается его деятельностная и предметная природа, Хольцкамп вводит понятие фенографического анализа. Сквозь призму этого анализа процесс восприятия открывается как подлинно предметная деятельность наблюдения. Вместе с тем, отмечают А. Н. и А. А. Леонтьевы, уделяя основное внимание общественно-исторической природе человеческого восприятия, его социальной функции, Хольцкамп не увязал эти проблемы с процессуальной стороной восприятия, с механизмами реализации перцептивной активности, в частности, моторными [220, с. 5].

§ 3. Разработка проблем активности психического отражения в советской психологии

Первые попытки построить подлинно научную психологию на методологической базе диалектического материализма были предприняты в России вскоре после Октябрьской революции. В борьбе с идеалистической интерпретацией предмета психологии и вытекающего из нее субъективного метода акцент был сделан на изучении поведения и прежде всего двигательных реакций (рефлексология В. М. Бехтерева, реактология К. Н. Корнилова, психология поведения П. П. Блонского). Но понимание ими предмета психологии было, как отмечает А. В. Петровский, далеко от диалектического материализма, ибо содержало значительные уступки позитивизму [305, с. 73]. Объективная детерминация поведения раскрывалась прежде всего как его зависимость от наличной внешней стимуляции и оставляла мало места для активности субъекта, в частности его познавательной активности. Также однонаправленно представлялась и зависимость поведения индивида от социальных факторов, на которую

обращал особое внимание П. П. Блонский. Сознание и его активность оказались вне предмета психологической науки [357, с. 136]. По Блонскому, «как у животных, так и у человека высшие умственные акты сводятся к условным рефлексам» [50, с. 76]. В других работах Блонский говорит о преимущественной определяемости поведения внутренними

108

причинами, лежащими в самом организме, но понимает под ними прежде всего состояние организма [49, с. 23].

Следует отметить критику Блонским взглядов на чувственные впечатления как исходные элементы психической жизни. Дифференциация отдельных ощущений является результатом деятельности ощущающего субъекта, а не ее исходной точкой [49, с. 56]. Исключительно ценным является теоретико-экспериментальное исследование роли чувственных образов — представлений в психической жизни, предпринятое Блонским в работе «Память и мышление» [51, 2, с. 118—365].

Проблемы активности всегда были в центре внимания в работах М. Я. Басова. Сначала он сформулировал их в традициях субъективистской психологии, а затем попытался переосмыслить с позиции диалектического материализма [262, с. 6—7]. Говоря о поведении как предмете психологии, он особо подчеркивает значение внутренних компонентов поведения. «Самый глубокий слой стимуляции лежит в самой личности» [40, с. 356]. Он рассматривает человека прежде всего как активного деятеля в среде и «ударение в этой формуле должно быть сделано на активности деятельности» [357, с. 159]. Внешний стимул, по Басову, выступает лишь в роли толчка, повода для начала той или иной деятельности. Представляет интерес введенное им различие стимула «в себе» и стимула «для человека». Деятельность человека и обеспечивает переход первого во второе, процесс поведения детерминируется объективным содержанием стимула, но это содержание раскрывается постепенно в ходе самой деятельности [357, с. 162].

Учение о человеке как активном деятеле в определенной мере было распространено Басовым и на познавательные процессы. В чувственном отражении он выделяет обычное восприятие и его наиболее активную форму — наблюдение. При этом между ними нельзя провести резкую границу, так что во всяком восприятии есть определенная активная составляющая, есть немного от наблюдения [40, с. 354]. Особенность наблюдения заключается в том, что оно ведется по заранее выработанному плану в соответствии с сознательно поставленной целью, т. е. имеет форму подлинной деятельности. Однако в целом вклад Басова в изучение познавательных процессов был ограничен его непоследовательностью в понимании сознания. По мнению В. С. Мерлина, он был далек от диалектико-материалистического решения проблемы сознания и даже считал нежелательным использование самого термина «сознание», заменяя его термином «сознательность», которую истолковывает как форму отношения человека к некоторому объекту [262, с. 9—10]. В результате человек, будучи активным деятелем, все-таки выступает

скорее как организм, внешним образом соотнесенный с окружающей средой, нежели как общественный человек [304, с. 171].

Значительный вклад в освоение проблематики сознания советской психологией внес. Л. С. Выготский. В одной из первых работ

109

он отмечает, что «исключение сознания из сферы научной психологии» сохраняет «в значительной мере весь дуализм и спиритуализм прежней субъективной психологии» [90, 1, с. 80], а с другой стороны, по этой же причине «стирается всякая принципиальная грань между поведением животного и поведением человека» [90, 1, с. 80]. Но само по себе указание на необходимость включения сознания в предмет психологии еще не обеспечивало преодоления натуралистических установок, ибо Выготский в работах этого периода трактовал сознание как некий рефлекс второго порядка (рефлекс рефлексов [90, 1, с. 58]). Более высокий уровень активности сознания объясняется его направленностью на взаимную координацию и соотнесение различных систем рефлексов [90, 1, с. 89]. Но здесь уже заложена характеристика функций сознания как не прямых, а имеющих опосредованное строение. Эти идеи получили оформление в культурно-исторической теории развития высших психических функций и в понимании их как изначально опосредованных орудиями (внешними и внутренними средствами) и общением с другими людьми.

Отличительной чертой активного поведения является, по Выготскому, создание и использование искусственных стимулов (знаков), с помощью которых человек овладевает своим собственным поведением [90, 3, с. 120]. В противоположность этому поведение, подчиняющееся стимулам-сигналам, отражающим природные связи явления, носит пассивный характер. Аналогичные стимулы-средства используются в познавательной деятельности для управления, например, памятью и вниманием. «Сама сущность человеческой памяти, — отмечает Выготский, — состоит в том, что человек активно запоминает с помощью знаков» [89, с. 120]. В контексте обсуждаемых нами проблем особый интерес представляет разработанная Выготским теория участия эйдетического образа памяти в зрительном восприятии [90, 2, с. 363—381; 88, с. 180—196]. Эта теория является частным случаем реализации общего принципа, согласно которому развитие любой психической функции заключается прежде всего в изменении ее связей с другими функциями. Системность строения высших психических функций обеспечивается тем, что одни функции используются в роли средства для повышения эффективности работы других функций и управления ими. Из системного строения Выготский выводит такие характеристики этих функций, как произвольность и осознанность. В свою очередь все характеристики высших функций являются, по мнению Выготского, производными от характеристик активной преобразующей деятельности, опосредованной орудиями и общением с другими людьми, т. е. труда [283, с. 3].

Творческий и целенаправленный характер трудовой деятельности определяет центральное положение мышления в системе психических функций, его доминирование над восприятием. «Вся система отношений функций друг с другом определяется в основном господствующей на данной ступени развития формой мышления» [90, 2, с. 415]. «Центральным для всей структуры сознания

110

и для всей деятельности психических функций является развитие мышления» [90, 2, с. 415]. Эйдетический образ-представление, на ключевую роль которого в восприятии указывает Выготский, также одновременно является и материалом мышления [90, 3, с. 263]. Однако Выготский не успел развернуть основные принципы своей теории применительно к чувственному познанию. Последние годы его жизни были посвящены разработке проблем мышления и речи. Очевидно, поэтому участие различных функций в построении психического образа не стало предметом специального анализа в работах Выготского, и им не была выявлена и описана система специфических средств познавательной деятельности, хотя такая задача была сформулирована. Причина этого, возможно, связана с тем, что проблема знака с его условным, конвенциональным по своей природе отношением к действительности частично заслонила для Выготского проблему образного отражения, необходимо включающего в себя элемент копирования, уподобления познавательных средств отражаемой объективной реальности. В результате им не была сформулирована проблема соотношения различных способов отражения действительности. Частично это отмечалось критиками его концепции, когда они указывали на разрыв между натуральными психическими функциями и высшими.

Большой вклад в преодоление механистических (реактивных и адаптивных) моделей психического, господствовавших в советской психологии в первые годы после революции, внесли также работы С. Л. Рубинштейна. Еще в 1922 г. он выступил с критикой позитивизма [61] и в дальнейшем последовательно защищал точку зрения, что отказ от сознания приводит не к преодолению идеализма, а к некоему синтезу идеализма с механицизмом [343, с. 22]. «Нужно не соединять концепцию сознания интроспективной психологии с поведенческой концепцией деятельности человека и т. д., а преодолеть эти концепции, преобразовав понимание как сознания, так и человеческой деятельности» [343, с. 24]. Деятельность должна пониматься не как делание, некоторая операция субъекта над объектом, а как «переход субъекта в объект» и обратно [343, с. 25]. Рубинштейном был сформулирован один из основополагающих принципов советской психологии, утверждающий единство сознания и деятельности. Их единство и взаимосвязь открывают «возможность как бы просвечивать сознание человека через анализ его деятельности, в которой сознание формируется и раскрывается» [343, с. 30]. Рубинштейн обращает внимание на положение Маркса об общественно-исторической природе органов чувств

человека и о включенности в их работу результатов теоретической деятельности [343, с. 34—35].

В фундаментальном труде «Основы общей психологии» Рубинштейн дает развернутое изложение новых представлений о познавательных функциях как особых формах деятельности, включающих в себя и деятельность теоретическую. Даже ощущение — это и очень элементарное явление (как начальное звено сенсомоторной

111

реакции), и очень высокая «теоретическая деятельность, которая может включать относительно высокие степени абстракции и обобщения, возникшие на основе воздействия общественного человека на объективную действительность. В этом его аспекте оно выделяется на основе восприятия и предполагает мышление. Как в одном, так и в другом случае ощущение — это не только чувственный образ..., но также деятельность, или компонент ее» [341, с. 152]. Подчеркивание связи ощущения с процессом «воздействия общественного человека на объективную действительность» прямо указывает на его активную природу. «Воспринимая, человек не только видит, но и смотрит, не только слышит, но и слушает, а иногда он не только смотрит, но и рассматривает или всматривается, не только слушает, но и прислушивается или вслушивается; он часто активно выбирает установку, которая обеспечивает адекватное восприятие предмета; воспринимая, он таким образом производит определенную деятельность, направленную на то, чтобы привести образ восприятия в соответствие с предметом» [341, с. 199]. Очевидна и активная природа мышления как познавательной теоретической деятельности [341, с. 285].

Рубинштейн обращает также внимание на роль движений в возникновении образов. Вместе с тем он ограничивает трактовку психической деятельности как деятельности мозга, а не человека в целом, т. е. отказывает ей в статусе подлинной деятельности [341, с. 149; 342, с. 174]. «Точка зрения, согласно которой психическая деятельность как таковая, как «производство» представлений, воспоминаний — вообще психических образований якобы является деятельностью человека как субъекта (а не только его мозга) связана с прочно укоренившимися в психологии интроспекционистскими воззрениями» [342, с. 257]. Это положение вызывает недоумение, во-первых, потому, что в «производстве» психических образов участвует не только центральная нервная система (мозг), но и ее периферические отделы и рецепторный и мышечный аппарат. Здесь уместно вспомнить остроумное замечание К. Ламонта, что если говорить об органе мышления, то «мы должны будем признать, что думает некоторым образом все тело... точно так же, как весь человек ходит» [209, с. 86]. Во-вторых, деятельность мозга есть прямой предмет физиологии, в частности, ее раздела, изучающего высшую нервную деятельность. И, в-третьих, понимание психической деятельности человека как чисто природного явления [342, с. 259] противоречит многочисленным формулировкам самого Рубинштейна об общественно-исторической природе человеческой психики.

М. Г. Ярошевский отмечает, что с момента появления термина «психическая деятельность» в советской науке «под ним подразумевалась деятельность не только в смысле функции мозга, но и в качестве совокупности реальных действий, производимых человеком в процессе общения с окружающей средой» [445, с. 5].

Точку зрения Рубинштейна разделяет и А. В. Брушлинский [62, с. 76—80; 63, с. 21]. Можно согласиться с редакцией журнала

112

«Вопросы психологии», сделавшей примечание о дискуссионном характере положений о психической деятельности как деятельности органа [63, с. 21]. Промежуточную позицию занимает К. А. Абульханова-Славская. С одной стороны она считает, что «индивид выступает как субъект психической деятельности, которую нельзя лишить статуса объективности на том основании, что это не всеобщая, а индивидуальная форма человеческой субъективности» [6, с. 261], но с другой стороны, согласно точке зрения Абульхановой-Славской, психическую деятельность нельзя назвать предметной [6, с. 266]. Тем не менее в работах большинства советских психологов психическая деятельность трактуется именно как деятельность целостного субъекта, а не как деятельность одного из его органов (см. с. 118—124). Все же необходимо отметить огромный вклад, который внес Рубинштейн в разработку положений о том, что психические процессы формируются в деятельности человека, играют активную роль в ее регуляции и сами на определенных ступенях развития приобретают форму деятельности. Некоторые другие очень важные идеи Рубинштейна о природе психического образа мы частично упоминали во введении и будем обсуждать в последующих главах.

Проблема активности психического отражения занимала центральное место в работах крупного советского психолога Д. Н. Узнадзе, основателя оригинальной школы психологии в Грузии. Основная идея Узнадзе заключается в том, что любой акт поведения или познания опосредован целостным отражением окружающей действительности субъектом деятельности (это отражение и есть установка), так что поведение и вся психическая деятельность «представляют собой явления вторичного происхождения» [403, с. 100]. Любому акту предшествует установка как целостная направленность на какую-либо активность [404, с. 150], как фактор временной преддетерминации индивида [324, с. 14]. Таким образом установка как целостное состояние субъекта [404, с. 150] выражает собой прежде всего те формы детерминации деятельности, которые «идут от субъекта», и тем самым служит активным началом всякой деятельности, если под активностью понимать совокупность обусловленных субъектом моментов движения деятельности [306, с. 6]. В теоретическом плане возникает сложная и весьма широко дискутируемая проблема — что является первичным: деятельность или установка? [29]. Единственно правильный ответ на этот вопрос дан, с нашей точки зрения, А. В. Запорожцем и В. П. Зинченко [148, с. 344; 156, с. 133], которые считают недопустимым смешение генетического и

функционального планов анализа этой проблемы. В той же мере, в какой очевидна первичность установки в плане функционирования, неизбежно выступает ее вторичность, зависимость от деятельности в генетическом аспекте, в плане развития.

Ориентация на изучение динамического начала психической активности индивида [324, с. 16] привела Узнадзе и его последователей к открытию богатого эмпирического материала, подтверждающего

113

чрезвычайно важную роль моментов активности субъекта, в том числе и в познавательной деятельности, позволила дать определенную классификацию этих форм активности и осмыслить их теоретически.

Исключительное значение в контексте нашего анализа познавательной активности имеет проведенное Узнадзе исследование соотношения ощущений и образа восприятия в рамках изучения чувственного содержания сознания. Приведем описание результатов этого исследования [404, с. 34—36].

Испытуемому предлагалось опознать на ощупь 6 различных предметов, форма которых иногда была существенно изменена по сравнению с привычной. С самого начала испытуемые пытаются получить как можно более богатые и разносторонние чувственные впечатления, полагая, что чем более их будет, тем более благоприятны будут возможности опознания предмета. «Однако насколько обосновано подобное убеждение...?» Обнаружилось, что чувственные впечатления до акта опознания и после него качественно чрезвычайно различны. Сначала испытуемые переживают тяжесть, холод, твердость, но эти ощущения кажутся зыбкими, лишенными сущности феноменами, и испытуемые чувствуют себя при этом «столь беспочвенно» и «неловко», что иногда сами же говорят: «Как будто у меня и нет уже сознания» или «Собственное сознание мне кажется чуждым». И далее: «Такова ступень еще не завершенных переживаний развития содержания сознания. Они пока что явно представляют собой субъективные состояния и для завершенности, для приобретения прочности и определенности конкретного переживания должны выйти за рамки субъективности и на основе определенного объекта и в виде его признаков — обрести свою индивидуальную сущность. Именно эта лабильность, неопределенность и безликость должны, по нашему мнению, наиболее характеризовать так называемые ощущения — эту предшествующую настоящему восприятию ступень, где они и обретают свою определенность и конкретную индивидуальность. Стоит испытуемому опознать экспонируемый объект, хотя бы и неверно, что в данном случае не имеет значения, как чувственное содержание его сознания значительно видоизменяется, приобретая конкретность и превращаясь в определенное законченное переживание ... в виде конкретных признаков предмета, за который испытуемый принимает экспонируемый в опытах объект.

Отсюда ясно, что чувственное содержание сознания не предопределено раздражителем раз и навсегда... по данным наших испытуемых одно и то же

содержание ощущения проявляется для них то в одном, то в другом виде. Причем в особенности примечательно здесь то, что, в зависимости от вида предполагаемого испытуемым предмета, одно и то же ощущение переживается им в различных, а иногда даже противоположных качествах. Таким образом, обычное мнение, будто содержание ощущений твердо обусловлено раздражителем — не оправдывается... Конечно, не содержание ощущений определяет значение предъявленного объекта,

114

но, напротив, значение предъявленного объекта придает ясное и определенное содержание самим ощущениям». «Как мала зависимость акта узнавания от чувственного содержания, особенно наглядно вытекает из того факта, что особенно редко она наблюдалась именно в случаях безусловного и уверенного узнавания объекта. В случаях же избытка чувственного содержания опознание объекта либо совсем не удавалось, либо же, если и удавалось, то только в качестве поставленного под сомнение соображения».

Если в условиях описанных экспериментов у испытуемого забирали объект до опознания, а затем после взятия отчета объект возвращался, то испытуемый полагал, что ему дали новый объект. Это роковой для критикуемого здесь взгляда факт. Если чувственные впечатления на стадии, предшествующей опознанию объекта (т. е. до выявления его значения), не могут вызвать в памяти самих себя, то как же они могут оживить следы чувственных впечатлений других модальностей и слепить из них полимодальный значащий образ?

Результаты исследования убедительно свидетельствуют о важнейшей конструктивной роли установки. Согласно Узнадзе, «воздействие на субъект каким-нибудь объектом порождает у него три различных переживания: чувственное содержание, качество формы и особую установку, состояние сознания или сознание значения объекта. Каждое из них поначалу зарождается непосредственно и совершенно независимо друг от друга, они не вытекают друг из друга» [404, с. 47]. Но именно установка подчиняет себе течение других процессов и обеспечивает нахождение «окончательного значения» объекта, придает восприятию предметный характер [280, с. 82]. Однако Узнадзе не дает ответа на вопрос, каков же источник установки, если она возникает непосредственно под воздействием объекта, а не на основе чувственных впечатлений. Мы попытаемся дать свой вариант ответа на этот вопрос при обсуждении проблемы «образа мира». К сожалению, экспериментальные исследования по психологии установки касались в основном вторичной, фиксированной установки, в то время как именно первичная установка связана с основной структурой поведения, его каркасом, по выражению Ш. Н. Чхартишвили [424, с. 24—26]. Акцент на фиксированной установке приводит, как отмечает А. Г. Асмолов, к разрывам в поведении и невозможности изучения в качестве некоторой целостности и поведения и отражения субъектом объективной реальности [29, с. 48—52].

Ф. В. Бассин считает, что эвристические возможности понятия «установка» были бы богаче, если не сужать ее до исключительно

неосознаваемых явлений, а понимать под ней любое состояние, обусловленное «организацией предшествующего опыта и приводящее к регулированию последующего поведения» [39, с. 229].

Все это создает определенные проблемы в понимании познавательной активности субъекта. Фиксированная установка олицетворяет собой скорее консервативный момент в нашем поведении и в способах отражения реальности. Активное познавательное отношение

115

субъекта к миру связывается Д. Н. Узнадзе с феноменом «объективации», которая возникает при появлении препятствий в ходе выполнения деятельности. На уровне восприятия, согласно Ш. А. Надирашвили, процесс объективации приводит к возникновению наблюдения как результата превращения чувственного отражения в самостоятельную основную деятельность [275, с. 94]. В промежутках между актами объективации поведение носит импульсивный характер и не требует опоры на целостное объективное отражение ситуации. Получается, что сама познавательная активность тоже реактивна и возникает в ответ на чисто внешние события, препятствующие достижению некоторой практической цели. Появляющиеся сложности в понимании соотношения установок теоретического и практического поведения показаны в работе Асмолова [29].

В заключение отметим указания на роль воображения как одного из механизмов, реализующих активные установки субъекта в ходе восприятия [278; 185]. Р. Г. Натадзе отмечает, что в неблагоприятных условиях восприятия или дефиците времени воображение может восполнять пробелы сенсорной данности, иногда даже искажать образ восприятия вплоть до иллюзии [278, с. 6—7]. Весьма интересное исследование роли направленной визуализации образов на восприятие в условиях подпороговой интенсивности предъявляемого изображения было проведено И. А. Тоидзе. В контексте изучения первичной установки она получила убедительные доказательства прямого вклада предварительной визуализации образа в процессе восприятия соответствующего реального объекта [393].

Самостоятельную линию весьма плодотворной разработки проблем познавательной активности субъекта составляют труды Б. Г. Ананьева и его учеников. Еще в 30-е гг. им было проведено исследование роли моторной активности в генезисе чувствительности; единства ощущения с мышлением и практической деятельностью человека; влияния мотивации и психофизических состояний человека на динамику сенсорной функции. Пытаясь выяснить форму взаимообусловленности двигательной и сенсорной функции на самых ранних генетических ступенях, Ананьев в опытах с эмбрионами кроликов показал, что движения возникают ранее всего в ответ на сенсорные раздражения как экстероцептивные, так и интероцептивные. Отсюда делается вывод о том, что рецепция является условием движения [357, с. 190]. Однако возникшее движение затем выполняет функцию дифференциации и объединения ощущений. Значительную роль здесь играют вторичные ощущения, возникающие от самих движений. Поэтому

дальнейшие исследования Ананьева были посвящены роли практической деятельности в развитии чувствительности, например, зависимости развития звуковысотного слуха у музыкантов от типа используемого ими инструмента.

Разрабатывая вопрос о единстве ощущения и мышления, Ананьев выходит на традиционную проблему опосредующей роли

116

представлений, продуцируемых субъектом на основе прошлого опыта в построении образа актуального окружения. Он, в частности, показал важную роль этого образа в обеспечении направленных активных движений руки при осязательном восприятии объектов. С помощью представлений осуществляется и перевод осязательных восприятий на язык зрения «то, что сенсорно дано как последовательность тактильных и кинестетических восприятий, должно превратиться в целостный образ деятельности воображения и мышления» (цит. по: [357, с. 190]). Именно образы представления играют важную роль и в развитии чувствительности в ходе практической деятельности, т. е. они выполняют не только синтезирующую, но и дифференцирующую функцию. Это было показано в экспериментах с вкусовой и обонятельной чувствительностью. Позже проблему роли опосредующих представлений в восприятии Ананьев прямо вписывает в контекст традиционных исследований апперцепции: «Не только в отношении визуальных, но и любых других показаний органов чувств установлено, что перцепция (восприятие) всегда так или иначе связана с апперцепцией, материалистическое понимание которой сводится к пониманию обратного влияния второй сигнальной системы на первую» [8, с. 49]. Идеалистическое решение проблемы апперцепции, по мнению Ананьева, проистекает из неправильного понимания представлений как отражающих лишь наши ощущения, что приводит к игнорированию предметного содержания представлений [8, с. 254—255].

В других исследованиях Ананьев уделил особое внимание роли движущегося объекта, «который раньше и первичнее становится источником сенсорного развития и перестройки сенсорных функций, нежели, например, хватательное движение субъекта» [8, с. 233]. Но движущаяся вещь вычленяется из аморфного фона только в случае прерывистого, толчкообразного, «взрывного» характера движения — непрерывное движение приводит ребенка к состоянию заторможенности. Казалось бы, такая характеристика восприятия подчеркивает в нем пассивное, вернее, реактивное начало. Однако Ананьев видит здесь как бы переливание, переход активности толчкообразно движущегося объекта в активность самого субъекта восприятия: движущаяся вещь сама становится стимулом движения для субъекта [8, с. 233]. Именно двигательная активность субъекта в ответ на то, что Ананьев называет вслед за Н. Н. Ланге «толчком в сознании», или первичной сенсорной реакцией [8, с. 111], превращает «неопредмеченное несоотнесенное переживание «нечто» в образ восприятия. Поэтому движения внешних объектов играют определяющую роль лишь в

«первоначальном образовании восприятия» [8, с. 235]. Исследования пассивного осязания и активного гаптического восприятия, проведенные Ананьевым и его сотрудниками, показали, что при внешнем перемещении объектов относительно воспринимающей неподвижной руки целостного образа предмета не возникает [12]. Внешние движения не могут заменить активные движения воспринимающих органов потому, что вторые строятся и изменяются в зависимости от той

117

функции, которую они выполняют на разных стадиях восприятия. Вначале наблюдаются малоамплитудные движения, прерывающиеся в точках перегиба, изменения кривизны контура — это стадия предварительной ориентировки. Затем наступают размашистые «обзорные» движения, охватывающие весь предмет и уподобляющиеся своим маршрутом форме объекта. Наиболее отчетливо выступает решающая роль «встречного» образа представления в синтезировании сукцессивно поступающих чувственных впечатлений при «биногаптическом» осязании, поскольку не только образы, воспринимаемые левой и правой рукой, обычно не бывают симметричными, но и сам состав движений и их функции для левой и правой руки различны, что существенно отличает «биногаптическое» осязание от бинокулярного зрения [8, с. 207].

Особой заслугой Б. Г. Ананьева является постоянное и настоятельное подчеркивание целостной организации чувственного познания внутри себя и его тесной связи с другими структурами личности. «Как ни парадоксально на первый взгляд, но единство чувственного познания, целостность его структуры, взаимосвязь между ее частями до сих пор еще недостаточно поняты, хотя именно чувственное познание составляет источник и основу рационального познания, в единой структуре которого нет никакого сомнения» [9, с. 72]. Очень актуальны замечания Ананьева о том, что именно несистемный, нецелостный характер представлений об организации сенсорной сферы человека приводит к широкому распространению неверного понимания «чувственного источника как инертной однократно действующей силы» [8, с. 14]. На нас действуют не отдельные импульсы, толчки, порождающие изолированные ощущения, но имеет место непрерывное, постоянное переливание, «превращение энергии, воздействующей на человека материи, в факт сознания. Это превращение осуществляется бесконечной массой ощущений» [8, с. 13].

Такая целостность достигается за счет интермодальной организации чувственного отражения, что в свою очередь обеспечивает активный характер этого отражения, начиная с самых элементарных сенсорных процессов. Иначе говоря, всякое чувственное впечатление приобретает характер ощущения, лишь находя свое место в целостной интермодальной организации чувственного опыта, которая в свою очередь может существовать, лишь находясь в тесной взаимосвязи с другими структурами личности [11, с. 8]. Поэтому целостность образа восприятия состоит, по Ананьеву, не только в том, что он отражает единство структурных элементов

и разнообразных свойств объекта, но и в том, что он отражает целостность субъекта и взаимосвязь в нем различных свойств [11, с. 19].

Говоря о восприятии и мышлении, Ананьев очень редко употребляет термин «деятельность», предпочитая говорить о процессах и функциях. Это же относится и к психике в целом. Рассматривая познавательную деятельность, он имеет в виду прежде всего научную и художественную деятельность, а не собственно психические познавательные процессы [см., напр.: 10, 1, с. 165—166].

118

Несколько чаще Ананьев упоминал о перцептивных или умственных действиях [10, 1, с. 108; 10, 2, с. 24, 29 и др.]. В то же время подчеркивание им тесной связи познавательных процессов с основными структурами личности, указание на наличие потребности «в видении, слышании и других видах чувственной деятельности» (курсив мой. — С. С.) [11, с. 19], специфической мотивации восприятия и мышления [11, с. 21] свидетельствует о том, что Ананьев выделял в познавательных процессах практически все атрибуты, свойственные самостоятельной деятельности.

Наиболее значительный вклад в раскрытие существа активности психического отражения был внесен общепсихологической теорией деятельности, оформленной в трудах А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, А. В. Запорожца, П. И. Зинченко, П. Я. Гальперина и др. В работах психологов Харьковской школы стало складываться понимание психических процессов «не как так называемых функций, а как особого рода внутренних действий» [152, с. 21] — сенсорных, перцептивных, мнемических, интеллектуальных. «Нужно понять само сознание как деятельность», — отмечает А. Н. Леонтьев в середине 30-х гг. [цит. по: 219, с. 13]. Указание на понимание психики как особой формы деятельности — продукт развития материальной жизни, внешней материальной деятельности, можно найти во многих работах исследователей, разрабатывающих деятельностный подход [226, с. 362; 245, с. 381; 163, с. 132; 94, с. 28; 357, с. 234; 153, с. 221; 150, с. 123; 381, с. 250; 290, с. 7; 125, с. 39; 389, с. 80; 216, с. 11; 95, с. 88; 115, с. 13 и др.]. При этом принципиально важно подчеркнуть, что психическая деятельность понимается здесь не только как деятельность мозга, на чем настаивал С. Л. Рубинштейн, а как подлинно предметная деятельность субъекта. «Хотя деятельность восприятия есть деятельность особая в том смысле, что в своих развитых формах она непосредственно не связана с практическим воздействием человека на предмет и имеет в качестве своего продукта субъективный образ предмета (т. е. продукт идеальный), она все же является подлинно предметной деятельностью, подчиняющейся своему предмету, как воплотившему в себе целокупность человеческой общественной практики» [223, с. 36; см. также 224, с. 12]. Это касается и других форм познавательной деятельности, в частности, мышления: «Даже само понятие деятельности, введенное в психологию мышления, трактуется психологами-позитивистами в смысле, весьма далеком от того, который вкладывается Марксом в понятие предметной человеческой деятельности. В большинстве зарубежных

исследований деятельность мышления выступает со стороны ее адаптивной функции, а не как одна из форм присвоения человеком действительности и ее изменения» [223, с. 45].

В рамках так называемого деятельностного подхода получили дальнейшее развитие идеи Л. С. Выготского об активном управлении

119

человеком своим поведением и психическими процессами на основе инструментального использования общественно выработанных средств и способов, которые не изобретаются, а усваиваются человеком в ходе стихийного или организованного обучения. Развитие этих идей шло в двух направлениях. Во-первых, был сделан акцент на роли материальной, предметной деятельности как основного канала, через который идет присвоение человеком общественно-исторического опыта. Особенно велико его значение на доречевой стадии развития ребенка и на протяжении дошкольного возраста. Во-вторых, в связи с тем, что переход от непосредственных психических процессов к сложноопосредованным становится генеральной линией развития специфически человеческой психики, она сама приобретает характер деятельности (или системы действий), имеющей ту же структуру, что и деятельность внешняя, материальная. Именно появление в системе психических процессов элементов, выполняющих роль средства, предполагает необходимость и возможность их отделения от целей, которые должны быть достигнуты с помощью тех или иных средств.

Экспериментальная разработка этих идей была начата на материале наглядно-действенного мышления, где связь между внешними материальными действиями и действиями умственными прослеживается наиболее отчетливо (исследования В. И. Ленина, Л. И. Божович, П. Я. Гальперина и др.). В дальнейшем развернулись исследования мнемических действий (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, П. И. Зинченко и др.); мыслительных или умственных в узком смысле этого слова (П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, Н. Ф. Талызина, Н. Н. Поддьяков и др.); действий перцептивных (А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, Л. А. Венгер и др.). С близких к теории деятельности позиций разрабатывал проблему памяти А. А. Смирнов и его сотрудники. Значение этих и некоторых других исследований для понимания сущности активности субъекта в процессе построения психического образа мы разберем в следующей главе, специально посвященной проблеме соотношения образа и деятельности. Но прежде необходимо обсудить некоторые дискуссионные вопросы и имеющиеся еще трудности в деятельностной трактовке психического отражения на уровне человека.

1) Можно ли говорить о психическом отражении как самостоятельном виде деятельности, если необходимость такого отражения вырастает из задач деятельности внешней, практической? Иначе говоря, такие деятельности «по самой своей сущности обычно требуют «включенности» в другую деятельность» [216, с. 11]. Поэтому некоторые авторы избегают терминов

перцептивная, мнемическая и т. д. деятельность, а говорят о системах перцептивных, мнемических и т. д. действий, имея в виду, что эти действия не обладают самостоятельными мотивами и лишь вплетаются в другие формы деятельности. Но здесь необходимо помнить, что, во-первых, любая из так называемых самостоятельных деятельностей в свою очередь неизбежно включена в какой-то более широкий контекст,

120

вплетена в деятельность большего масштаба. Во-вторых, любая познавательная деятельность может быть достаточно развернутой и сложносоставной, будучи подчиненной своему собственному познавательному мотиву. Отсюда следует, что у человека должна быть и собственно познавательная потребность.

Обсуждая этот вопрос, Л. И. Анцыферова отмечает: «Психические процессы всегда включены в трудовую, созидательную, практическую и теоретическую деятельность. Они подчиняются мотивам и целям этой деятельности. При всей безусловной справедливости этого положения оно совсем не означает, что у процессов восприятия и мышления нет собственной мотивации... Потребность познания выступает как фактор, мотивирующий все формы психической деятельности, начиная с процесса ощущения и кончая пониманием... Подчиняясь специфической мотивации, познавательная деятельность порождает и богатую гамму эмоций, аффектов и чувств человека» [19, с. 89—90]. По мнению Б. Г. Ананьева, у человека даже «ощущения сами становятся особым видом потребности в познании внешнего мира, приобретая самостоятельное, относительно независимое от питания и размножения значение» [8, с. 92]. Аналогичную точку зрения высказывает Р. С. Вудвортс: «Настоящий тезис в противоположность этой обычной точке зрения заключается в том, что восприятие всегда побуждается непосредственным, присущим данной ситуации мотивом, который можно назвать желанием воспринимать. Какой бы скрытый мотив ни появлялся время от времени, этот непосредственный перцептивный мотив всегда присутствует при любом функционировании органов чувств» [85, с. 132—133]. Поэтому нам представляется правомерным употребление как термина «психическая деятельность», так и термина «психическое действие». Все зависит от аспекта анализа и от степени развернутости, выраженности того или иного познавательного процесса, т. е. сложности его состава. Леонтьев считал, что один и тот же процесс, взятый со стороны его отношения к мотиву, выступает в качестве деятельности человека, а как подчиненный цели — в качестве действия и что сколько-нибудь развернутая деятельность предполагает достижение ряда конкретных целей [223, с. 104—105].

2) Вторая проблема имеет более принципиальное значение. Мы уже приводили мнение Рубинштейна, согласно которому психическая деятельность не является деятельностью в полном смысле этого слова, т. е. не является предметной деятельностью субъекта, личности, но лишь рефлекторной деятельностью мозга [341, с. 148—149; 342, с. 255—261]. Аргументы, которые привели Рубинштейна к этому выводу, близки к тем,

которые формулирует Б. Ф. Ломов, но уже не относительно любой психической деятельности, а только тех процессов, которые приводят к формированию сенсорных и перцептивных образов. Ломов считает, что аппарат, разработанный для анализа целесообразной деятельности человека, применим к изучению высших форм и уровней психического отражения, особенно сознания, чего нельзя сказать об его исходных

121

формах. «Трактовка этих форм как результатов действия вносит ненужный момент произвольности: дело представляется так, будто бы субъект воспринимает не то, что есть в действительности, а то, что ему надо. В самом деле, если принять, что первичный сенсорно-перцептивный образ есть результат целенаправленной системы специальных действий, что он строится, корректируется и приводится в соответствие с отображаемым объектом при помощи перцептивных действий, то из этого нужно сделать парадоксальный вывод: чтобы возник актуальный перцептивный образ, необходимо, чтобы он заранее уже был (в форме цели). Вопрос о формировании образа как процессе отражения здесь фактически снимается. Но сенсорный (и перцептивный) образ не является результатом нашей произвольной сознательной деятельности. Основное и главное условие его возникновения — это воздействие предметов и явлений объективной действительности на органы чувств» [241, с. 157].

Приведенная точка зрения имеет определенные основания. Однако согласно защищаемой нами позиции границу между психическими процессами, имеющими у человека деятельностьную и рефлекторную природу, нужно провести ниже — между ощущениями, имеющими выраженную рефлекторную природу, и сознательным образом восприятия, построение которого невозможно без опосредования системой общественно выработанных значений (как вербальных, так и невербальных), что требует использования специальных действий. Следует отметить, что в примечании к процитированному выше тексту Ломов не отрицает факт существования перцептивных действий, но считает, что они «являются вторичными по отношению к сенсорно-перцептивному процессу, исходному уровню психического отражения. Там, где уровень адекватности отражения достаточен для практического действия, субъект действует. Если же этот уровень недостаточен, то он предпринимает изучение ситуации. Здесь-то и появляются перцептивные действия» [241, с. 157]. Это замечание безусловно верно, но дело в том, для каких действий достаточен уровень адекватности отражения рефлекторного типа. Очевидно, что он достаточен именно для регуляции рефлекторных действий, а не действий целенаправленных. Ведь в этом случае, как справедливо отмечает вслед за И. М. Сеченовым Б. Ф. Ломов, «восприятие предметов и их свойств «навязано нашему уму извне» [241, с. 157]. Но сознательное, целенаправленное действие заведомо не может строиться на основе отражения того, что нам навязано, последнее может ориентировать и регулировать лишь навязанные же действия.

Исходя из сказанного, необходимо подчеркнуть правомерность постановки вопроса о существовании рефлексивного «додеятельностного» уровня психического отражения. Но вопрос о том, где проходит граница между этим уровнем отражения и отражением в форме действия, деятельности требует дальнейшего анализа. В этой связи представляется более оправданным понимание восприятия как активного процесса [238, с. 29].

122

В работе Ломова правильно указано на опасность понимания психической деятельности как произвольного продуцирования, конструирования психического образа, отрыва образа от реальности, которую он призван отражать. На эту опасность обращает внимание и Анцыферова, указывая одновременно пути ее преодоления. «Принимая термин «психическая деятельность», следует, однако, вспомнить предостережение С. Л. Рубинштейна о возможности его неверного истолкования... Всякая деятельность определяется обычно по своему результату, выступающему как цель деятельности. С этой точки зрения, определение деятельности как психической наводит на мысль, что целью и результатом ее является просто производство психических образований — идей, образов и т. п. В действительности психическая деятельность всегда разворачивается как решение задач, которые ставит перед человеком жизнь. Психическая деятельность мотивируется не порождением психических образований, но познанием окружающего мира, ориентацией в условиях созидательной деятельности» [19, с. 91]. Поэтому вполне правомерен широко используемый сейчас термин «построение образа» [см. напр., 53, с. 117] — образ действительно строится, но не произвольно, а за счет подчинения процессов уподобления характеристикам внешнего объекта. Достижение соответствия между образом и объектом и есть цель познавательной (в том числе, сенсорно-перцептивной) деятельности. Но построение адекватного образа предмета необходимо должно включать и его значение, которое невыводимо прямо из чувственных впечатлений, имеющих рефлексивную природу, а требует активного применения общественно выработанных эталонов.

3) Если психическая деятельность или система психических действий есть дериват (производное) деятельности внешней, практической, то откуда берутся исходные формы психики у ребенка, еще не освоившего никакой человеческой деятельности; кроме того, и для освоения исходных форм деятельности необходимо психическое отражение. Правомерность этих вопросов хорошо аргументирована в работе Н. А. Менчинской [260]. Рубинштейн также постоянно подчеркивал, что психика не порождается, а формируется в деятельности. Но, для того чтобы дать правильный ответ на эти вопросы, следует уточнить, о какой психике идет речь. Человеческая психика, сознание, действительно, зарождается и развивается в ходе овладения ребенком предметной деятельностью через посредство взрослого, на основе общения и совместно разделенной деятельности с ним. Но от рождения человек, безусловно, наделен способностью к психическому

отражению натурального типа, которое совершенствуется в ходе взаимодействия ребенка с окружающим миром. Общеизвестным является факт, что у ребенка в отличие от детенышей животных развитие сенсорики опережает развитие моторики [149, с. 37]. Это необходимо для освоения культурных способов действия, заменяющих ребенку врожденные формы поведения, широко представленные у животных. Безусловно прав Р. С. Вудвортс, отмечающий, что, «начиная

123

уже с первой пробы, в организме присутствует нечто такое, что может быть подкреплено и оно принадлежит к рецептивной, а не эфферентной части общего поведения» [85, с. 131]. Однако способность иметь те или иные чувственные впечатления получает оформление в качестве сигналов, элементов отражения объективной реальности лишь благодаря активным движениям, действиям (в широком смысле), которые обеспечивают объективированность модифицируемых, а часто и порождаемых ими чувственных впечатлений. Объективная подчиненность этих активно-свободных (в терминологии В. В. Давыдова) движений [125, с. 32] характеристикам внешних объектов обеспечивает адекватный характер отражения.

Таким образом, к положению о первичности внешних, практических форм деятельности по отношению к психической деятельности как специфически человеческой формы психики необходимо добавить первичность движения, физического действия по отношению к натуральным формам психического отражения. В. П. Зинченко обосновывает гипотезу о том, что «живое движение» является генетически исходной единицей психической реальности [162, с. 125]. Из исследований А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца можно сделать вывод, что движение является условием возникновения чувствительности, ощущения [226, гл. 1]; в свою очередь ощущение является условием дальнейшего развития, движения, трансформации его из произвольного в произвольное [148, с. 67]. Следует напомнить и рассмотренные ранее положения А. Валлона о первичности движений по отношению к ощущению [69, с. 134, 136 и др.]. При этом движение выступает в качестве самой формы отражения действительности [69, с. 149]. Роль движений как исходной формы отражения подчеркивал и А. А. Ухтомский, который ввел понятие отраженного действия и указал на заложенное еще Декартом понимание рефлекса как отраженного движения [412, с. 253—259].

Однако первичность живого движения по отношению к элементарным натуральным формам психического, как и первичность предметных, предметно-орудийных, совместно разделенных действий ребенка (или ребенка со взрослым) по отношению к психическим действиям, не является абсолютной. Во-первых, она отчетливо выражена лишь в генетическом плане, а в плане функционирования «психический проект действия» предшествует его реализации. Во-вторых, под первичностью понимается ведущая роль движений и действий в развитии психики. Проблема

первичности действительно напомнила бы проблему курицы и яйца, если бы вопрос ставился лишь в плане хронологии (хотя и тут есть свидетельства о хронологической первичности движений). Но речь идет о том, какой из двух взаимообусловленных процессов является ведущим, делает основной вклад в развитие системы в целом; где происходят разрывы и скачки в развитии, что служит «воротами для вхождения нового». Любой психолог-марксист укажет на движения и действия, осуществляющие реальный и часто прямой

124

контакт субъекта (в широком смысле этого слова) с объектом, внешней действительностью, копирующие эту действительность, воспроизводящие ее в своих структурах. «Осуществленная деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание» [223, с. 129].

Необходимо сделать еще одно замечание, чтобы избежать тех тупиковых ходов мысли, на опасность которых указывает, в частности, Н. А. Менчинская [260]. Очевидная на ранних генетических ступенях связь между внешним, материальным действием и действием психическим становится все более не прямой и сложно-опосредованной на более высоких ступенях развития психики. «Для многих изученных к настоящему времени действий мы не можем отыскать такие формы внешней деятельности, которые могли бы служить аналогом первых» [162, с. 101]. Это связано с тем, справедливо указывает В. П. Зинченко, что различие внешней и внутренней деятельности не абсолютно, как и различие субъективного и объективного [162, с. 100]. Более глубокое отражение объективной действительности, повышение объективности и адекватности психического отражения может быть достигнуто, например, за счет внутренней мыслительной деятельности без непосредственного контакта с действительностью. Специфические умственные действия, выросшие из действий материальных (к тому же не обязательно выполнявшихся данным индивидом), могут обеспечить извлечение новых знаний, которые в скрытой форме содержатся в ранее усвоенных системах знаний и требуют лишь своей экспликации. «Основу познавательных процессов составляет не индивидуальная практика субъекта, а «совокупность человеческой практики» [223, с. 65].

Подводя итог сказанному, можно привести положение Л. И. Анцыферовой о том, что «психическое, являющееся ориентирующей, исследующей, регулирующей частью созидательной или приспособительной деятельности, само выступает как особая познавательная деятельность и представляет собой специфические акты человека, имеющие всегда личностную характеристику» [19, с. 90]. Здесь справедливо подчеркивается факт специфичности для человека психики в форме деятельности, а также личностный характер этой деятельности в противоположность ее трактовки в качестве только деятельности мозга. Это положение выражает основной теоретический итог разработки проблемы активности психического отражения в советской психологии в целом и прежде всего в работах, развивающих общепсихологическую теорию деятельности.

Аспект активности в таком понимании психического (и прежде всего познавательных процессов) проявляется в двух планах. Психическое отражение, во-первых, выступает не в качестве созерцания, регистрации внешних воздействий на субъекта, а имеет действенную природу, основывается на процессах деятельности, активного воздействия субъекта на внешний мир. «Существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления, — отмечает

125

Ф. Энгельс, — является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая» [1, 20, с. 545]. Выражением действенной природы психического отражения является наличие двигательных компонентов в составе психических процессов, осуществляющих прямой контакт с действительностью. Во-вторых, если психическое отражение является деятельностью и категория деятельности берется «во всей ее полноте, в ее важнейших зависимостях и детерминациях» [223, с. 82], то, как всякая деятельность, оно предполагает наличие предваряющей ее цели. Мы уже отмечали, ссылаясь, в частности, на постановку вопроса Л. И. Анцыферовой, что цель познавательной деятельности в общем виде состоит в повышении адекватности знаний, их более полном соответствии реальности. Однако конкретный выбор того, что нуждается в уточнении, зависит от целей и задач деятельности, а также требует актуализации и фиксации в той или иной форме исходного знания, подлежащего проверке и уточнению. Поэтому всякое познание начинается с акта полагания, построения некоторого исходного представления о том или ином аспекте, той или иной части объективной реальности, углубленное познание которой должно быть достигнуто в ходе деятельности. В этом «полагании» выражается активное движение навстречу миру, предваряющее в функциональном плане любое актуальное воздействие мира на субъекта. Именно наличие этого встречного процесса делает субъекта познавательной деятельности подлинно активным, а не реактивным или адаптивным существом. Субъективный характер такого полагания не означает его произвольности, оно обеспечивает включение в любой отдельный познавательный акт широкого контекста индивидуального опыта (отнюдь не сводящегося к опыту чувственного познания!) и знаний, накопленных в общественной практике человека. Предвосхищение на основе такого полагания результатов познавательной деятельности есть форма связи индивидуального познания с универсальной деятельностью общества. Именно это делает чувства в их непосредственной практике теоретиками [1, 42, с. 120].

Другие аспекты активности познания, понимаемого как деятельность, разобраны нами в первой главе. Но сейчас важно подчеркнуть, что в советской психологии в целом и в общепсихологической теории деятельности, в частности, до сих пор основное внимание уделялось одному из проявлений активности психической познавательной деятельности, а именно участию моторики в психических познавательных актах. Прежде всего это касается восприятия. В подтверждение приведем соответствующие

высказывания весьма авторитетных специалистов. А. А. Смирнов: «Анализ восприятия как деятельности вскрывает прежде всего наличие и существенное участие в нем моторных компонентов, являющихся отчетливым выражением активного характера рецепции у человека» [357, с. 231]; А. Н. Леонтьев: «В современной психологии положение о том, что восприятие представляет собой активный процесс, необходимо включающий в свой состав эфферентные звенья,

126

получило общее признание» [223, с. 57]; В. П. Зинченко и В. М. Мунипов: «Активность восприятия состоит прежде всего в участии эффлекторных компонентов, выступающих в форме движения рецепторных аппаратов и перемещений тела или его частей в пространстве» [160, с. 175]; Ю. Б. Гиппенрейтер: «В нашей литературе представление об активном характере восприятия, как правило, связывается с моторными теориями» [107, с. 225]. Перечень высказываний такого рода, в которых авторы скорее отражают сложившееся положение дел, нежели излагают свои принципиальные взгляды на сущность познавательной активности, можно было бы продолжить [77, с. 20].

Такое выведение на первый план лишь одного из аспектов активности познавательных психических образований вызвано многими причинами. Первая из них связана с чисто методическими трудностями в изучении недвижимых форм активности и, наоборот, новыми возможностями в регистрации макро- и микродвижений благодаря техническому прогрессу в этой области. Вторая причина заключается во вполне оправданной тенденции материалистически мыслящих психологов максимально полно изучить все «материализованные» и доступные объективному изучению проявления психической деятельности для успешной критики идеалистических взглядов на психику как особую нематериальную реальность. Наконец, третья причина, которая интересует нас в наибольшей степени, так как имеет самое прямое отношение к общепсихологической теории деятельности, состоит в следующем. Доминирование генетического подхода, сыгравшего исключительную роль в раскрытии конкретных механизмов формирования психических образов в деятельности человека, привело и к некоторым негативным последствиям в понимании сущности сложившегося образа и его функционирования в деятельности [288, с. 71; 359, с. 16]. Дело в том, что в генетическом плане, т. е. в плане развития, внешняя практическая деятельность, концентрирующая в себе как в фокусе сущность всякой деятельности, действительно является ведущим звеном в системе деятельности — отражение, ибо именно она придает системе разомкнутый характер, обеспечивая ее обращенность к внешнему предметному миру, который, «втягиваясь» в деятельность, модифицирует ее эффлекторные процессы, а вместе с ними и психические образы, делая их более адекватными предметному миру.

В движении от деятельности к образу на первый план выступает зависимый характер образа от деятельности, определяемость первого второй.

Доминирование такого аспекта анализа, совершенно справедливого при решении вопроса об источниках и механизмах развития психического отражения, оставило на некоторое время в тени вторичную зависимость самой деятельности (прежде всего, в ее внешней форме) от психических образований, которая наиболее полно обнаруживается в функционировании образа на стадиях инициации и регулирования деятельности. Это относится и к собственно психической деятельности, например восприятию,

127

мышлению и т. п. Попытки выявить активные компоненты психических образований через призму ставящейся во главу угла генетическим подходом зависимости их от деятельности привели к тому, что на первый план выступили двигательная активность, моторные компоненты познавательной деятельности.

Роль движений в обеспечении процессов психического отражения очень важна, но они не могут быть ни единственной, ни даже главной формой активности познающего субъекта. Во-первых, их присутствие во многих случаях не поддается выявлению даже с помощью самых тонких индикаторов, а во-вторых, сами движения могут играть какую-то роль, лишь будучи направляемыми и регулируемым некоторым предварительным образом ситуации действия.

Функциональный анализ в отличие от генетического делает акцент на зависимость деятельности от исходного афферентирующего образа и тем самым позволяет полностью раскрыть не только «страдательные», изменяющиеся под влиянием деятельности компоненты образа, но и его активность в собственном смысле слова. Одним из центральных тезисов данной работы является утверждение о том, что в современной психологии до сих пор не проделана работа по выяснению подлинного смысла принимаемого почти всеми положения об активном характере психического познавательного образа. Это значит, что принцип активности не реализован полностью применительно к познавательной деятельности. Часто он просто декларируется, подменяясь на деле принципом реактивности, рефлекторности. Разумеется, принцип рефлекторности играет определенную роль в познавательной деятельности, но он выступает как подчиненный принципу активности, снимается им. В противном случае мы не можем говорить о познавательных психических процессах как о деятельности в собственном смысле слова.

128

Глава III

ОБРАЗ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Развитие представлений об активности психического отражения, подробно рассмотренное во второй главе, привело к выдвиганию в качестве центральной проблемы соотношение образа и деятельности. Психические процессы не только направляют и регулируют деятельность, но, «формируясь вначале внутри внешней практической деятельности субъекта, на определенной степени своего развития сами становятся

самостоятельными формами психической деятельности» [164, с. 9]. Но если психические процессы можно понять как специфические формы деятельности (по крайней мере на определенных ступенях их развития), то можно ли и образ свести к деятельности или к ее стороне, например, к продукту деятельности? Проблема образ — деятельность составляет верхний «этаж» такого ряда проблем, как отражение — взаимодействие, психический образ — поведение, сознательный образ — деятельность. Следовательно, общеметодологическим фундаментом ее решения являются, с одной стороны, изложенные в первой главе результаты философских разработок понятия «отражение» и его соотношения с понятием «взаимодействие», а с другой стороны, анализ самого понятия «деятельность», включая познавательную деятельность общественного человека как высшую форму отражения. Поэтому, прежде чем рассмотреть проблему образ — деятельность в конкретно-психологическом аспекте с опорой на эмпирические и экспериментальные данные, кратко сформулируем те выводы, которые можно сделать из представленных в первой главе философско-методологических положений применительно к анализу и оценке собственно психологических теорий познавательной активности, изложенных во второй главе.

Анализ понятий «отражение» и «взаимодействие» показал, что в диалектико-материалистической философии прочно утвердились представления об отражении как особом свойстве материи, принципиально несводимом к взаимодействию или к его результатам¹. Но если на уровне неживой природы разведение этих понятий хотя и намечено, но не завершено, то отражение в биологических

129

системах, что убедительно показал П. К. Анохин, всегда носит опережающий характер [215, с. 109—139], т. е. предшествует в функциональном плане взаимодействию с отражаемым объектом. Опережение — универсальное свойство живого, отмечает Ф. И. Георгиев [101, с. 69]. Это положение является методологическим основанием для критики подробно изложенных во второй главе психологических концепций бихевиористического толка, которые фактически растворяют отражение и его продукт — образ в поведении.

Характеристика отражения как опережающего предполагает, что оно не является результатом только изменений, вносимых отражаемым объектом в отражающий. Напротив, сущность отражения, определяющая направление его развития от более низких к более высоким формам, заключается в способности отражающего объекта развивать в себе определенные внутренние состояния, обеспечивать встречный процесс, в ходе которого осуществляется объективирование, выражение вовне его внутренней природы. В доорганических формах материи эти процессы, по-видимому, совпадают во времени, но живые системы развивают указанные внутренние состояния, упреждая наступление отражаемых внешних событий. Это положение, делающее акцент на активном встречном процессе, развиваемом

отражающим объектом в направлении отражаемого, дает систему теоретико-методологических аргументов для критики механистических теорий психического образа как результата одностороннего запечатления внешнего во внутреннем. Это тем более актуально, что подходы такого рода претендуют на статус единственных последовательно материалистических концепций.

Механистические теории образа, берущие начало в учениях древних, достигли своего расцвета во французском материализме XVIII в. Их преемниками в современной науке являются теории, использующие в качестве научной парадигмы закономерности процессов переработки информации, которые реализуются в электронно-вычислительных машинах. Концепции этого рода хотя и признают существование психических образов, но не могут объяснить, каким путем они участвуют в жизни субъекта, какую роль они играют в инициации или регуляции его поведения. Будучи результатом только внешнего воздействия, образы или остаются эпифеноменами, или требуют постулирования гомункулюса (мозгового человечка), который рассматривает их и включает в интимные процессы жизнедеятельности субъекта, т. е. делает их звеном цепи внутренних событий.

Важное значение для психологии имеет разработанное в философии представление, согласно которому в основе отражения лежит некоторая общность, единство внутренней природы отражающего объекта и внешних условий его существования. Как и всякое подлинное единство, оно является противоречивым: отражение как раз и выступает в качестве способа разрешения противоречия между внутренней детерминацией, самообусловленностью

130

движения любого объекта, и внешней детерминацией, его зависимостью от внешних условий существования. Прогрессивное разрешение этого противоречия, перевод его на более высокий уровень, приводящий к росту «удельного веса» внутренней обусловленности, осуществляется за счет перевода факторов внешней обусловленности вовнутрь путем их отражения и фиксации во все более сложных формах внутренней организации. Такое представление о природе внутреннего служит основой для критики субъективно-идеалистических концепций в психологии, приписывающих психическому образу порождающую функцию, рассматривающих саму действительность как производную от образа.

Еще большее значение имеет критика концепций психического, опирающихся на объективно-идеалистическую философию. К ним, в частности, относятся многочисленные варианты психологии сознания, проанализированные во второй главе. Эти направления часто субстанционализируют психические образы, полагают возможным их существование, а следовательно, и изучение безотносительно к объективной реальности. В плане критики таких концепций исключительно важны рассмотренные в первой главе положения об отражении как системном

свойстве. Системный характер отражения заключается в том, что и процесс, и продукт отражения служат формой связи (взаимосвязи) отражаемого и отражающего объектов, а не являются принадлежностью только отражающего объекта. Отражение как образ есть проявление сущности и отражаемого, и отражающего объектов, есть способ их существования в ином (друг в друге за пределами физических границ тела объекта). «Это значит, что само отражение выражается в онтологических категориях явления бытия для другого» [343, с. 311]. К. Р. Мегрелидзе подчеркивает: «Мы по справедливости можем говорить об инобытии одной вещи в другой, о реальном присутствии одного в другом, что находит свое неопровержимое выражение в тех изменениях, которые произошли или происходят в этих вещах» [261, с. 179]. Отсюда следует, что, как только мы разрываем связь образа с отражаемым объектом и пытаемся рассмотреть его изолированно, мы тем самым разрушаем его.

Системный характер отражения в указанном выше смысле определяет ведущую роль взаимодействия в проявлении и развитии отражения. В самом деле, причина отражения, если оно рассматривается как системное свойство, не может лежать ни только в отражающем, ни только в отражаемом объекте. Ее нужно искать в процессе взаимодействия, так как именно в нем природа обоих объектов воспроизводится в одной и той же мере. Методологическое значение этого утверждения состоит в том, что оно дает основание для критики феноменологии, интуитивизма и других психологических концепций, предполагающих прямую связь субъекта и объекта, непосредственное усмотрение сущности и фиксацию ее в субъективном образе. Связь образа с отражаемым объектом всегда опосредована определенным типом взаимодействия. Отражательные

131

возможности субъекта определяют тот тип взаимодействия (или воздействия на объект), в который он может вступить. Верно и обратное утверждение, однако ведущая роль взаимодействия определяется тем, что именно в этом звене заключен разрыв, точка роста всей системы «взаимодействие — отражение», «поведение — психика», «деятельность — сознание». Отсюда вытекают важнейшие следствия относительно требований к методам психологического исследования, которые по необходимости должны опираться прежде всего на анализ деятельности, а не на созерцание «сущностей», открывающихся в самонаблюдении.

Положения диалектического материализма о том, что активность является всеобщим свойством материи, выражающемся в ее способности к самодвижению, саморазвитию, и что мерой активности выступает степень доминирования внутренней детерминации, самообусловленности бытия объекта над моментами обусловленности внешним, не оставляют места для различных вариантов гомеостатических теорий, рассматривающих человека как адаптивное существо, только приспособляющееся к внешним условиям своего существования. Именно этот недостаток свойствен многим весьма интересным в других отношениях зарубежным концепциям. Человек активно

выходит из состояния уравновешенности со средой, изнутри преодолевает его, развивая направленные воздействия на природу, а не просто реагирует на нарушения равновесия по причине внешних изменений.

Здесь мы подошли к центральному положению марксистской концепции человека, которое имеет основополагающее методологическое значение для психологии. Речь идет об ответе на вопрос, что является внешним и внутренним для человека, определяющим его сущность, его родовые качества. Иначе говоря, где лежит источник тех внутренних противоречий, которые составляют основу самодвижения, саморазвития человека. Внутренним для человека является социальное. Деятельность человека является способом разрешения противоречия между необходимостями социальными и природными, а не между необходимостями, лежащими в основе работы его мозга и других органов, и внешними условиями его существования. Но само «социальное» не является чем-то вечным и неизменным, общественные отношения развиваются с развитием материальной практики, изменением производительных сил общества. Поэтому внутренние необходимости человека имеют не просто социальную, но общественно-историческую природу. Указанные положения позволяют преодолеть, во-первых, натуралистические теории человеческой психики; во-вторых, те концепции, которые опираются на понятие социального как внеисторического; и в-третьих, те подходы, авторы которых хотя и учитывают эволюцию самого социального, но не видят ее определяемости материальной практикой, уровнем развития производительных сил. Последний момент относится ко всем психологическим теориям, развивающимся вне марксизма, в том числе и тем, которые продвинулись дальше других на пути преодоления натурализма.

132

Диалектико-материалистические положения об определяющей роли внутренних источников развития материальных систем (принцип активности) и об общественно-исторической природе того внутреннего, которое специфично для человека, соединились в представлениях о деятельностной сущности человека. Это нашло свое воплощение в таких характеристиках деятельности, как социальность, продуктивность, предметность, целенаправленность, сознательность, опосредованность и субъективность (субъектно-объектный характер). Принцип активности (высшей формой которой является деятельность) и принцип отражения были реализованы в марксистской концепции познания как исторически развивающейся деятельности отражения, субъектом которой выступает общество в целом. Источником и критерием истинности познавательной деятельности является совокупная материальная деятельность людей, общественная практика. Поскольку чувственно-практическая деятельность отдельного индивида не может служить реальным воплощением общественной практики, а такое воплощение необходимо согласно законам самой общественной деятельности, то «заместителем» ее выступает мышление индивида, его познавательная деятельность, в ходе которой он

усваивает «мерки всех вещей», снятых с бытия практической деятельностью общества [281, с. 16]. Эти «мерки», система знаний, зафиксированных в законах логики, языке, предметах материальной культуры, и составляют ту систему значений, которые выступают в роли средств любой познавательной деятельности. Таким образом открывается путь для понимания индивидуального познания, в том числе и реализующих его познавательных процессов, как имеющих характер подлинной предметной деятельности. Только так может быть полностью реализован принцип активности применительно к психологическим процессам.

Именно по этому пути пошла советская психология. Во второй главе были разобраны некоторые теоретические и методические трудности, возникающие при реализации такого подхода к пониманию человеческой психики. В настоящей главе будут рассмотрены эмпирические факты и конкретно-психологические положения, позволяющие обосновать необходимость последовательной реализации деятельностного подхода к пониманию психического отражения и его продуктов — психических образов. Будет также предпринята попытка сформулировать некоторые новые положения конкретно-психологической теории психического образа с опорой на понятие «образ мира» в том значении, как оно использовалось в последних работах А. Н. Леонтьева и некоторых его сотрудников [224; 225; 227; 228; 233; 377; 157; 76; 311].

Первым вопросом при анализе психических процессов как имеющих деятельностную природу является вопрос о том, что выступает предметом такой деятельности, на что она направлена? Согласно одному ответу деятельность, действия направлены на переработку тех чувственных впечатлений, которые навязаны нам воздействующей стимуляцией. Результатом этой деятельности является

133

построение целостного образа из сырого «сенсорного материала». Все подходы, которые в качестве отправной точки анализа познавательных процессов выбирают элементарные чувственные впечатления (иногда называемые ощущениями или сенсорными данными), можно охарактеризовать как опирающиеся на стимульную парадигму функциональной структуры познавательных процессов. Иначе говоря, принцип деятельности вступает здесь в силу лишь после того, как «сработают» процессы рефлекторного типа, дающие исходные продукты, на которые может быть направлена деятельность.

Согласно второму ответу на сформулированный выше вопрос, познавательные процессы, приводящие к построению сознательного образа реальности, имеют изначально деятельностную природу, а процессы рефлекторного типа, играющие важную роль в образном отражении действительности, выступают в качестве вторичных, подчиненных процессам деятельности. Соответственно предметом познавательной деятельности являются не некоторые чувственные впечатления, а сами объекты внешнего мира, но взятые не в качестве элементов чистой

объективности, противостоящей субъекту, а в качестве одного из полюсов деятельности, находящегося в непрерывной системной связи со вторым ее полюсом — субъектом. Чтобы указанный ход мысли не содержал в себе элемента тавтологии, необходимо иметь в виду, что любой объект, прежде чем выступить предметом познавательной деятельности, выступает вначале предметом чувственно-практической преобразовательной деятельности. В марксизме утверждается вторичность познавательного отношения человека к миру по сравнению с отношением практическим. Соответственно и психологи, опирающиеся на «деятельностную парадигму» функциональной структуры познавательных процессов, исходят из того, что «психическое отражение предметного мира порождается не непосредственно внешними воздействиями (в том числе и воздействиями «обратными»), а теми процессами, с помощью которых субъект вступает в практические контакты с предметным миром и которые поэтому необходимо подчиняются его независимым свойствам, связям, отношениям. Последнее означает, что «афферентатором», управляющим процессами деятельности, первично является сам предмет и лишь вторично — его образ как субъективный продукт деятельности, который фиксирует, стабилизирует и несет в себе ее предметное содержание» [223, с. 86].

Итак, согласно второму подходу деятельное отношение субъекта к объекту (сначала практическое, а затем и познавательное) является начальным звеном любого психического процесса, а чувственные впечатления приобретают статус психического образа или его элемента, лишь начав выполнять роль регулятора этой деятельности. Наличие стимуляции является только условием, а не причиной возникновения чувственного образа. Последний выступает необходимым моментом движения деятельности, ее продуктом и одновременно условием ее дальнейшего развития. Ниже мы

134

более подробно разберем эти два подхода к пониманию места и роли деятельности в процессах порождения психического образа и вытекающие из них выводы теоретического и методического характера.

§ 1. Стимульная парадигма функциональной структуры познавательных процессов и ее критика

Согласно этому подходу процессы построения образа актуального окружения или отдельного объекта складываются из следующих моментов: 1) Получение и селекция чувственных впечатлений различной модальности от воздействующей на организм стимуляции. 2) Складывание из этих ощущений целостного образа предмета за счет: а) присоединения к этим ощущениям образов памяти о прошлых воздействиях данного предмета на наши органы чувств той же модальности, что и актуальное воздействие, а также его воздействия в прошлом на органы чувств другой модальности, б) применения к исходным чувственным данным различных операторов, с помощью которых в стимуляции выделяются переменные более высоких порядков, инвариантные относительно изменяющихся условий восприятия

(для зрения такими условиями являются угол наблюдения, расстояние, относительное движение, освещенность и т. д.). 3) Применение к этой первичной целостности чувственного образа, который уже приобрел отнесенность к внешнему миру, различных приемов смысловой обработки: обобщение, категоризация, абстрагирование и т. д. Все операторы, упомянутые в п. 2 и 3, иногда называют промежуточными переменными, благодаря которым мозаика воздействующих стимулов превращается в осмысленный сознательный образ «на выходе». Собственно и сам образ, после того как он сформировался, начинает затем выступать в качестве промежуточной переменной по отношению к другим воздействиям внешней среды на пути к ответному действию. Так складывается схема: С1 (стимул) — система обработки чувственных данных — О1 (образ) — Р1 (реакция, ответное действие) — С2—О2—Р2 и т. д. пока не будет получен уточненный образ О.

Не нужно понимать эту схему слишком упрощенно, она действительно многое «может», особенно если иметь в виду ее наиболее разработанные варианты, учитывающие определенные формы ответной активности субъекта, например роль моторики (движений) в выделении стимульных переменных более высокого порядка; процесс выдвижения и проверки гипотез еще на уровне как 2-го, так и 3-го этапов обработки сенсорных данных; влияние потребностей, установок, эмоций, черт личности воспринимающего и т. д. С учетом этих оговорок указанную схему принимает большинство психологов. Суть ее при всем разнообразии конкретных вариантов заключается в признании воздействующих стимулов, вызывающих модальные ощущения в качестве начального пункта процесса, приводящего «на выходе» к возникновению психического

135

образа, который дает субъекту возможность ориентировать действия по достижению заданной цели.

Процесс получения образа трактуется в этой схеме как набор или даже система реакций на воздействие стимуляции. Весь процесс запускается, инициируется не субъектом, а воздействием извне и носит не преобразовательный, а преимущественно адаптивный характер. Фактически не выполняется ни одно из требований, зафиксированных в принципе активности (с. 32) и позволяющих характеризовать некоторый процесс как активную деятельность.

На первый взгляд может показаться, что требование рассматривать воздействие стимуляции на органы чувств в качестве исходного момента процесса познания реализует в себе материалистический принцип первичности внешнего мира по отношению к образу и согласуется с требованием В. И. Ленина идти в анализе от мира к образу, а не от образа к миру. Но все дело в том, что в этом случае очень бедно, в физикалистских традициях мыслится мир как набор воздействующих на нас стимулов. Мир, в котором живет человек, «оставаясь объективным и материальным, не есть, однако, физический мир, т. е. мир, как он предстает перед наукой физикой,

изучающей взаимодействие вещей» [72, с. 86]. При этом игнорируется тот факт, что человек отражает не стимулы, а ту объективно существующую реальность, которая является источником стимуляции. В этом подходе реализуются скорее требования не философского, а физического материализма. Начиная анализ познавательных процессов с анализа чувственных впечатлений, возникающих в результате воздействия стимуляции на органы чувств, он скорее отгораживает человека от реального мира и сводит процесс познания к построению гипотез об источнике ощущений, мера правдоподобия которых определяется в ходе «проверяющих» индивидуальных познавательных действий.

Человек становится неким Робинзоном, один на один противостоящим воздействующим на него стимулам, а роль общественно-исторической практики сводится к набору ранее «выученных» способов интерпретации вызываемых стимулами впечатлений. Однажды представив мир в виде мозаики ощущений, мы уже не сможем вернуть ему предметный характер иначе как в форме спекулятивных конструкций, помогающих нам интерпретировать и предсказывать характер стимуляции. Именно в этом случае мы имеем дело с движением от ощущения к миру, а не от мира к ощущению, как этого требует последовательный, т. е. диалектический, материализм.

Основная ошибочная посылка теоретического характера, лежащая в основе критикуемых представлений, заключается в том, что чувственное впечатление, вызываемое тем или иным внешним воздействием, рассматривается в качестве элементарного знания, из которого за счет его «переработки» строится знание более высокого уровня. Предполагается непосредственный характер процесса получения исходных элементов знания. На самом деле чувственное впечатление приобретает предметную отнесенность, т. е. становится

136

элементом знания о внешнем мире не прямо и непосредственно, самым фактом своего возникновения, а только тогда, когда оно выступает в качестве звена циклического процесса, инициированного субъектом, т. е. исходное звено которого представляет собой движение от субъекта на объект в форме познавательной гипотезы, предварительного знания или регулируемого ими практического действия. Мы уже отмечали в первой главе, опираясь на положения, сформулированные Э. В. Ильенковым, В. А. Лекторским, А. М. Коршуновым и другими философами, что непосредственные следы внешних воздействий на органы чувств еще не являются знанием или его самостоятельным элементом. К этому уместно добавить формулировку проблемы, которую дает Д. Н. Узнадзе: «Мы идем к действительности только лишь путем ощущений, но никогда не бывает так, чтобы она давалась нам в виде ощущений: мы не ощущаем действительность, а воспринимаем ее... Переживание же предмета называется восприятием, а не ощущением. Ощущение — всего лишь то, что вносится нашими органами чувств в восприятие. Живое существо имеет дело лишь с предметами, свои

потребности оно удовлетворяет посредством них, а не с помощью цвета, запаха, вкуса (самих по себе)» [цит. по: 275, с. 98].

Вопрос о том, какие впечатления будут включены в познавательный процесс и получают статус знания, решается на той стадии процесса, которая предшествует самому воздействию стимула. Субъект не просто осуществляет выбор из имеющихся в наличии стимульных воздействий, а, как правило, активно ищет их [377, с. 194]. Причем тот стимул, который ищется, уже заранее имеет определенную интерпретацию, значение и эмоционально-личностный смысл. Они как бы предшествуют стимулу, а не «вытягиваются» из него.

Постулируя в качестве начального пункта процесса познания преобразование стимульного воздействия в сенсорное событие, разбираемая здесь схема делает субъекта рабом ситуации, существом не активным, а реактивным. Но и при реализации принципа реактивности возникают здесь затруднения. В рамках этого подхода трудно ответить на вопрос о критериях отбора тех или иных чувственных впечатлений для дальнейшей «переработки». Ведь в любой момент мы испытываем огромное число воздействий, потенциально доступных восприятию и интерпретации. Если мы выбираем стимулы по значимости того, что за ними стоит, то необходимо провести работу по опознанию и выявлению значения всех впечатлений и вызвавших их стимулов, что малоправдоподобно с точки зрения временных затрат, необходимых для этого, да и не соответствует фактам.

Во-первых, в стимульную парадигму никак не вписываются многочисленные факты, свидетельствующие о том, что человек находится в состоянии постоянной готовности к восприятию тех или иных раздражителей. Мы частично указывали на них во второй главе при изложении концепций, ставящих во главу угла такие

137

понятия, как апперцепция, ожидание, готовность, схема, прогностическая «ставка», установка, объект-гипотеза, антиципация и др. Систематическое изучение установки субъекта на процесс восприятия проведено в Грузинской школе психологии [403; 404; 280; 48; 185; 275 и мн. др.]. В экспериментах И. А. Тоидзе [393] было, например, показано, что визуализация субъектом образа объекта приводит к восприятию аналогичного изображения, проецируемого на экран с подпороговой яркостью. Именно механизмом предварительной визуализации можно объяснить и такой крайний случай проявления установки². Некий докладчик на представительной научной конференции подготовил для выступления несколько схематических изображений и попросил заказать соответствующее количество слайдов для демонстрации во время доклада. Технический работник подготовил нужное количество слайдов, но по чьей-то ошибке на каждом из них было одинаковое изображение из наложенных друг на друга всех схем сразу. Во время выступления это изображение было спроецировано на экран и было воспринято докладчиком как первое из ожидавшихся им изображений. Закончив рассказ с опорой на первую схему и указав ее компоненты на

экране, докладчик попросил предъявить следующее изображение и, не заметив, что оно является копией предыдущего, продолжил объяснение второй схемы и т. д. Иначе говоря, в одном и том же изображении докладчик каждый раз видел разные схемы, а именно те, которые он ожидал увидеть, игнорируя все остальные. Каждый из нас может привести аналогичные примеры, хотя и не столь яркие. В связи с обсуждаемыми проблемами представляет интерес феномен перцептивной защиты, когда испытуемый не видит, а чаще всего искажает те образы восприятия, которые не согласуются с его взглядами, убеждениями, представлениями о приличии. Так, испытуемые в лабораториях обычно воспроизводят предъявленные им на экране нецензурные слова как близкие к ним по написанию или звучанию обычные слова [59, с. 55; 417, с. 294].

Экспериментально показано, что неопределенность ожиданий субъекта относительно предъявляемого изображения в условиях тахистоскопического предъявления сильнее нарушает процесс опознания, чем нечеткость изображения в плане физических характеристик (контраст, яркость, фокусировка и т. д.) [469; 470; 497].

Кроме игнорирования, искажения или затруднения восприятия под влиянием ожиданий и установок субъекта имеет место представляющий для нас еще больший интерес феномен перцептивного дополнения, когда субъект видит то, чего на самом деле нет. Чаще всего это случается в условиях затрудненного восприятия, дефицита времени и т. п. [174]. Особый интерес представляют феномены длительного и устойчивого видения «изобретенных» восприятием объектов или их элементов, которые необходимы в соответствии

138

с принципом правдоподобия [406; 377; 234]. Исключительной отчетливостью и живостью обладают образы восприятия, вызванные путем так называемого сенсорного обусловливания: если многократно подкреплять звуковой сигнал зрительным изображением, то после нескольких сот повторений испытуемый начинает видеть изображение после звукового сигнала, даже если оно отсутствует [59, с. 67; 122, с. 498]. Широко известны феномены синестезической чувствительности, когда воздействие одной модальности вызывает сенсорные эффекты не только в соответствующем ему, но и в других органах чувств (цветные звуки, «вкусные» и «невкусные» цветовые тона). Обычно эти явления чрезвычайно устойчивы, а в некоторых случаях достигают исключительной яркости и живости [246].

У людей, обладающих сильно выраженной способностью к визуализации, часто наблюдаются явления смещения воображаемого и реально воспринимаемого [246], но в той или иной степени этот феномен наблюдается у всех людей (эффект Перки [230, с. 276; 464, с. 116; 501, с. 203]). Существуют попытки сфотографировать визуализированный образ (ссылки см. в [379]) или даже доказать его особую энергетическую природу [82], однако исследования такого рода не удовлетворяют пока строгим

критериям научности с точки зрения повторяемости и воспроизводимости полученных результатов.

Непервичный характер сенсорных эффектов в процессах построения сознательного образа восприятия находит свое выражение в следующих парадоксальных на первый взгляд фактах. Модальность того или иного воздействия (отнесенность его к зрению, слуху и т. д.) не является исходным моментом нашего восприятия (как это должно быть в соответствии со «стимульной парадигмой»). Впечатление о предметной отнесенности образа (где, что?) возникает во времени раньше, чем знание о том, с помощью чего воспринят объект (зрение, слух и т. д.) [75, с. 175]. Ответ на второй вопрос часто требует специальных усилий, и знание такого рода явно носит вторичный характер. Об этом же свидетельствует кажущаяся еще более парадоксальной первичность восприятия не только предметного, так сказать, перцептивного значения, но и значения интеллектуального. Опытные шахматисты могут увидеть во время тахистоскопического предъявления шахматной позиции комбинацию «мат в два хода», но не запомнить при этом конкретное расположение фигур.

Вообще выделение и осознание «чувственной ткани образов» — это особая и часто очень трудная задача, требующая специальных усилий [223; 224].

Мы часто видим различия между объектами, не имея возможности выделить те отдельные ощущения, которые «ответственны» за это впечатление. В экспериментах Хесса испытуемым предъявляли две одинаковые фотографии девушки, на одной из которых были подретушированы и увеличены зрачки глаз. Девушка на этой фотографии казалась всем испытуемым более симпатичной,

139

но в чем различие между фотографиями никто сказать не мог [477].

Еще больший интерес представляют случаи, когда чувственное впечатление, вызывающее ту или иную реакцию или изменяющее восприятие другого стимула, вообще не осознается. Речь идет о выработке условных реакций на субсенсорные раздражители [104, с. 551], о феномене хроматического контраста, когда цвет индуцирующего поля не ощущается [384, с. 25], о влиянии подпорогового побочного раздражителя на восприятие стимула той или другой модальности [201, с. 104].

Высокая чувствительность часто выступает в качестве вторичного результата специальной деятельности, строящейся с опорой на высшие смысловые уровни [384; 8; 351]. Это связано с тем, что неопределенность на низших уровнях отражения гораздо больше, чем на высших [336], что в корне противоречит взгляду на процесс построения образа как идущий от стимула. Построение образа идет в направлении от глобального менее дифференцированного целого к более дифференцированному и детализированному [207; 75; 303], а не от четко воспринимаемых результатов отдельных воздействий к синтезу целого. С особой очевидностью этот факт выступает в экспериментах Д. Н. Узнадзе, подробно описанных во второй

главе. При опознании объектов на ощупь испытуемые не могли даже идентифицировать отдельные чувственные впечатления. В контексте разных перцептивных гипотез объективно одни и те же характеристики стимула (вес, температура, форма поверхности) воспринимались по-разному вплоть до противоположностей. То, что ранее казалось легким, начинало казаться тяжелым, теплое холодным, скользкое шероховатым и т. п. При этом избыток чувственных впечатлений скорее мешает, чем помогает процессу опознания [404, с. 34—36].

Весьма показательны, что закономерности функционального генеза образа, выражающиеся в первичности его предметных характеристик и вторичности отражения модальности несущих о нем информацию ощущений, совпадают с линией развития восприятия в онто- и филогенезе. Амодальное или надмодальное восприятие является исходной формой отражения. Именно прогрессивная дифференциация чувственных модальностей делает возможным отражение специфических качеств чувственного образа (зрительного, слухового и т. д. — см. рис. 1). «От рождения ребенок имеет высокий уровень интеграции сенсорных процессов, который снижается в ходе прогрессивной сенсорной дифференциации... у низших организмов вообще нет дифференциации модальностей» [43, с. 149]. Поэтому можно сказать, что амодальный образ является наиболее ранней формой отражения. Этот факт в корне противоречит представлениям об образе как сумме отдельных ощущений.

Мы смогли перечислить лишь небольшую часть огромного количества фактов, которые дает современная психология для критики «стимульной парадигмы» функциональной структуры познавательных процессов. И нельзя сказать, что психологи не замечали

140

их. Фактически весь материал второй главы посвящен изложению подходов, пробивающих брешь в этой концепции. Но полностью она еще не разрушена. С нашей точки зрения, это связано с тем, что в рамках «деятельностной парадигмы» — единственного

Рис. 1. Три стадии сенсорной дифференциации у младенцев (по Т. Бауэру): (А) — от рождения до 4,5 месяцев; (Б) — от 4,5 до 6,5 месяцев и (В) — в 6,5 месяцев.

подхода, который способен до конца преодолеть адаптивные и реактивные концепции психического, до сих пор не было уделено достаточно внимания разработке понятий, которые можно было бы противопоставить таким понятиям, как стимул, ощущение, восприятие,

141

в их традиционном понимании. Использование этих понятий часто способствует незаметному протаскиванию того содержания, которым они отягчены в истории психологии. В результате до сих пор из учебника в учебник кочуют определения образа восприятия как суммы (комплекса) ощущений, хотя в кругах специалистов такое понимание восприятия можно

считать в целом преодоленным. Речь идет, разумеется, не о выдумывании новых слов, а о построении такой системы понятий, в рамках которой традиционные термины получили бы новое содержательное наполнение. Перспективы решения этой проблемы открываются, с нашей точки зрения, на пути использования в качестве центрального элемента такой системы понятия «образ мира» в том контексте, в котором оно было использовано А. Н. Леонтьевым и его сотрудниками [224; 225; 227; 377; 233; 157; 76; 311; 361—363]. При этом представляется правомерным говорить об определенном повороте в проблематике исследований Леонтьева, наметившемся в 1975—1979 гг. Если раньше основное внимание одного из создателей общепсихологической теории деятельности было сосредоточено на проблемах структуры деятельности человека, ее ведущей роли в формировании психики, то в последних работах на первый план начинают выступать проблемы психического отражения, понимаемого как процесс построения и функционирования образа реальности, образа мира. Немногочисленность публикаций этого периода не позволяет обосновать это утверждение со ссылкой на соответствующие работы Леонтьева, поэтому приведем несколько выдержек из его записной книжки с общим заголовком «Психология образа», «Образ мира»:

«Психология восприятия созрела сейчас для коренного поворота, который станет поворотом и во всей системе психологического знания» (с. 3).

«Психология образа. I. Проблема: фундаментальность, центральность проблемы — это = раздел собственно качественной психологии — психическое = образ (отражение)» (с. 51).

«Таким образом — психологическая наука целиком охватывается тремя взаимосвязанными и переходящими одна в другую проблемами:

I. Психология образа (все когнитивные процессы!), включая внимание etc.

II. Психология деятельности (всех видов и форм, включая общение, эстетическую деятельность).

III. Психология личности (индивид — личность) + дифференциальная психология личности — это три момента, отражающих движение самого предмета!

Во II — теория сознания, воли, установок, бессознательного ++ потребности, мотивы, интересы etc.» (с. 14).

«Решение главной проблемы только открывалось в перспективе, но, чтобы получить это решение, оказалось необходимым переменить все направление анализа. Это и значит осуществить коренной поворот» (с. 52).

142

Причины и суть этого поворота определяются тем, что сама теория деятельности достигла некоторого уровня зрелости, внутренней законченности, характеризующей завершение определенного этапа в ее развитии.

Мы уже отмечали во второй главе, что теория деятельности обнаружила свою эвристичность и продуктивность прежде всего в решении таких проблем, как онтогенез, филогенез, социогенез и даже актуалгенез

психических образований, т. е. везде, где требовалось вскрыть движущие силы в развитии психики, ее генетический аспект. Там же, где речь шла о функционировании уже сложившихся психических образований, обнаружились трудности, связанные с недостаточной разработкой проблемы регуляции деятельности, специфики ее функционирования на стадиях инициации, контроля и завершения деятельности [359].

Этим вызвана необходимость смещения акцента с генетического анализа, сквозь призму которого обнаруживается прежде всего зависимость образа от деятельности, на анализ функциональный, в полной мере раскрывающий вторичную зависимость деятельности от регулирующего ее образа. Именно в контексте решения этой проблемы может раскрыться эвристический потенциал понятия образ мира и его значение для переосмысления проблем и методов психологии познавательных процессов. Но это возможно лишь при определенном содержательном наполнении этого понятия, которое мы попытаемся раскрыть ниже.

§ 2. Образ мира как исходный пункт и результат любого познавательного процесса

Если под образом мира понимать некоторую совокупность или упорядоченную систему знаний человека о мире, о себе, о других людях и т. д., которая опосредует, преломляет через себя любое внешнее воздействие, то такое представление вполне впишется в традиционную схему анализа познавательных процессов. В истории психологии есть много аналогичных понятий — модель универсума, картина мира, когнитивная карта и собственно образ мира, которые употреблялись именно в контексте стимульного подхода. При этом было получено много ценных данных о таком интегральном образовании познавательной сферы человека и даже животного (когнитивные карты в бихевиоризме), которые частично приложимы и к понятию «образ мира» в той интерпретации, которая будет дана ниже. Но прежде всего мы должны указать на отличия предлагаемого и традиционного пониманий этого термина.

Образ мира не является лишь некоторым средством, привлекаемым для «обработки» навязанного субъекту стимульного воздействия и превращения его (пусть даже с помощью дополнительных тестирующих действий) в значащий образ с последующим принятием решения об ответе на него. Все обстоит наоборот: главный вклад в процесс построения образа предмета или ситуации вносят

143

не отдельные чувственные впечатления, а образ мира в целом. Иначе говоря, не образ мира выступает в качестве той промежуточной переменной, которая обрабатывает, модифицирует и превращает в чувственный образ сенсорные полуфабрикаты, появляющиеся на свет в результате воздействия стимуляции на органы чувств, а напротив, сенсорные полуфабрикаты уточняют, подтверждают и перестраивают исходный образ мира.

Неоспоримым, но часто упускаемым из вида является факт, что отдельный образ, а тем более чувственное впечатление сам по себе не

способен ориентировать ни одного сколько-нибудь законченного движения или действия. Ориентирует не образ, а модифицированная этим образом картина мира. До предела заостряя новую постановку вопроса, можно сказать, что построение образа внешней реальности есть, во-первых, актуализация той или иной части уже имеющегося образа мира и лишь, во-вторых, это есть процесс уточнения, исправления или даже радикальной перестройки его. Мы не строим заново на основе наличной стимуляции образ и не вводим его затем в нашу картину мира, не вырабатываем далее отношение к нему и не строим в соответствии с этим свою деятельность. Все обстоит как раз наоборот. И предметное значение, и эмоционально-личностный смысл образа предшествуют его актуальному чувственному переживанию и заданы всем контекстом нашей деятельности, актуализированной (в соответствии с задачами деятельности) частью образа мира. Скорее можно сказать, что мы ищем нужные нам признаки стимульного поля, а не занимаемся поиском подходящих значений для стимулов, навязанных нам извне [377, с. 194].

Анализируя вклад различных стимулов в формирование образа объективного пространства, А. А. Пузырей показал, что «характер восприятия невыводим из знаний условий стимуляции, даже при переходе к переменным самых высоких порядков... Отдельные признаки глубины получают статус реальных факторов в определении пространственной организации воспринимаемого, только будучи взяты по отношению к наличной в восприятии перцептивной гипотезе» [328, с. 17—18].

Но для того, чтобы та или иная стимуляция и вызываемые ею чувственные впечатления могли сделать свой вклад в картину мира и тем самым оформиться в образ, вернее, стать элементом образа мира, необходима особая составляющая, идущая от образа мира в целом навстречу стимуляции извне. Именно эта составляющая выполняет функцию фермента, по выражению Н. А. Бернштейна, и определяет, какие стимулы будут ассимилированы образом мира, а какие «проигнорированы». Как верно отметил У. Найсер, мы не фильтруем и не отбрасываем нерелевантные стимулы, а просто «ничего с ними не делаем» [276, с. 97—98].

На основе чего же решается вопрос о том, с какими стимулами «ничего не делать», а на какие направить встречную активность и какого рода активность имеется в виду? Именно в ответе на эти вопросы расходятся проанализированные во второй главе концепции,

144

авторам которых удалось преодолеть по крайней мере некоторые положения, постулируемые стимульным подходом. С нашей точки зрения радикальное и полное преодоление стимульной парадигмы, трактующей познавательный процесс как реактивный, возможно только при понимании иницированного субъектом процесса, направленного навстречу стимуляции в качестве самого способа существования актуального познавательного образа как отражения реальности. Этот встречный процесс не просто запущается в ответ на новые задачи, встающие перед субъектом в плане

практической или познавательной деятельности, но существует непрерывно, исчезая лишь с потерей сознания или во сне (в последнем случае он обычно сохраняется на некоторых уровнях). Это и есть активная составляющая нашего образа мира, и последний постоянно апробируется в этом процессе через сопоставление ожидаемых, экстраполируемых характеристик реального мира с тем, что мы получаем на сенсорном «входе» в результате воздействия стимуляции на наши органы чувств. В случаях нарушения такой апробации, например, в условиях сенсорной депривации и перцептивной изоляции, наступает и нарушение более глубоких, ядерных структур образа мира, имеющих, по А. Н. Леонтьеву, амодальный характер. Происходит нарушение ориентировки во времени и пространстве, нарушается восприятие ситуации в целом, часто возникают галлюцинации и т. п. [54; 452, 2].

При несовпадении экстраполируемых характеристик чувственных впечатлений с реально получаемыми происходит модификация встречного процесса за счет перестройки познавательных гипотез о природе источника стимуляции, которые формируются на разных уровнях. На уровне чувственного отражения познавательная гипотеза формулируется на языке самих чувственных впечатлений, а на уровнях ядерных имеет схематическую или символическую форму. Эти схемы, получая воплощение в модальных ощущениях, и составляют основу чувственно переживаемого образа, «Воспринимаемый мир есть форма существования схемы мира в той или иной модальности» [212, с. 143]. Но эта схема получает свое «очувствление» лишь будучи апробирована, подтверждена потоком сенсорных данных, вызываемых стимуляций, т. е. являющихся субстратом процесса, направленного от объекта на субъект.

В сказанном содержится несколько утверждений, требующих более развернутого рассмотрения. Они взаимосвязаны и каждое предполагает остальные, а в совокупности они раскрывают понимание процесса познания как изначально и подлинно активного.

1. Образ мира не складывается из образов отдельных явлений и предметов, а с самого начала развивается и функционирует как некоторое целое. Это значит, что любой образ есть не что иное, как элемент образа мира, и сущность его не в нем самом, а в том месте, в той функции, которую он выполняет в целостном отражении реальности. Эта характеристика образа мира определяется взаимосвязями и взаимозависимостями между элементами самой объективной реальности.

145

2. Образ мира в функциональном плане предшествует актуальной стимуляции и вызываемым ею чувственным впечатлениям.

3. Взаимодействие образа мира и стимульных воздействий строится не по принципу переработки, модификации вызванных стимулом чувственных впечатлений с последующей привязкой созданного из сенсорного материала образа к предсуществующему образу мира, а путем апробации или модификации (уточнения, детализации, исправления или даже существенной

перестройки) образа мира как целого под влиянием ассимилированных им чувственных впечатлений³.

4. Поскольку результатом любого познавательного процесса выступает не некоторый новый единичный образ, а модифицированный стимулом образ мира, обогащенный некоторым новым элементом, то правомерно сказать, что главный вклад в построение образа предмета или ситуации вносит образ мира в целом, а не набор стимульных воздействий. Необходимо преодолеть представление об образах как некоторых самостоятельных сущностях: любой образ есть не что иное, как элемент образа мира.

5. Образ мира не склад инструментов, приемов и программ, которые приходят в движение под влиянием внешних воздействий, а до того находятся в состоянии покоя (хранятся до поры до времени). Движение от образов мира навстречу стимуляции извне является модусом его существования и носит, условно говоря, спонтанный характер. Этот процесс обеспечивает постоянное апробирование образа мира чувственными данными, подтверждение его адекватности. При нарушении возможностей такого апробирования образ мира начинает разрушаться.

6. Из сказанного следует вывод о непрерывном процессуальном характере движения от «субъекта на мир», которое прерывается лишь с потерей сознания. Отличие развиваемого здесь подхода состоит в том, что образ мира генерирует познавательные гипотезы не только в ответ на познавательную задачу, а постоянно. Внутренние и внешние факторы лишь модифицируют предсуществующий процесс, часто интенсифицируют его, могут направить в другое русло и т. п., но не строят его с нуля. Здесь опять напрашивается аналогия с концепцией Н. А Бернштейна, согласно которой различные уровни регуляции движения не строят его заново, модифицируют исходный двигательный процесс, непрерывно генерируемый нижележащим уровнем.

7. Наличие встречного процесса от образа мира на стимуляцию является необходимым условием ассимиляции образом мира чувственных

146

впечатлений, вызываемых этой стимуляцией, включения информации, которую она несет в целостную картину мира субъекта. Этот процесс имеет форму генерации познавательных гипотез на всех уровнях отражения действительности. Гипотезы служат тем «ферментом», который превращает «сырые» сенсорные данные в «материал», из которого строится образ мира.

Можно сказать, что знаменитая, широко обсуждавшаяся в литературе «прибавка» к стимулу, делающая образ «на выходе» значительно богаче наличной стимуляции, осуществляется до начала процесса восприятия стимула, а не является результатом воздействия стимула. Этот тезис можно сформулировать даже острее: не субъект прибавляет нечто к стимулу, а стимул и вызванные им впечатления служат «прибавкой» к познавательной гипотезе, превращая ее в чувственно переживаемый образ.

8. Если в качестве главной составляющей нашего познавательного образа выступает познавательная гипотеза, формируемая на основе широкого контекста образа мира в целом, то из этого следует, что сама эта гипотеза на

уровне чувственного познания должна формулироваться на языке чувственных впечатлений. Отрицательное отношение материалистической философии и психологии к теориям, опирающимся на такие «порождающие модели», которое в значительной степени не преодолено и теперь, было вызвано тем, что эти теории неизбежно скатывались к идеализму, так как не был решен вопрос о материалистически понимаемых источниках этого порождения. Фактически из преувеличения, абсолютизации этой стороны познавательного процесса, приравнивания ее ко всему процессу познания и утверждения ее первичности в плане генетическом и гносеологическом и вырастает не только идеализм психологический, но и идеализм философский. Возможности детерминистического объяснения происхождения и функционирования порождающего механизма открываются лишь при учете деятельностной природы человеческого познания и признании материальной чувственно-практической деятельности в качестве основной и исходной ее формы.

9. Из сказанного следует, что важнейшей характеристикой образа мира, обеспечивающей ему возможность функционирования в качестве активного начала отражательного процесса, является его деятельностная и социальная природа.

Мы уже отмечали, критикуя «стимульную парадигму», что в функциональном плане образ мира предшествует деятельности, является ее активным началом, т. е. инициирует и направляет ее. Первичное становление мотива в целях и целей в средствах деятельности невозможно без ориентировки в плане образа. Однако, будучи начатой, деятельность все время оказывает обратное влияние на образ мира, обогащая и модифицируя его. Поэтому в плане развития образа мира деятельность всегда выступает как первичное и ведущее начало.

С деятельностью, действием связано и становление исходных форм образа мира в онтогенезе. Он формируется прижизненно и

147

начало его формирования, по-видимому, связано с торможением врожденных сенсомоторных автоматических координаций, которые хорошо проявляются в первые минуты, часы и дни жизни ребенка и постепенно исчезают [43]. Первые акты (действия ребенка в форме первичных, а затем вторичных и третичных циркулярных реакций по Ж. Пиаже) представляют собой синкретическое единство моторных, сенсорных и аффективных компонентов, из которых выдифференцируются впоследствии образ мира, деятельность и личность, исчерпывающие в сумме предмет психологии.

Первая форма встречного процесса (от субъекта на объект) есть моторный процесс; первая форма активности есть моторная активность и сопровождающие ее ощущения есть то исходное чувственное начало, присоединяясь к которому чувственные впечатления, являющиеся результатом внешних воздействий входят в субъективный мир ребенка, вернее, начинают строить и модифицировать его. Именно благодаря

действиям ребенка происходит встреча двух процессов — чувственных впечатлений, сопровождающих процесс инициирования действия и тем самым имеющих внутреннее происхождение, и чувственных впечатлений, продуцируемых внешними воздействиями. Встреча этих двух процессов, а не одно только воздействие извне (движение от объекта на субъект) ответственны за порождение первых образов. Исходным здесь является не внешнее воздействие само по себе (на чем настаивает механицизм) и, тем более, не внутренне субъективное начало, а некоторое действие ребенка в своей целостности и исходной недифференцированности своих компонентов.

О такой порождающей психику роли действия и возможности рассматривать его в функции исходной клеточки психического говорили С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев; и сейчас эта идея интенсивно разрабатывается П. Я. Гальпериным, Д. Б. Элькониным, В. П. Зинченко, другими советскими психологами [162].

И дальнейшее развитие отражения ребенком внешней реальности, развитие образа мира, вернее, даже его зарождение в форме сознательного образа связано с развитием его деятельности, прежде всего совместной деятельности с матерью. Осуществляя свои жизненные функции через воздействие на мать, которая является его прямым функциональным и материальным продолжением⁴, находясь в постоянном эмоциональном контакте и общении с нею, ребенок полностью передоверяется ей. Мать не только удовлетворяет потребности ребенка, но и направляет и ориентирует его действия, фактически выполняя функцию его исходного «образа мира». И лишь позже те ориентиры, которые направляют деятельность матери, начинают самостоятельно использоваться

148

в качестве ориентиров и ребенком, когда освоенная им как совместно разделенная та или иная деятельность начинает осуществляться самостоятельно [435, с. 158; 436, с. 11].

Здесь особо следует подчеркнуть значение работ М. И. Лисиной, которые вносят вклад в понимание становления социальной составляющей образа мира ребенка (а эта составляющая и конституирует образ как сознательный) через эмоциональный контакт и общение со взрослым [231, 232]. Нельзя забывать, что особая реакция ребенка на мать как объект, принципиально отличающийся от всех других, появляется задолго до того, как ребенок научается хотя бы самым элементарным предметным (культурным) действиям. Именно с комплекса оживления начинается его социализация и тем самым построение образа мира, специфичного для человека. Это эмоционально-чувственное движение «от ребенка на мать» есть та основа, вокруг которой начинается кристаллизация образований, обеспечивающих пристрастный характер нашего знания, первично входящего «через мать», по каналам, открывающимся только навстречу ей.

Следует также обратить внимание на уже отмечавшийся нами факт, что развитие сенсорно-перцептивной сферы ребенка первого года жизни опережает развитие его моторики (у животных соотношение обратное). На

первый взгляд это противоречит положению о ведущей роли деятельности в развитии отражения и о том, что, по выражению А. Н. Леонтьева, деятельность идет впереди отражения, как бы прокладывая ему пути [226]. Но это противоречие кажущееся, оно снимается положением о социальном происхождении индивидуальной человеческой деятельности. Именно совместная деятельность ребенка с матерью, где мать выступает в роли внешнего средства его деятельности, приводит к развитию сенсорно-перцептивной сферы ребенка. Ребенок руками матери ощупывает предметы, ногами матери осваивает пространство. И лишь когда его отражение, развившееся в ходе этой совместно разделенной деятельности, достигает определенного уровня, он начинает выделять и использовать те же ориентиры, которые направляли их совместную деятельность и выделялись органами чувств матери. Это возможно лишь на основе активного поиска ребенком ориентиров, т. е. за счет встречного процесса от ребенка на внешний мир, от ребенка, «присвоившего» некоторую деятельность на внешний мир, таящий в себе необходимые для ее регуляции ориентиры (для регуляции, а не инициации!). И в дальнейшем освоение ребенком, в значительной степени отделившимся и отдалившимся от матери, все новых форм деятельности, имеющих социально-культурное происхождение, ведет за собой развитие его образа мира.

Социальное происхождение деятельности и психики человека, особая роль других людей (начиная с роли матери) в формировании деятельности и образа мира индивида, в становлении его самого как личности определяют особое место образа другого человека в нашей картине мира, которое качественно отличается

149

от роли и места образов предметного мира. Образ другого человека занимает промежуточное положение между предметным образом и образом «Я».

Итак, первым аспектом деятельностной социальной природы образа мира является его генетический аспект — зарождение и развитие образа мира в ходе освоения и развития деятельности и общения.

Второй аспект состоит в том, что в сам образ мира (по крайней мере на его ядерных уровнях) входит отражение той деятельности, которая позволяет выделить свойства объектов, не обнаруживаемых ими при взаимодействии с органами чувств (S—O). Эти свойства образуют два больших класса: а) те, что обнаруживаются в результате взаимодействия с другими объектами S—O1—O2 и б) сверхприродные свойства, обнаруживаемые при воздействии на других людей (S1—O—S2), например стоимость. И те и другие свойства не могут быть отражены без отражения «узлов» деятельности, которая приводит к их проявлению и в которой эти свойства только и обнаруживают себя. Свойства этого рода объективно присущи внешнему миру и даже относятся к его наиболее устойчивым сущностным характеристикам по сравнению с теми, которые являются нам во взаимодействиях типа S—O и носят выраженный модальный характер.

Отражение более глубоких, существенных характеристик мира и образует ядерные структуры образа мира.

Этот уровень (или уровни) символической знаковой репрезентации мира формируется в индивидуальной психике субъекта на основе усвоения системы общественно выработанных значений, закрепленных в языке, предметах культуры, нормах и эталонах деятельности. Система этих значений и образует отраженное пространство деятельности человека в реальном мире, которые строятся по законам этого мира, а не произвольно конструируются субъектом. Здесь уместно напомнить высказывание А. Н. Леонтьева, что значение выступает «не как то, что лежит перед вещами, а как то, что лежит за обликом вещей — в познанных объективных связях предметного мира, в которых они только и существуют, только и раскрывают свои свойства» [225, с. 6].

Именно на уровне ядерных структур осуществляется генерация познавательных гипотез, которые позволяют как бы снять неопределенность поверхностных (оформленных на языке чувственных модальностей) образований, структурируя мозаику чувственных впечатлений и обеспечивая переход от одного элемента поверхностного слоя к другому.

Если познание скрытых существенных свойств внешних объектов осуществляется с помощью деятельности, отражение которой представлено на ядерных уровнях образа мира в виде системы значений, материализованных в символах, знаках, словах, схемах действия, то движения, моторика, непременно участвующие в отражении поверхностных свойств объектов (явлений), также должны быть как-то отражены, представлены в чувственном

150

образе. Подход к решению этого вопроса, предложенный В. П. Зинченко, состоит в том, что «биодинамическая ткань» движения (термин Н. А. Бернштейна) превращается в «чувственную ткань» образа [115, 162]. С нашей точки зрения, необходимо несколько сместить акцент. Биодинамическая ткань движения сама должна быть как-то отражена и войти в состав чувственного образа в качестве одной из его составляющих, имеющих большую глубину, чем модальные чувственные впечатления.

Термин для такого чувственного носителя отраженной биодинамической ткани, презентующего ее субъекту, предложен И. М. Сеченовым — знаменитое «темное мышечное чувство». Это чувство как бы растворяется во всех других чувственных модальностях, являясь их общим компонентом, и потому не имеет своего собственного модального оформления. Оно презентует нам трехмерное пространство, которое служит координатной сеткой для планирования и контроля за ходом осуществления любого нашего воздействия на мир.

Какую же роль выполняет отражение биодинамической ткани движения в форме темного мышечного чувства при формировании чувственного образа? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, чем отличается чувственно оформленная картина внешней реальности от мозаики чувственных

впечатлений? По-видимому, отличительной чертой первого случая от второго, если не выходить в поисках такого критерия на другие уровни отражения, является способность предвидеть (предощущать) характер изменения ощущений: а) при естественном (без нашего вмешательства) течении событий, т. е. при изменениях самого объекта и условий его восприятия; б) при изменении нами точки наблюдения, смене позиции; в) при том или ином нашем воздействии на мир, при нашей деятельности с объектом.

Здесь переходы от одной чувственной картины к другой опосредованы некоторой системой наших движений. Поэтому отражение биодинамической ткани движений, которые нужно совершить, чтобы перейти от одной чувственной данности к другой, и есть та первая инстанция в движении от поверхностных структур к более глубоким, которая задает взаимопереходы между разными чувственными воплощениями одного и того же образа, объединяя их в некоторую целостность. Эта целостность в функциональном плане выступает как предсуществующая по отношению к любой частной реализации и тем более по отношению к отдельному чувственному впечатлению (то, что в восприятии целое предшествует части, давно стало аксиомой).

Итак, второй аспект деятельностной природы образа мира заключается в том, что в состав его глубоких структур входит отражение узлов деятельностей в форме значений, узлов биодинамической ткани движения, отраженных в темном мышечном чувстве.

Тем не менее роль чувственных впечатлений, образующих поверхностный слой образа мира, огромна. И дело не в том, чтобы

151

принизить ее, а в том, чтобы обрисовать ее подлинную функцию. Для этого необходимо более подробно рассмотреть структуру перцептивного цикла нашей познавательной деятельности.

§ 3. Соотношение реактивных и активных составляющих перцептивного и интеллектуального циклов

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» настоятельно подчеркивает, что во всяком ощущении неизбежно присутствует элемент пассивности, определяемости внешним воздействием. Данные современной физиологии и психологии позволяют считать доказанным, что ощущение имеет рефлекторную природу, т. е. возникает при наличии внешнего воздействия и ответной активности организма. Такое понимание природы ощущений вполне вписывается в излагаемую здесь концепцию, если под ощущением иметь в виду не элементарное восприятие, а лишенное значения чувственное впечатление, не получившее объективации, «прописки» во внешнем мире. Оно, как правило, не осознается нами или требует для своего осознания особой установки. Выше, обосновывая эту точку зрения, мы приводили мнения ряда философов и психологов. Наиболее четко ее сформулировал Узнадзе: «Мы не ощущаем действительность, а

воспринимаем ее... Переживание предмета называется восприятием, а не ощущением» (цит. по: [275, с. 98]).

Указанная оговорка необходима, поскольку различие между ощущением и восприятием принимается не всеми авторами. Первым на различии ощущений и восприятий настаивал Т. Рейд в XVIII в. [457, с. 131]. Наиболее активными противниками такого различения были гештальтисты. Тем не менее оно почти общепринято в современной психологии, хотя часто употребляется как синоним простого восприятия (восприятия отдельных свойств). Иногда вместо ощущения в том смысле, как оно используется в данном тексте, говорят о чувственных впечатлениях или сенсорных данных.

Представление об образе восприятия как складывающемся из элементов-ощущений достаточно подробно критиковалось с теоретико-методологических позиций. Приведем дополнительные факты, свидетельствующие о весьма сложных отношениях, которые связывают чувственные впечатления и восприятие. Прежде всего укажем на то, что организм может сам продуцировать отчетливые чувственные образы без актуально действующей стимуляции. Примером могут служить галлюцинации (вызванные патологическим состоянием, фармакологическими препаратами [284], сенсорной изоляцией [273; 54; 130]) и псевдогаллюцинации (вызванные прямым раздражением некоторых областей мозга, мелькающим светом) [495; 130; 407], гипногагические и фантомные образы [481; 354; 118], образы типа галлюцинаций, возникающие в бедной информацией среде (театр заключенных) [419]; описанные

152

выше эффекты сенсорного обусловливания; яркие сновидения, явления перцептивного дополнения. Речь идет о наличии в образе элементов, не имеющих объективных коррелятов в предмете раздражителя или не содержащихся в сенсорной информации, получаемой в момент восприятия, и не являющихся результатом ее переработки [174]. При этом они имеют выраженный модальный характер, т. е. не подразумеваются, а именно видятся — происходит «галлюциногенное вписывание» [174] или сенсорно-восстанавливающий процесс [428].

Эти прибавки имеют место в случаях кратковременных экспозиций, при псевдоскопическом восприятии и в других затрудненных условиях восприятия, когда «добавка» необходима, чтобы вся ситуация в целом или образ предмета приобрели некоторый смысл (подчинились принципу правдоподобия). Аналогичные феномены наблюдаются при наличии фиксированной установки. Как считает большинство авторов, эти феномены связаны с механизмом визуализации (шире — очувствления) перцептивных эталонов, вызываемых к жизни под воздействием воспринятой части ситуации или объекта. Однако это предположение противоречит наблюдениям, описанным выше, когда образ, подобный галлюцинации, возникает без всякого стимулирования периферии. Еще одним примером такого рода могут служить встающие перед глазами грибы после дня, проведенного в лесу за сбором грибов, морские волны — после длительного

пребывания на палубе корабля и т. п. Особый класс феноменов образуют так называемые когнитивные контуры [44], фантомные образы, возникающие после ампутации конечностей [181; 354], и фантомные образы бинокулярного восприятия [379]. Интерес в этом отношении представляют также факты, полученные методом регистрации вызванных потенциалов (В. П.) в области вертекса [329]. Когда испытуемым предъявлялся белый экран при инструкции вообразить круг или квадрат, то характер вызванных потенциалов соответствовал заданной фигуре, а не обычным ответам на белый экран. Ожидание стимула одной модальности может изменить В. П. на стимул другой или той же модальности [454; 346]. Общий вывод: «Ожидание субъектом определенных физических свойств стимула может быть более важным в определении параметров В. П. на этот стимул, чем его действительные физические свойства» [329, с. 93].

Таким образом, есть веские аргументы в пользу того, что всякое восприятие протекает по принципу встречного уподобления и опробования стимуляции, подстройки к вызванным ею эффектам некоторой внутренней модели. Интересный факт описан Шарко, один из больных которого, обладавший феноменальной способностью к визуализации, перестал узнавать предметы после потери этой способности [419].

В некоторых работах обсуждается возможность продуцирования «образов» в мозге и передачи их на периферию [380; 158; 174]. Определенные основания для таких предположений дает

153

анатомически установленный факт наличия проводящих возбуждение путей от мозга к рецепторам [368, с. 296].

Необходимость встречного процесса активности для формирования чувствительности к ранее не воспринимавшимся раздражителям убедительно показана в опытах Леонтьева по выработке чувствительности кожи руки к световому раздражителю [226]. Однако в этом случае, как и в ряде других, описанных Дж. Гибсоном [471], восприятие происходит без опоры на модально оформленные чувственные впечатления (мы просто знаем, что стимул подействовал, засветка кожи была) или при ложном очувствлении стимула (испытуемый чувствует холодок, ветерок кожей руки).

Все это позволяет нарисовать следующую картину хода познавательной деятельности на уровне восприятия. Индивид всегда имеет некоторый образ или модель окружения, которая непрерывна во времени и пространстве и носит прогностический характер, т. е. в ней экстраполируются и воспроизводятся на языке чувственных модальностей ожидаемые результаты воздействия источника стимула на наши органы чувств. В особых условиях, описанных в этом параграфе, а также при недостатке чувственных впечатлений (ограниченность цикла восприятия во времени, наличие помех и искажений, сенсорная депривация и пр.) мы можем принимать наши конструкты или их отдельные куски за соответствующие реальным событиям или объектам в мире. Однако это скорее исключение, чем правило, и если

перцептивный цикл завершается в нормальных условиях, мы замечаем ошибку.

Мы обычно воспринимаем некоторую чувственную данность как характеристику внешнего мира лишь тогда, когда наша гипотетическая конструкция апробирована через компарацию с результатами внешних воздействий на наши органы чувств. Этот результат внешнего воздействия, т. е. ощущения в нашей терминологии, обычно не осознается и может осознаться только будучи опробован, скопирован встречным активным процессом. Ощущение может запустить подсознательный, автоматический процесс рефлекторного типа и само возникает как процесс рефлекторный, не требующий исходной активности субъекта. Вызванные потенциалы в ответ на раздражение органов чувств могут возникать даже при потере сознания [37].

Таким образом, ощущения несут в себе ту самую пассивную, вернее сказать, рефлекторную составляющую, которая извне задает эталон, образец для подстраивания в процессе воспроизведения образа объекта в нашем субъективном контуре (выражение И. Рока). Степень совпадения, которая принимается за достаточную и санкционирует прекращение перцептивного процесса, зависит от задач и условий деятельности, обслуживаемой восприятием. Рассогласование модели внутреннего контура и того, что дают органы чувств, замкнутые на внешний контур, может быть сведено к минимуму за счет развертывания специальной перцептивной деятельности, целью которой является построение как можно более точного образа. Это достигается за счет включения

154

в процесс построения образа специальных перцептивных действий, чаще всего моторных. Варьируя условия восприятия и проверяя совпадение ожидаемых чувственных эффектов с реальными, субъект корректирует гипотезы как перцептивного уровня (на языке чувственных модальностей), так и более глубоких ядерных уровней. Факты (в частности, исследования нервной модели стимула Е. Н. Соколовым и работы по методу вызванных потенциалов) показывают, что модель строится не только для значимых, но и для незначимых стимулов с точки зрения актуальных задач деятельности. Это значит, что встречный процесс моделирования внешней реальности охватывает гораздо более широкий круг этой реальности, чем охватываемый сознанием, но ни один объект или событие не могут осознаться, если нет встречного процесса его моделирования. Этот встречный процесс запускается, вернее, модифицируется более глубоким уровнем по своей инициативе (в соответствии с задачами и целями деятельности) или в ответ на несовпадение, рассогласование модели внутреннего контура с тем, что мы назвали здесь ощущениями. Дж. Гибсон [471] очень убедительно показал, что если ощущения есть процесс отражения воздействующих энергий, то восприятие — добывание и активный поиск информации. Р. Арнхейм говорит о восприятии как активном исследовании [24, с. 57].

Как для понимания сенсорных процессов понадобилось заменить принцип пассивности на принцип реактивности, так же при переходе к перцептивным процессам принцип реактивности должен выступить в качестве подчиненного принципу активности. Однако восприятие невозможно без ощущений, так же как мышление невозможно без восприятия (следует вспомнить о том, что не только восприятие, но и мышление нарушается, например в условиях сенсорной депривации и перцептивной изоляции). В генетическом плане зависимость мышления от восприятия выступает с еще большей очевидностью. Вообще функционирование образа мира как целого требует задействования всех его уровней. Поэтому принцип реактивности в той или иной мере проявляется на любом уровне, однако только на уровне ощущения он является верховным, а на более высоких уровнях все более подчиняется принципу активности. Между ощущениями и восприятиями проходит та граница, по одну сторону которой господствует принцип реактивности, а по другую — принцип активности.

В связи с этим представляется неоправданным противопоставление «реактивного восприятия» «активному воображению».

Восприятие просто невозможно без воображения. Это убедительно показали еще в конце прошлого века У. Джеймс и Н. Н. Ланге, аргументы которых подробно изложены во второй главе. Недопустимо как игнорирование этой роли, так и ее преувеличение, что имеет место в различных направлениях когнитивной психологии. К такому выводу приводят экспериментальные исследования соотношения этих двух процессов [51, 2; 88; 174; 47; 278; 393; 464; 473; 474; 481; 488; 494; 498; 502 и др.].

155

Обнаружена значительная интерференция восприятия и воображения. Еще в 1910 г. Перки показала уменьшение восприимчивости испытуемого к различению сигналов, предъявляемых на фоне деятельности воображения. В других случаях наблюдалась ассимиляция реально предъявляемых сигналов, которые включались испытуемым в образ воображения [464, с. 116]. При этом восприимчивость понижается особенно резко при совпадении сенсорных модальностей воображаемого и того, что реально имеет место. В свою очередь деятельность воображения нарушается под влиянием перцептивной активности [464, с. 117].

П. П. Блонский на основе собственного экспериментального исследования также приходит к выводу, что между воображением и восприятием нет резкой разницы и существуют переходные формы, например, галлюцинации [51, 2, с. 163]. Промежуточное положение галлюцинаций между перцептом и образом-представлением в какой-то мере подтверждается фактом «стирания границ» между реальностью и образами у людей с сильно выраженной способностью к визуализации [246; 82; 419]. Однако специально проведенные исследования не обнаружили корреляции между доминирующим типом образов (их живость, яркость и т. п.) и наличием галлюцинаций [481, с. 72—73]. По-видимому возникновение галлюцинаций

является не следствием яркости образов-представлений, а нарушениями в работе механизмов, обеспечивающих сличение того, что ожидается (познавательная гипотеза), с тем, что реально имеет место на сенсорном «входе». Такого рода нарушения критичности имеют место не только в чувственном восприятии, но и в мышлении, что особенно ярко проявляется у больных шизофренией [153; 321; 373; 452, 2]. В данном случае речь идет именно о нарушении реактивных составляющих познавательных процессов: нарушается их уподобительная пластичность, чувствительность к воздействиям извне. По мнению Ю. Ф. Полякова, происходит прежде всего нарушение избирательной актуализации сведений из памяти на основе фактов прошлого опыта [321, с. 5]. Если здоровые испытуемые при решении задач на опознание в случае, когда нет достаточных оснований для принятия решения, просто описывают то, что видят, то больные в аналогичных ситуациях определенно «видят» тот или иной объект [373, с. 51].

Возникновение галлюцинаций не обязательно имеет автохтонную природу. В явном виде это выступает в таком феномене, как видение «рож на обоях» [187, с. 261]. Согласно С. Я. Рубинштейн, всегда можно найти внешнее воздействие, которое спровоцировало галлюцинацию [153, с. 73]. Но роль стимула здесь чисто пусковая, содержательно он может быть никак не связан с галлюцинацией. Д. Хебб [474], опираясь на свою теорию клеточных ансамблей, рисует следующую картину мозговой организации восприятия, исходя из которой могут быть объяснены галлюцинации и эйдетические образы. Ощущения возникают в результате активности рецепторов, достигающей кортикальных сенсорных центров: «ощущение —

156

линейный вход в сенсорную кору» — это результат работы ансамблей первого порядка. Восприятие имеет центральную, кортико-диэнцефальную природу и возникает как повторный вход, реверберационная активность клеточных ансамблей, лежащих в ассоциативной коре и связанных с ней структурах. Спонтанная активация этих ансамблей второго порядка или их возбуждение нерелевантным стимулом и приводит к возникновению образов-представлений. Возбуждение ансамблей первого порядка, продолжающееся после прекращения воздействия стимула, порождает эйдетические образы. Спонтанная активность этих ансамблей или их возбуждение под действием иррелевантного стимула приводит к галлюцинациям [474, с. 467—474].

Из сказанного видно, что не только восприятие, но и воображение и мышление обязательно включает в себя момент реактивности и при нарушении «реактивных составляющих» эти процессы теряют характер отражения, познания, превращаются в произвольное конструирование, практически лишенное познавательной функции. И речь идет не только о чувствительности к стимульным воздействиям. Влияние «снизу вверх», от ситуации проявляется как в сенсорных эффектах, так и в специфических законах восприятия, которые тщательно изучены и описаны гештальтпсихологами. При этом имеют место сложные механизмы

промежуточной организации опыта или перцептивной организации, которые превращают «видимое поле» в «видимый мир» и обеспечивают первичную предметную отнесенность сенсорных эффектов по типу чисто перцептивного знания о расстоянии, месте, форме объекта, его перемещении [452, 3, с. 80; 423, с. 21]. Многие из этих механизмов являются врожденными, в том числе требующие интермодальных связей [43, с. 21, 141, 150 и др.]. Принципиально важно, что у ребенка от рождения имеется надмодальное восприятие, так что зрительные признаки, например, могут нести информацию о тактильных свойствах объектов [43, с. 139].

И в дальнейшем развитие надмодального восприятия идет параллельно с развитием сенсорной модальной чувствительности, составляя как бы самостоятельную линию развития восприятия. Продуктом этого развития является, с одной стороны, представление о физических объектах, как существующих независимо от ребенка и его активности, которое может ориентировать движения ребенка и манипуляции с объектом. С другой стороны, развитие надмодального восприятия объектов продолжается в ходе социального и культурного развития ребенка, что приводит к формированию предметного восприятия в собственном смысле слова. Это становится возможным благодаря складывающейся системе собственно перцептивных, невербальных значений, усваиваемых ребенком в ходе овладения предметными действиями (обзор см. в [376]). При этом система таких значений все больше начинает пониматься как своеобразный «язык восприятия», на основе которого строятся «перцептивные высказывания» [155; 161; 26; 146; 234; 302; 334 и др.].

157

Выступая в качестве источника перцептивных гипотез, на основе которых происходит ассимиляция чувственных впечатлений, перцептивный уровень отражения проявляет себя как активное начало по отношению к сенсорным процессам. В то же время по отношению к познавательным гипотезам интеллектуального уровня результаты перцептивных процессов сами выступают объектом ассимиляции и тем самым обеспечивают реактивные составляющие целостного познавательного акта. Здесь уместно вспомнить приведенное во второй главе высказывание Пуркинье о том, что в самой чувственности (как на сенсорном, так и перцептивном уровнях) представлены основные векторы категориального знания.

Интересные результаты изучения взаимодействия векторов перцептивного и речемышлительного уровней изложены в работе В. Ф. Петренко и С. В. Василенко. Испытуемому тахистоскопически предъявлялись для опознания изображения объектов. Для каждого последующего предъявления время экспозиции увеличивалось на 0,02 сек. по сравнению с предыдущим. В ходе первых предъявлений ответы испытуемого, оцененные по шкале семантического дифференциала, обычно соответствовали ложно актуализированной категории, поскольку узнать объект сразу было очень трудно. Но с увеличением времени экспозиции, «хотя испытуемый продолжает неправильно категоризовывать

предъявляемый объект как целое, набор сознательно выделяемых признаков более соответствует правильному опознанию, чем набору перцептивных признаков неадекватной категории» [303, с. 32]. Здесь отчетливо схвачен процесс начавшейся «снизу» (от восприятия, но не от ощущения) перестройки перцептивной гипотезы, которая еще не смогла «исправить» неадекватную гипотезу речемыслительного уровня.

В некоторых случаях конфликт между гипотезами перцептивного и мыслительного уровней не может разрешиться, если «высказывания» более высокого или более низкого уровней являются слишком категоричными и опровержение их требует перестройки всей сложившейся системы значений. Последнее имеет место, скажем, во многих иллюзиях восприятия, когда, несмотря на знание о том, что это не соответствует действительности, мы видим объекты такими, как они нам презентуются согласно законам перцептивного уровня. В этих эффектах отчетливо проступает самостоятельность уровня перцептивного отражения, его несводимость к простому «наполнению» чувственным содержанием категорий мышления. В наиболее явной форме эта несводимость выступает в экспериментах с искаженной обратной афферентацией в терминологии П. К. Анохина, при использовании устройств, изменяющих чувственную ткань образа [377; 234; 233]. Но особый интерес представляет реальная деятельность человека в условиях рассогласования концептуальной и перцептивной моделей одной и той же ситуации. Такого рода исследование было проведено Н. Д. Заваловой и В. А. Пономаренко, изучавшими деятельность

158

летчика, управляющего самолетом при полете вниз головой. В этих условиях «правильный зримый образ», который соответствовал бы показаниям приборов, не всегда удается создать [147, с. 28]. Одни летчики полностью полагаются на приборы, игнорируя данные непосредственного восприятия, что ведет к ухудшению деятельности, так как «перекодировка» знаний о пространственном положении на язык реальных движений в нем требует большего времени и чревата ошибками. Поэтому другие пытаются перестроить свое восприятие в направлении его соответствия реальному положению дел, подчинить его знанию. Замечательный факт заключается в том, что этого удается достигнуть лишь за счет временного отключения от восприятия наличной ситуации и попыток визуализировать, мысленно реконструировать тот состав чувственных впечатлений, который должен был бы иметь место при правильном восприятии. Продукт этой визуализации и служит основой для ассимиляции потока чувственных данных в направлении «правильного» видения [147, с. 27].

Интересны факты опредмечивания чувственной ткани на собственно перцептивном уровне вопреки показаниям более высоких уровней. Если с помощью вибраторов раздражать кончики двух пальцев так, что щелчок по одному пальцу осуществляется с задержкой менее чем на 1 мсек по сравнению с другим пальцем, то источник стимульного воздействия будет

локализован где-то между пальцами. Аналогично можно получить локализацию источника ощущений в пространстве между коленями, если стимулировать большой участок внутренней поверхности бедер чуть выше колен [325, с. 192—193]. Представляет интерес и известная с древних времен иллюзия Аристотеля, которая состоит в том, что если скрестить указательный и средний пальцы и ощупать небольшой предмет (шарик или карандаш), касаясь его той стороной среднего пальца, которая обычно соседствует с безымянным, и той стороной указательного, которая обычно обращена к большому, то возникает ощущение, что ощупывается одновременно два разных предмета. Экспериментальное исследование этой и аналогичных ей иллюзий показывает, что они имеют интермодальную природу [36, с. 50].

Более тесная связь сенсорно-перцептивных эффектов с моторикой, нежели с мышлением, показана в экспериментах И. Т. Бжалавы. Испытуемый держал в руке изображение красного треугольника на белом фоне. После завершения темновой адаптации в течение двух секунд осуществлялась засветка изображения, в результате чего возникал последовательный позитивный образ треугольника. Если в это время испытуемый начинал сгибать руку и приближать невидимый в темноте треугольник к глазам или разгибать руку и удалять треугольник, то происходило уменьшение величины последовательного образа в первом случае и увеличение во втором. Этот же эффект наблюдался, если испытуемый сокращал расстояние между невидимым объектом и глазом не за счет сгибания руки, а за счет наклона туловища

159

или сгибания ног (если объект прикреплен к ногам). Однако в случае, когда экспериментатор берет из рук испытуемого объект и сообщает ему, что он приближает его к глазам испытуемого или удаляет от глаз, изменения величины последовательного образа не происходит [48, с. 114—116].

Итак, восприятие человека, с нашей точки зрения, не реактивно, а имеет подлинно активную природу, поскольку «речемыслительный тип регуляции является ведущим в построении не только образа представления, но и образа восприятия» [147, с. 29], хотя, как мы показывали, это утверждение не исключает важнейшей роли процессов реактивного типа как на сенсорном, так и перцептивном уровнях. Реактивные составляющие сенсорно-перцептивных процессов часто обеспечиваются благодаря функционированию врожденных механизмов. Такие механизмы выделяют пространственные признаки (ориентация линий, положение объекта в поле зрения, размер изображения) и временные характеристики. В экспериментах на взрослых показано, что для опознания такого рода признаков не имеет значения величина алфавита (полного набора изображений), в рамках которого происходит опознание. При опознании сложных изображений (предметные рисунки, геометрические фигуры и т. п.) время опознания зависит от всего набора изображений, ожидаемых испытуемым в данной ситуации. В последнем случае наблюдается опознание по типу выдвижения и

проверки гипотез, а сам состав познавательных гипотез может изменяться и оптимизироваться по мере тренировки [111, с. 240].

Наличие реактивных и активных компонентов познавательных процессов, которые обладают определенной самостоятельностью, подтверждают данные об их избирательном нарушении при поражениях отдельных областей мозга. А. Р. Лурия прямо указывает, что «активный характер перцептивной деятельности зависит от участия лобных долей мозга в процессе восприятия» [247, с. 240]. У больных с «лобным синдромом» разрушается общая структура познавательной деятельности, ее целенаправленный характер. В частности, у «лобных» больных нарушается процесс сличения возникших гипотез (в том числе наглядных гипотез в терминологии Лурия) с реально воспринимаемым материалом [245, с. 390, 426]. Вместе с тем, у них наблюдается патологическое усиление произвольных форм внимания [420, с. 121], т. е. человек превращается из существа активного в существо реактивное. Вообще проявление свойств активности и эмоциональности связывают с функционированием лобно-ретикулярного и лобно-лимбического комплексов [113, с. 13].

При нарушении вторичных зон зрительной коры затруднен синтез целостных образов, хотя перцептивная деятельность не теряет направленного и осмысленного характера. Интенсивное подключение высших смысловых уровней для восполнения дефектов в работе собственно перцептивного уровня делает восприятие слишком обобщенным и лишенным конкретности [247, с. 234].

160

При сохранности перцептивного синтеза могут также наблюдаться агнозии — нарушения узнавания предметов вследствие повреждений связи зрительной зоны с незрительными. Эта форма «апперцептивной душевной слепоты» явно связана с невозможностью включить некоторый образ (вернее, его заготовку) в контекст целостного образа мира. Поражение средних отделов височной зоны делает невозможным актуализацию зрительного образа в ответ на слово [421, с. 133]. В результате происходят нарушения как мышления, так и речи. Разрушение первичных корковых зон анализаторов приводит к потере ощущений соответствующей модальности. Подкорковые структуры могут обеспечить лишь обнаружение сигналов и различение простых, длительно действующих стимулов [258, с. 378].

Эксперименты с людьми, у которых была проведена операция рассечения комиссур, соединяющих левое и правое полушария мозга (расщепленный мозг), показали, что изображение, «предъявленное» правому, субдоминантному полушарию, либо называется наугад, либо вообще не вызывает речевой реакции, однако оно может вызывать эмоциональную реакцию, причина которой не осознается испытуемым [91, с. 55]. Это свидетельствует о том, что процесс построения образа осуществляется на некотором уровне, но не достигает сознания, так как не может быть связан с речью — речевые центры находятся в левом, доминантном полушарии. В то же время правое полушарие лучше «выполняет» тесты на пространственное

образное мышление. Но тот факт, что именно левое полушарие является ведущим, свидетельствует о подчиненности процессов собственно перцептивного плана с более выраженной реактивной составляющей процессам речемыслительным, более независимым от конкретной ситуации.

Результаты экспериментов с расщепленным мозгом в определенной мере подтверждают широко обсуждаемую в литературе гипотезу Пайвио о двойном кодировании информации — образном (симультанном, пространственном) и вербальном (сукцессивном, развернутом во времени) [494, с. 263—264]. В то же время существуют данные в пользу единой природы образных и вербальных процессов [186, с. 286]. Связь с разными морфологическими структурами еще не свидетельствует о их принципиально различной природе или достаточно независимом функционировании.

Приведенные выше данные о мозговой организации познавательных процессов свидетельствуют о том, что более активные составляющие этих процессов связаны с функционированием структур, позже появляющихся в эволюции (лобные и височные зоны) и подчиняющих себе более древние образования, в которых господствует рефлекторный принцип работы. Дело, однако, не обстоит таким образом, что над пассивными и реактивными уровнями отражения надстраиваются уровни чисто активного плана. Речь идет лишь о соотношении и степени доминирования того или иного типа регуляции. Каждый уровень не просто использует результаты работы нижележащего уровня, но строит свою целостную

161

систему отражения действительности, в рамках которой другие уровни выполняют роль звеньев в сложной цепи отражательных процессов. Но как всякое отражение познавательные процессы любого уровня с необходимостью должны включать в себя моменты зависимости от отражаемого, определяемости отражаемым, т. е. моменты реактивности и даже пассивности. Сказанное относится и к высшей форме познавательного процесса — мышлению. В нем всегда присутствуют хотя и в разных пропорциях, с одной стороны, репродуктивные тенденции, элементы прямой определяемости мыслительного процесса наличной узкой ситуацией, а с другой стороны, элементы подлинного творчества, выхода за рамки конкретной данности за счет включения ее в более широкий контекст. При доминировании тенденций первого типа фактически происходит редуцирование самой мыслительной деятельности, и в крайних случаях мы наблюдаем почти автоматические речемыслительные реакции [491]. Выход за пределы ситуации осуществляется за счет формирования новых целей в самой познавательной деятельности.

Механизмы целеобразования в мышлении плодотворно исследуются в работах О. К. Тихомирова и его сотрудников [326; 390]. Цель также является одним из видов психического образа, а именно образа будущих результатов действия, соотносенных с мотивами деятельности [326, с. 9]. Тихомиров справедливо замечает, что «среди образов, «возвращающихся из изгнания», явно преобладают образы наличных предметов, а не будущих результатов

действия» [326, с. 6—7]. Но именно последние служат выражением высших форм познавательной активности субъекта. Понятие «образ-цель» в таком же контексте разрабатывается Б. Ф. Ломовым и В. Д. Шадриковым [241, с. 217—219].

**

*

До сих пор мы рассматривали активность познавательных процессов как меру включенности знаний более высоких уровней в знание более низкого уровня, ассимиляции вторых первыми. Эти механизмы действуют в рамках самой когнитивной сферы, реализуют ту или иную познавательную деятельность. В этом смысле высшие формы обобщенного знания генерируют познавательные гипотезы для ассимиляции знания конкретного, включения его в целостный образ мира. Однако активность человека в познании не сводится только к реализации той или иной познавательной деятельности. В не меньшей, если не большей степени, активность проявляется в самом выборе предмета деятельности и тех средств, с помощью которых можно рассчитывать на достижение потребного результата, а такой выбор всегда опирается на некоторое предварительное, глобальное знание, в котором соотнесены потребности человека (в том числе и познавательные) и реальные возможности их удовлетворения. Даже решая чисто интеллектуальные

162

задачи, прежде чем начать думать «в определенном направлении», мы должны получить хотя бы грубую предварительную оценку возможности успеха на этом пути. Такая оценка обычно дается в форме эмоционального предзнания, предчувствования позитивного результата. Именно в эмоциях, которые контролируют ход деятельности со стороны ее успешности или неуспешности, происходит соотнесение, или одновременное отражение, как субъективных условий деятельности (потребностно-мотивационной сферы), так и объективных внешних условий, в которых может быть развернута деятельность.

В. Н. Мясищев подчеркивает, что в эмоциях на первый план выступает отношение человека к действительности, которое, тем не менее, всегда находится в единстве с отражением, поскольку отношение к чему-то не может существовать без той или иной формы представленности того, к чему человек относится [274, с. 129]. Из сказанного следует, что отражение в форме эмоции должно предшествовать собственно познавательному, более объективному отражению. Последнее разворачивается в направлении тех объектов, которые отмечены более сильным «вектором» отношения [51, 2, с. 336; 166, с. 123; 455, с. 164]. Экспериментальные подтверждения этого положения получены Е. Ю. Артемьевой, которая назвала «первовидением» тот ранний этап процесса восприятия, на котором «грубо выясняется отношение объекта и субъекта (хорош ли, не опасен ли?)» [26, с. 32]. На этапе «второвидения» объект отдается на поаспектное анализирование классифицирующими системами.

Результаты первичного восприятия и грубой эмоциональной оценки могут привести к тому, что объект не будет воспринят на сознательном уровне [197, с. 69]. Именно этим объясняются крайние случаи перцептивной защиты, называемой иногда эмоциональной защитой, психологической слепотой, вытеснением [197, с. 69]. Возможность эмоциональной реакции без осознания раздражителя была показана в описанных выше экспериментах на людях с «расщепленным мозгом», когда эмоциогенное изображение «показывается» только правому полушарию. Весьма сильно эмоциональная составляющая проявляется в восприятии другого человека [333, с. 191; 53, с. 128].

Законы эмоциональной жизни обладают определенной самостоятельностью, поэтому их влияние на познавательные процессы может выступать в качестве внешнего фактора, который, однако, не только может приводить к игнорированию некоторой информации, ошибкам и иллюзиям, но прежде всего определяет эффективность функционирования познания, богатство и тонкость получаемой информации [274, с. 129]. Аффективные следы обладают особой прочностью и яркостью; основанная на них память генетически первична по отношению к образной, а тем более логической [51, 2, с. 142]. Все это делает эмоционально-мотивационную сферу мощным фактором, определяющим прежде всего направление генерируемых образом мира познавательных гипотез и общую оценку

163

их правдоподобия, т. е. вероятность подтверждения или опровержения. Принципиально важно, что эмоциональная составляющая выступает активным компонентом познавательного процесса на любом уровне. Эмоции повышают чувствительность к специфическим, связанным с ними раздражителям [333, с. 195] и оказывают прямое влияние на результат мыслительного процесса, так что человек скорее нарушит законы логического вывода, нежели придет к заключению, противоречащему его общим оценкам и предпочтениям [476; 499].

Активная роль эмоций в познании, как и активность познавательных образов, также часто сводится к эмоциональным реакциям, возникающим в ответ на те или иные стимульные воздействия. В отличие от такого понимания роли эмоций развиваемый здесь подход предполагает, что как предметное значение, так и эмоционально-личностный смысл строящегося образа заданы всем контекстом деятельности человека, его образом мира, и поэтому предшествуют в функциональном плане наличной стимуляции, а не извлекаются из нее за счет бесконечно усложняющейся обработки чувственных данных. Эмоциональная реакция на раздражитель, разумеется, может иметь место, но лишь как следствие усиления или дискредитации той эмоциональной оценки ситуации, которая предшествовала наступившему эмоциогенному событию. Со всей отчетливостью это проступает в тех случаях, когда эмоциональная реакция происходит «в ответ» на ненаступление некоторого события.

Как на уровне познавательного, так и эмоционального отражения мы фактически имеем дело с отражением не столько настоящего, сколько будущего. В самом определении отражения в живой природе как опережающего, антиципирующего [16; 101; 242 и др.] содержится указание на прогноз как главную функцию психики. Самой элементарной основой такого прогноза является периодичность процессов во внешней среде [215, с. 133; 270, с. 130]. Правда, признавая такую направленность на будущее психического отражения, обычно полагают, что отражение будущего строится на основе отражения настоящего. Сначала мы оцениваем то, что есть, а затем пытаемся оценить, во что оно может превратиться. Такой ход мысли представляется нам неприемлемым. Можно говорить лишь о более далеком и более близком будущем, называя последнее психологическим настоящим. Но на самом деле будущее непосредственно переходит в прошлое, и в фундаменте отражения лежит его прогностический характер. Он вытекает из самой функции отражения. Грубый и быстрый прогноз по наиболее значимым факторам дается в форме эмоционального отражения, а более точный, детальный, соответственно, менее оперативный — с помощью разворачивающейся во времени познавательной деятельности, предметом которой становятся события, предварительно выделенные и «помеченные» эмоциями.

Формирование целей практической и познавательной деятельности является важнейшим результатом опережающего и одновременно

164

преобразующего действительность сознательного отражения. В последнее время успешно разворачиваются исследования физиологических механизмов «целевого» отражения» [427; 133; 433].

Итак, в дополнение к девяти характеристикам образа мира, которые, разумеется, не претендуют ни на полноту, ни на непересекаемость, можно добавить десятую характеристику: прогностический характер образа мира, его направленность на отражение не того, что есть, а того, что будет в ближайшем или более отдаленном будущем. Фактически мы живем не в том мире, каким он является каждую данную долю секунды, а в том мире, каким он будет через некоторый промежуток времени. Психологическое настоящее — это спрессованное будущее. И это будущее часто для нас психологически реальнее, чем настоящее, можно даже сказать вслед за Н. А. Бернштейном, что оно и «физиологически реально» — в результате может наступить «смерть от страха ожидания смерти» [46, с. 282]. И тот факт, что в данный момент человеку ничто не угрожает, отступает на задний план перед ожидаемой в будущем опасностью, которая на самом деле может и не существовать.

§ 4. Реализация принципа активности в понятии «образ мира»

Возвращаясь к сформулированному в первой главе принципу активности, рассмотрим, в какой мере удалось реализовать его в предлагаемой

интерпретации понятия «образ мира», соответственно трем выделенным параметрам активности.

1. Понимание образа мира как непрерывно генерирующего познавательные гипотезы, которые идут навстречу миру и которые сформулированы в том числе на языке проксимальной стимуляции, предполагает, что любой, даже самый элементарный познавательный акт, завершающийся построением субъективного образа, начинается по инициативе субъекта, т. е. имеет в качестве первого звена процесс, детерминированный внутренней самообусловленностью субъекта. Это представление соответствует формуле А. Н. Леонтьева о том, что «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет». Если перевести это положение на условный язык схем, то можно сказать, что любой познавательный акт идет не по схеме С — (стимул) — О (образ) — Р (реакция) и даже не по схеме С1—О1—Р1—С2—О2 и т. д., а скорее по схеме О1—С1—Р1—О2—С2—Р2 и т. д. в том случае, если познавательная деятельность возникает в ответ на рассогласование прогнозируемой стимуляции и реально поступающей на вход (подчеркиваем не любой стимуляции, а прогнозируемой и не самой стимуляции, а рассогласованием ее с ожидаемой). Однако чаще, по-видимому, познавательная активность начинается не с акта уже совершившегося рассогласования, а с действия, пробующего, тот ли мир, за что

165

он себя выдает, соответствует ли моей гипотезе. Тогда познавательный акт приобретает вид О1—Д1 (действие) — С1 (модифицированная действием стимуляция) — О2—Д2—С2 и т. д.

2. Такая интерпретация познавательного акта делает его относительно независимым от непосредственно данной наличной ситуации, ибо формирование познавательных гипотез осуществляется на основе гораздо более широкого контекста, т. е. с участием событий, далеко отстоящих во времени и пространстве от момента инициации акта.

3. Наиболее важный момент реализации принципа активности состоит в интерпретации познавательных процессов как особых форм человеческой деятельности. Но сам образ, как мы отмечали выше, не может быть сведен к деятельности, растворен в ней. В то же время, нельзя не согласиться с замечанием Н. Ф. Талызиной, что в образе самом по себе теряется специфика психики как деятельности [382, с. 30]. Отсюда следует, что образ есть момент движения деятельности. В. В. Давыдов следующим образом формулирует эту проблему: «Главными процессами деятельности выступают интериоризация внешней ее формы, приводящая к субъективному образу действительности и экстериоризация ее внутренней формы как опредмечивание образа, как его переход в объективно идеальное свойство предмета» [125, с. 40]. Рассматривая во втором параграфе центральную проблему главы — соотношение образа и деятельности, мы более подробно остановились на зависимости целостного образа мира от деятельности в генетическом плане и необходимости отражения в образе мира самой деятельности. Но при анализе

активной природы психического образа на первый план выступает именно зависимость деятельности от образа — процесс опредмечивания образа, раскрывающийся в ходе функционального анализа.

Понимание образа как момента движения деятельности действительно уничтожает его самоактивность, возможность непосредственного взаимодействия образов [382, с. 30]. Но если активность образов в форме их непосредственного взаимодействия теоретически неприемлема, то иницирующее и регулирующее влияния образов на деятельность (прежде всего образов-целей) являются модусом их существования. Именно активное функционирование образов в деятельности, их влияние на деятельность, продуктами которой они сами являются, служит основанием для выделения образа в самостоятельную реальность, не сводимую к деятельности.

Но такая взаимозависимость образа и деятельности, их влияние друг на друга порождает еще одну трудную проблему, на которую указывает, в частности, К. А. Абульханова-Славская: «Откуда в плане функциональном может возникнуть совершенно специфическая для психики регуляторная ее функция по отношению к деятельности, если сама психика выведена из деятельности и ее существенные определения совпадают (если не тождественны) с определениями материальной предметной деятельности

166

человека» [6, с. 240]. Б. Ф. Ломов справедливо отмечает, что трудно предложить универсальную формулировку связи психического отражения и деятельности [240, с. 124]. Такая связь действительно по-разному выступает в плане генетического и функционального анализов, на что указала Абульханова-Славская. По мнению В. П. Зинченко отмеченное ею противоречие является не формальным, а содержательным и даже конструктивным [154, с. 9]. А. Г. Шмелев считает, что «взаимоотношение психики и деятельности нельзя описать с позиций классической логики, так как здесь мы находим яркий пример парадоксального множества, содержащего себя в качестве элемента» [429, с. 57]. Это однако не отменяет, а напротив, предполагает необходимость дальнейшего всестороннего анализа проблемы образ (психика) — деятельность.

Чтобы активность психики (образа) в функциональном плане не вступала в формальное противоречие с ее зависимостью от деятельности в плане генетическом, нужно показать активные обратные влияния образа на деятельность уже в рамках генетического анализа. С другой стороны, мы обязаны показать активную роль действия, деятельности, как она обнаруживается в функциональном плане. Вопросы эти мы до сих пор не обсуждали. Важный материал для ответа на них содержит теория психических действий (прежде всего действий перцептивных) [149; 150; 15; 92; 84; 78; 317; 318; 100; 158; 409; 436; 382; 116 и др.], а также разработанные в ее рамках представления об оперативном образе. Особое значение для построения «моста» между образом и действием имеют представления об эффекторном оперативном образе [298; 299].

Пропасть между образом и действием была бы непреодолима, если бы действия рассматривались лишь как «вспомогательный инструмент, производящий отбор нужной информации, создающий оптимальные условия для ее переработки» [78, с. 74]. Но в теории перцептивных действий они рассматриваются «как механизмы самого построения образов», входят в самую плоть образа [78, с. 74]. По предположению Н. Н. Поддьякова, существует два типа таких действий: «Один тип — внутренние действия как результат интериоризации внешних действий... Второй тип — действия, формируемые одновременно с формированием внешнего действия как его управляющее звено..., благодаря чему внешнее действие выступает как единое целостное образование... Такие действия по своему содержанию и структуре принципиально отличаются от внешних действий, в тесной связи с которыми они формируются» [318, с. 14].

Отправляясь от этих положений, можно указать на активную роль образа в генетическом плане и активную роль действия в плане функциональном. Так, прежде чем сформируется любая новая деятельность или новое действие, которые приведут к возникновению новых образов, вернее, к обогащению образа мира, эта деятельность или действие должны быть как-то отражены на основе

167

уже существующих образов [148, с. 202]. Без активной ассимиляции имеющейся системой образов демонстрируемого образца новой деятельности эта деятельность не сможет быть воспроизведена даже во внешней материальной форме. Именно тот тип внутренних перцептивных действий в плане образа, согласно Поддьякову, придает целостный и связный характер любой внешней деятельности, выполняет роль воссоздания образца этой деятельности «из материала, имеющегося в распоряжении субъекта» [78, с. 75]. Без такого активного воссоздания образца, под контролем которого строится новая деятельность, последняя не сможет сыграть свою ведущую роль в развитии отражения.

Другое дело, что будучи реализована, новая деятельность испытает на себе сопротивление внешней реальности, отразит ее в своей структуре и создаст в качестве своего продукта новый, более совершенный и адекватный образ. Этим она проявит свое ведущее значение в плане развития отражения, в плане функционирования новых образов. Этим она обнаружит свою роль посредника, через которого объективная реальность входит в сферу нашей субъективности, обогащает ее. Процессы такого рода обеспечивают одно из двух главных направлений деятельности — переход объекта в субъект, объективного свойства в его субъективный образ. Вторая линия движения деятельности — переход субъекта в объект, объективация и опредмечивание субъективного образа — осуществляется при ведущей роли образа, направляющего и регулирующего процесс деятельности.

Но и здесь не менее очевидна активная роль движения, действия, деятельности. В самом деле, актуализация того или иного образа (или фрагмента образа мира, в нашей терминологии) всегда осуществляется в

контексте задач текущей деятельности. В бодрствующем состоянии мы никогда не прекращаем действовать. Так называемое бездействие — это тоже форма действия. Ведь принятие решения о «недействии» в той или иной ситуации часто является очень ответственным, приобретает характер подлинного поступка и предъявляет не меньше, если не больше, требований к внутренней деятельности в плане образа.

Все, что было сказано выше о соотношении образа и внешней чувственно-материальной деятельности, можно повторить с небольшими поправками и по поводу соотношения образа и деятельности внутренней, осуществляющейся в форме विकарных перцептивных действий, по В. П. Зинченко, действий мнемических, умственных и т. д. Различие, в частности, состоит в том, что объектом такой деятельности являются ранее усвоенные знания в форме других образов или средств деятельности (законы логики, например).

Учитывая изложенное, можно дать следующий ответ на безусловно обоснованный вопрос К. А. Абульхановой-Славской, приведенный выше. Психика именно потому может стать активным началом и подчинить себе деятельность в функциональном плане, направлять и регулировать ее, что и в процессе своего функционирования

168

она не выступает как лишенное всякой самостоятельности начало, полностью зависимое от деятельности, однозначно определяемое ею. Психика выполняет активную роль на всех этапах развития системы «деятельность — образ», начиная с самых первых движений и действий ребенка. Другое дело, что доминирование генетического подхода привело к тому, что эта активная роль психики не исследована достаточно полно и ее ведущая роль в функциональном плане редко подчеркивается.

Подводя итоги обсуждению сущности познавательной активности в процессах порождения и функционирования познавательного образа, отметим, что она заключается не в селективности отражения (сама по себе селекция может быть обеспечена и за счет пассивных фильтров) и не может сводиться к участию моторики в этих процессах (моторика — если говорить именно о факте присутствия движений, а не о целенаправленных действиях — часто носит рефлекторный характер). Активность нельзя отождествить и с процессом выдвижения и проверки гипотез, так как выбор интерпретаций и проверка их адекватности для навязанного извне стимула вполне доступны простым реактивным автоматам. Подлинное существо познавательной активности состоит в способности человека строить исходя из широкого контекста индивидуального и усвоенного общественно-исторического опыта прогностическую модель, вернее, образ мира, непрерывно генерирующий познавательные гипотезы на всех уровнях отражения, в том числе и на языке «чувственных модельностей». Эта способность человека к предварительному синтезу того, что должно быть проанализировано (ср. «анализ через синтез» у С. Л. Рубинштейна) и есть высшее выражение познавательной активности.

Разумеется, всякий раз необходимо делать оговорку, что это лишь одна сторона познавательной деятельности. Последняя не может осуществляться без опоры на процессы реактивного и даже пассивного характера. Но именно эта сторона познавательных процессов обеспечивает им характер деятельности, отличает их от процессов, протекающих на более низких уровнях отражения. В этом смысле принцип активности выступает как ведущий, подчиняющий себе принципы реактивности и пассивности. Однако абсолютизация его, отрыв активной составляющей человеческой деятельности от ее реактивных и пассивных компонентов недопустимы.

169

Глава IV

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ АКТИВНОСТИ СУБЪЕКТА В ПОСТРОЕНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА

Формулируя основные положения настоящей работы, мы опирались в основном на теоретико-методологические разработки проблем активности отражения, а также на накопленный психологией огромный материал эмпирических наблюдений и экспериментальных данных, позволяющий вычлнить и описать различные компоненты активности субъекта в ходе построения психического образа и использования его в регуляции деятельности. Однако целый ряд вопросов в этой области требует дальнейшей, экспериментальной проработки.

В настоящей главе будут представлены результаты четырех циклов экспериментальных исследований, проведенных автором или под его руководством в 1967—1983 гг. Они касаются роли моторной активности в восприятии стохастических изображений; соотношения процессов построения образа и его активного использования для регуляции поведения; взаимосвязи уровней перцептивной и интеллектуальной активности; влияния активности субъекта по построению познавательных гипотез на восприятие стимульного материала.

§ 1. Специфика активности субъекта при восприятии стохастических изображений¹

Мы отмечали в предыдущей главе, что процесс восприятия, активность субъекта в ходе построения образа в значительной степени зависят от контекста всей ситуации, целей и задач деятельности, степени осмысленности материала, личностных установок субъекта и т. п. Все эти факторы определяют характер выдвигаемых субъектом перцептивных гипотез и особенности процессов их проверки и принятия решений. Первоначально, однако, основные характеристики процесса восприятия как специфической деятельности были получены на объектах, допускающих использование в качестве основания для выдвижения первичных гипотез процессов мышления. Это связано с применением в качестве стимулов изображений, включенных в определенный смысловой контекст. Именно с

опорой на этот смысловой контекст и строится процесс выдвижения и проверки перцептивных гипотез.

170

Даже в тех случаях, когда в экспериментах использовались бессмысленные фигуры, для распознавания их испытуемому приходилось заучивать алфавит изображений и набор дифференцирующих признаков, которые служили основанием для включения в процесс выдвижения и проверки гипотез достаточно развернутых рассуждений вербального типа. Правда, при свертывании процесса восприятия выделение признаков воспринимаемых объектов становится как бы автоматическим [92; 428; 319; 119 и др.]. Но вопрос заключается в том, чтобы доказать, что даже при восприятии самых простых сенсорных качеств недостаточно чисто рефлекторных механизмов, а необходима развернутая деятельность в форме выдвижения и проверки гипотез, принятия решений. Наличие такой сложной структуры сенсорно-перцептивных процессов было показано в психофизических экспериментах при предъявлении околопороговых стимулов [350; 144]. Работа по обнаружению или дифференциации таких стимулов имеет характер подлинной сенсорно-перцептивной деятельности и несет на себе отпечаток личности испытуемого [57, с. 97; 355, с. 311; 383, с. 63; 190, с. 234; 191, с. 75; 243, с. 175]. Принципиально важно, что в психофизических экспериментах обнаружено «многократное преобразование, искажение, восстановление и разрушение «истинной» сенсорной информации, образованной под прямым воздействием потока входных сигналов» [145, с. 23]. Исследования А. И. Миракяна показали, что само отражение «искаженных» отношений является существенным и внутренне необходимым этапом на пути к отражению адекватному [267, с. 106].

Значительный интерес представляют явления мерцания формы на ранних стадиях построения зрительного образа при постепенном улучшении условий восприятия [236, с. 227—228]. За этим явлением, по-видимому, стоит процесс смены гипотез, которые не могут быть верифицированы из-за недостатка сенсорных данных. Специально анализируя вопрос о выборе гипотезы в сложных условиях опознания, В. Ф. Рубахин отмечает, что в основе этого процесса лежит использование предынформации, анализ признаков, сравнение сформированного образа с мысленными эталонными образами. «Процессу выбора гипотезы соответствует пороговая область, лежащая между обнаружением и окончательным опознанием» [339, с. 166]. Однако процессы выдвижения и проверки гипотез, хотя несколько другого типа, другого уровня, имеют место и при обнаружении сигнала. Согласно Е. Н. Соколову, нервная модель стимула фиксирует и экстраполирует все характеристики стимульной ситуации и их изменения, т. е. возникновение несоответствия прогнозируемых характеристик стимуляции с реальной запускает ориентировочную реакцию и ведет к обнаружению изменения стимула, его исчезновения или появления нового [369, с. 252]. О том, что речь идет не о простом воздействии стимула, а именно о неподтверждении

некоторого «ожидания», прогнозируемого качества стимула с его реальными характеристиками, наиболее убедительно свидетельствует факт возникновения

171

реакции в ответ на исчезновение раздражителя, где физическое воздействие стимула, вызвавшего реакцию, вообще отсутствует [370, с. 27]. Именно ориентировочная реакция, «интимно включенная в процесс обнаружения сигнала», приводит в действие механизм принятия решения [269, с. 67].

Таким образом, процесс выдвижения и проверки гипотез, принятия решений осуществляется на всех уровнях сенсорно-перцептивного цикла. При этом он строится «по принципу прогрессивной классификации, скачкообразно проходя через несколько уровней различной степени информативности... от уровней с очень большой энтропией к уровням с суженным информационным содержанием. В зависимости от задачи и физических условий опыта выбор гипотезы может быть реализован на разных уровнях. Знание предынформации дает возможность непосредственного выхода на наиболее категориальный уровень, минуя промежуточные» [339, с. 166].

Задача экспериментов, изложенных в настоящем параграфе, как раз и заключалась в изучении одного из промежуточных уровней сенсорно-перцептивного процесса, которому до сих пор не уделялось достаточного внимания. Речь идет о восприятии статистически неоднородных участков зрительного поля в условиях максимально обедненного содержательного контекста. Эта задача наиболее непосредственно апеллирует к перцептивному уровню психического отражения, поскольку, с одной стороны, сведено к минимуму влияние высших смысловых уровней, опора на которые позволяет упростить решение задачи на нижележащих уровнях; а с другой стороны, снимаются некоторые проблемы собственно сенсорного уровня, в частности, связанные с обнаружением стимула.

Статистическая однородность или неоднородность участков зрительного поля является одной из основных характеристик зрительных стимулов. Способность различать объекты с разными статистическими характеристиками свойственна не только человеку и высшим животным, но даже насекомым [286]. Статистический анализ зрительных стимулов возникает, по всей видимости, на относительно ранних стадиях зрительного процесса. Даже при сильных локальных повреждениях зрительной коры и выраженной зрительной агнозии способность различать статистически неоднородные тест-объекты сохраняется на достаточно высоком уровне [117]. Аналогичные результаты получены и на животных [323].

Однако те или иные части реальных объектов нельзя описать с помощью только одного статистического показателя, поэтому изучение процесса восприятия статистически однородных участков должно начинаться с самых простых объектов — специально синтезированных тестовых стимулов. Статистические характеристики, на основе восприятия которых

осуществляется дифференциация частей объекта, задаются в этом случае заранее. Для получения объективных индикаторов процесса восприятия статистических

172

характеристик объекта, который обычно протекает достаточно быстро, в наших экспериментах был использован метод регистрации движений глаз (по Ярбусу) [440]. Всего было проведено три серии экспериментов.

Серия I. В качестве тест-объектов применялись двухградационные черно-белые изображения типа текстур, т. е. изображений, которые можно считать статистически однородными по одному или нескольким параметрам. Каждый объект состоит из двух участков, условно названных «фоном» и «фигурой» с различными статистическими характеристиками. Использовались лишь самые простые из этих характеристик, так называемые статистики первого и второго порядков. Статистика первого порядка задается вероятностью (частотой) черных элементов ($Pч$), т. е. отношением числа черных элементов к полному числу дискретных отсчетов яркости. Сами отсчеты были статистически независимыми. Статистика второго порядка задавалась простой Марковской цепью. Другими словами, статистика второго порядка характеризуется вероятностью переходов от черного элемента к белому и от белого к черному. Вероятность как черных, так и белых элементов в этих случаях составляла 0,5.

Фон всегда задавался статистикой первого порядка и во всех случаях $Pч=Pб=0,5$. Фигура в одном случае отличалась от фона частотой элементов $\Delta P=0,5 — Pч$, а в другом случае частота черных элементов для фигуры и фона была одинаковой ($\Delta P=0$), и фигура отличалась от фона статистической зависимостью между элементами (дельта перехода $\Delta 2=0,5 — Pп \neq 0$), в то время как фон задавался статистически независимыми отсчетами. Были синтезированы два типа тестов — круглые и прямоугольные; граница между фигурой и фоном всегда задавалась прямой линией. В прямоугольных тестах граница располагалась под углом 90° или 180° , но не всегда проходила через центр, так что площадь фигуры могла составлять 0,25; 0,5 или 0,75 площади всего теста (см. рис. 2, а). В тестах, имевших круглую форму, она всегда проходила через центр под углом 0° , 45° , 90° , 135° и 180° (см. рис. 2, б). Каждый тест был выполнен в четырех вариантах, которые отличались друг от друга вероятностью черных элементов ($Pч=0,3$) и ($Pч=0,4$) и порядком статистики, задающей фигуру ($Pп=0,3$ и $Pп=0,4$). Все тесты были получены с помощью печатающего устройства, соединенного с ЭВМ, генерирующей последовательность элементов на основе программы, реализующей изложенные выше требования.

Методика проведения экспериментов и результаты.

Тест-объекты предъявлялись на экране с помощью проектора. Угловые размеры изображений составляли для круглых тестов 9° (в диаметре) и для прямоугольных $9^\circ \times 13,5^\circ$. Размер одного элемента всегда составлял 5 угловых минут. Эксперименты проводились в условиях бинокулярного зрения; движения правого глаза регистрировались с помощью фотооптической

методики, позволяющей получить временную и пространственную развертку. В опытах принимало участие трое испытуемых, с каждым из которых было проведено по две пробы с использованием всех вариантов тестов.

Перед началом опыта испытуемого знакомили с образцами объектов и сообщали ему обо всех вариантах расположения границы между текстурами с различными статистиками. Таким образом, задача испытуемого сводилась к выбору внутри заранее известного алфавита изображений. Перед опытом испытуемому давалась следующая инструкция: «После поднятия шторы переведите взгляд на объект и рассматривайте его до тех пор, пока не увидите границу между участками объекта, имеющими различную статистическую структуру. Затем немедленно переведите взгляд на точку фиксации слева и лишь после этого сообщите о местоположении границы. Старайтесь работать быстро, но без ошибок». Ответ испытуемый давал путем нажатия кнопки. Каждое положение границы было закодировано последовательностью длинных и коротких нажатий. Все коды были тщательно выучены испытуемым и отработаны в тренировочных опытах на образцах.

173

Рис. 2. а) Образец тест-объекта с прямоугольной внешней формой. Вероятность белых элементов «фигуры» (P_b)=0,3; S фиг. = 0,5; $\alpha=90^\circ$.

б) Образец тест-объекта с круглой внешней формой. Вероятность черных и белых элементов для фигуры и фона одинакова, но вероятность перехода (перепада яркости) (P_p) для фона равна 0,5, а для фигуры — 0,3; $\alpha=135^\circ$.

При количественной обработке полученных записей движений глаз в каждом отдельном случае обнаружения отличительного признака опознаваемого изображения — границы объекта подсчитывались числовые значения следующих показателей:

- а) правильность обнаружения границ между текстурами;
- б) количество фиксаций взора по всему объекту (N);

174

- в) отношение числа фиксаций в объектах с неравными площадями;
- г) число пересечений линией взора границ между текстурами (K);
- д) амплитуда скачков глаза при смене фиксаций (A) (величина оперативного зрительного поля);
- е) величина отстояний фиксаций от границы (B);
- ж) длительность фиксаций (T).

Для показателей A , B , T составлялись числовые ряды по каждому опыту. Вычислялись средние арифметические и средние квадратические отклонения для всех показателей в каждом опыте.

После определения показателей подсчитывалась эмпирически найденная корреляционная функция где N — общее число фиксаций взора на объекте, а n — порядковый номер фиксаций;

$f_n =$

1

–1

— если фиксация расположена на «фигуре»

— если фиксация расположена на «фоне»

Поскольку дифференциация текстур, отличающихся статистикой первого порядка, происходила быстро и практически безошибочно — за две-три фиксации — для экспериментов с этими объектами количественная обработка ограничивалась только данными, приведенными в табл. 1. Для объектов, характеризующихся статистическими различиями второго порядка, дополнительные результаты представлены в табл. II.

Таблица I

Порядок

статистики

$\Delta 1P$

$\Delta 2P$

Правильность

ответов (в %)

Среднее число

фиксаций N

σN

I

0,2

0

100

2,6

0,8

I

0,1

0

95

4,9

2,2

II

0

0,2

95

8,3

3,9

II

0

0,1

62

26,8

14,3

Обсуждение результатов. Как видно из табл. I, задача выделения фигуры сложнее, когда фигура отличается от фона вероятностью перехода от одного элемента к другому, а не вероятностью самих элементов. Увеличение статистических различий между фигурой и фоном, т. е. возрастание $\Delta 1P$ и $\Delta 2P$ делает эту задачу более легкой.

Оперативное зрительное поле для объектов, характеризующихся статистикой первого порядка, очень велико и иногда превышает размеры всего объекта, а при выявлении статистических

175

различий второго порядка оно значительно меньше ($2,2^\circ$ — $2,4^\circ$). Это объясняется тем, что различие в статистиках первого порядка приводит к различию яркостей фигуры и фона, которые хорошо воспринимаются периферией сетчатки. Различия этих показателей для объектов со статистическими характеристиками первого и второго порядка достоверны с высоким уровнем значимости ($p \leq 0,001$).

Анализ эмпирических коэффициентов корреляции, отражающих тенденцию к пересечению линией взора границы между текстурами, показывает, что в случае сложного и развернутого во времени поиска последующая фиксация чаще расположена с той же стороны, что и предыдущая ($K(1)=+0,09$ для $\Delta P=0,2$ и $K(1)=+0,34$ для $\Delta P=0,1$). Тот факт, что при большей выраженности границы линия взора чаще ее пересекает, свидетельствует о предпочтительности способа последовательного сравнения способу одновременной суммации.

Таблица II

Правильные ответы (в %)

Число фиксаций

K (1)

A ($^\circ$)

B ($^\circ$)

T (мсек)

Ns = 0,25

Ns = 0,75

$\Delta 2P$

0,3

0,4

0,3

0,4

0,3

0,4

0,3

0,4

0,3

0,4

0,3
0,4
0,3
0,4
Исп.

М
σ
М
σ

М
σ
М
σ
М
σ
М
σ

Я.
95
70
7,6
4,1
28,1
19,0
+0,27
+0,34
2,2
1,0
2,7
0,8
1,2
0,7
1,8
0,9
346
306
0,5
0,2
К.
95
60
5,1

2,8
22,1
11,0
-0,06
+0,37
2,2
0,9
2,5
0,7
1,2
1,0
2,0
1,1
246
276
0,9
0,4
M.
95
55
11,4
4,8
30,3
17,0
+0,07
+0,30
2,1
0,75
2,1
0,65
1,75
1,0
1,85
1,1
259
264
0,3
0,1
Средн.
95
62
8,3
3,9
26,8
14,3

+0,09
+0,34
2,2
0,88
2,4
0,78
1,4
0,9
1,9
1,05
283
282
0,55
0,2

Сопоставление значений такого показателя, как V (отстояние фиксации от границы объекта), свидетельствует о том, что в случае выраженной границы ($\Delta P=0,2$) район поиска в большей степени определяется самой границей ($V=1,4^\circ$), чем в случае слабо выраженной границы ($\Delta P=0,1$), когда зрительная система осуществляет поиск границы по большей площади изображения ($V=1,9^\circ$). В обоих случаях процесс обнаружения границы носит не случайный характер. При случайном распределении фиксаций по объекту следовало бы ожидать, что для объектов с прямоугольной внешней формой и неравными площадями граничащих текстур отношение числа фиксаций на меньшей части

176

объекта ($N_s=0,25$) к числу фиксаций на большей части объекта ($N_s=0,75$) будет пропорционально отношению площадей (0,33). Для объектов со слабо выраженной границей это отношение оказалось равным 0,23, а для объектов с более выраженной границей — 0,55. Этот результат говорит о том, что чем сильнее выражена граница, тем в меньшей степени фиксации распределяются по частям объекта пропорционально их площади и тем более равномерно распределены они между участками объекта, расположенными по разную сторону от границы, вопреки различию в площадях.

Одним из основных и наиболее интересных фактов, полученных в наших экспериментах, можно считать выявление следующей закономерности в глазодвигательном поведении: чем больше статистические различия между текстурами, тем в большей степени средние характеристики пространственного распределения фиксаций отличаются от случайного распределения их на объекте. Иначе говоря, чем резче выражена граница, тем в большей степени параметры двигательного поведения глаза определяются ею: линия взора чаще пересекает границу (об этом говорит сравнение эмпирических показателей корреляции), фиксации в среднем ближе расположены к границе, а отношение количества фиксаций на фигуре и фоне в большей степени определяется не отношением их площадей, а принадлежностью к разным текстурам.

Тот факт, что местоположение границы влияет на глазодвигательное поведение еще до того, как оно осознается на субъективном уровне и испытуемый может дать о нем отчет, свидетельствует о наличии отражения местоположения границы на более низком уровне, чем уровень сознания. Иногда этот уровень называют уровнем системы в отличие от уровня субъекта. Можно выдвинуть гипотезу, согласно которой движения глаз участвуют в процессе «поднятия» первоначально неосознанного восприятия границы на более высокий уровень сознательного принятия решения; иными словами, в переводе отражения местоположения границы, осуществляемого на уровне зрительной системы, на субъектный уровень.

Как анализ объективных результатов описанных экспериментов, так и отчеты испытуемых свидетельствуют о том, что процесс поиска границы между текстурами имеет форму выдвижения и проверки гипотез.

Подводя итоги I серии экспериментов, можно констатировать, что (1) уменьшение степени выраженности границы между текстурами вызывает усиление роли глазодвигательной активности, при этом изменяются и функциональные характеристики работы зрительной системы; (2) чем резче выражена граница между текстурами, тем в большей степени параметры движений глаз отличаются от случайного и определяются местоположением границы. Есть основания предполагать, что глазные движения выполняют функцию «перевода» первоначально неосознаваемого ощущения границы на более высокий уровень сознательного отражения;

177

(3) процесс восприятия и в этих условиях осуществляется в форме выдвижения и проверки гипотез.

Серия II. В первой серии экспериментов задача испытуемого была несколько облегчена тем, что он заранее знал алфавит предъявляемых изображений и возможных ответов. Во второй серии испытуемый должен был осуществлять поиск не прямолинейной границы между текстурами, а вертикально или горизонтально расположенных прямоугольных участков размером $6,5^\circ \times 3,3^\circ$; $4,5^\circ \times 2,3^\circ$; $3,2^\circ \times 1,6^\circ$ (1600, 800 и 400 элементов) на фоне прямоугольной формы размером $11^\circ \times 18^\circ$; размер одного элемента составлял $7'$. Местоположение фигуры на фоне варьировало случайным образом. Фигура отличалась от фона статистикой второго порядка $\Delta 2P=0,3$ и $\Delta 2P=0,4$ (см. рис. 3). В остальном методика воспроизводила условия первой серии опытов. Эксперименты были проведены на двух испытуемых по несколько проб на каждое условие, усредненные результаты которых приведены в табл. III.

Рис. 3. Образец тест-объекта: S фигуры = 1600 элементов, R_p для фигуры = 0,3, а для фона = 0,5.

Результаты показывают, что уменьшение статистических различий между фигурой и фоном, как и уменьшение площади фигуры, затрудняет обнаружение фигуры. Различия общего числа фиксаций, а также числа повторных фиксаций на фигуре при переходе к фигурам меньших размеров, а

также при уменьшении статистических различий между фигурой и фоном достоверны с

178

уровнем значимости $p \leq 0,01$. Причем имеет место как бы «обмен» статистических различий на размер. Так, число фиксаций глаз, необходимых для обнаружения фигуры размером 400 элементов и $\Delta P_n = 0,2$, составляет 10, а число фиксаций для фигуры размером 1600 элементов и $\Delta P_n = 0,1$ составляет 9, т. е. $\Delta P \cdot \sqrt{S} \approx \text{const}$. Плотность фиксаций на фигуре выше, чем на фоне: хотя площадь фигуры в несколько раз меньше площади фона, число фиксаций на фигуре достигает 50% их общего числа. Факт увеличения числа повторных фиксаций в области фигуры при уменьшении ее площади и статистических различий с фоном прямо свидетельствует о том, что процесс поиска идет по типу выдвижения и проверки гипотез. Амплитуда первого скачка взгляда в область фигуры (размер оперативного поля зрения, внутри которого осуществляется первое обнаружение фигуры) составляет около $3,5^\circ$ по радиусу и примерно одинакова во всех условиях опыта. Общие выводы по результатам экспериментов II серии идентичны выводам по I серии опытов.

Таблица III

Величина фигуры (число элементов)

Общее число фиксаций

Число фиксаций на фигуре

Относительное число проб, в которых наблюдались возвраты взгляда на фигуру

(в %)

ΔP_n

0,3

0,4

0,3

0,4

0,3

0,4

400

10

14

5

8

41

90

800

6

15

3

9

0

50

1600

4

9

3

4

0

47

III серия. Задача этой серии заключалась в том, чтобы усложнить работу испытуемого по зрительному выделению границ между текстурами за счет увеличения типов элементов с двух до четырех, введения более тонких статистических различий и уменьшения различий между элементами. Для этого при синтезировании тест-объектов использовались не черные и белые квадратики, а буквы и пропуск.

С помощью ЭВМ, соединенной с печатающим устройством, были синтезированы пять вариантов «искусственных языков», элементами которых являлись три буквы русского алфавита и пропуск. Буквы были подобраны таким образом, чтобы они образовывали минимальное количество осмысленных сочетаний. «Языки» задавались матрицами условных вероятностей, связывающих каждый из элементов со всеми другими (т. е. вероятностей следования каждого элемента за любым другим).

Все тест-объекты составлялись из двух «языков», каждый из которых занимал одну половину теста — верхнюю или нижнюю, левую или правую (рис. 4). Составленные таким образом тесты печатались на пишущей машинке на листе форматом 28×21 см, предъявлялись испытуемому на вертикально расположенном экране и имели угловые размеры 18°×26°.

179

Рис. 4. Образец тест-объекта, составленного из искусственных «языков» с горизонтальной границей между ними (алфавиты «языков» одинаковы, но ?Рп различны)

180

Перед опытом испытуемому объясняли, что различные языки могут отличаться друг от друга самими элементами (т. е. алфавитом), частотой отдельных элементов или частотой следования одного элемента после другого, а также показывались образцы искусственных «языков» и указывались различия между ними.

Задача испытуемого, как и в серии I, заключалась в нахождении местоположения границы между участками тестового изображения, составленного из различных языков. В опытах использовалось пять типов тестовых изображений; в двух случаях «языки» отличались алфавитом (составлены из разных букв) и в трех случаях только условными вероятностями, связывающими элементы алфавита и пропуск. С каждым из трех испытуемых было проведено по 3 пробы на каждый тип тестового изображения.

Таблица IV

Испыт.

Дифференциация «языков» с одинаковыми алфавитами

Дифференциация «языков» с различными алфавитами

М

N

правильность ответов (в %)

М

N

правильность ответов (в %)

М.

4°09'

76

33

4°29'

20

100

T.

6°58'

65

100

8°53'

12

100

C.

6°29'

28

66

8°32'

6

100

Результаты и их обсуждение. В табл. IV представлены основные результаты III серии опытов, проведенных с тремя испытуемыми. N — среднее число фиксаций глаз, M — средняя амплитуда скачков глаз.

Из таблицы видно, что задача дифференцирования «языков», имеющих разные алфавиты, осуществляется более быстро и безошибочно. Величина оперативного поля возрастает, а число фиксаций уменьшается с переходом от объектов, составленных из «языков» с одинаковыми алфавитами, к объектам, составленным из «языков» с различными алфавитами.

Этот факт может быть объяснен тем, что дифференцировка «языков» с различными алфавитами осуществляется за счет нескольких обзорных фиксаций (большое оперативное поле), а проверка «тонких» статистических различий, т. е. различий в статистиках более высокого порядка, осуществляется внутри малых оперативных полей (например, выявление специфических сочетаний букв).

Из отчета испытуемых следует, что прежде всего они ищут различия в алфавитах «языков», затем пытаются зрительно оценить «частоту печати», т. е. частоту интервала. Если по этим параметрам принять решение невозможно, начинается процесс выдвижения и проверки гипотез о частоте отдельных элементов, а также о наличии, отсутствии или частоте тех или иных сочетаний отдельных элементов.

181

Результаты III серии показывают, что в тех случаях, когда исходная познавательная гипотеза о характере воспринимаемого объекта не может быть однозначно выведена из контекста, предшествующего воздействию стимуляции, она строится сначала с опорой на самые простые признаки, позволяющие дифференцировать объекты. Если эти признаки не позволяют сформулировать достаточно сильную гипотезу, начинается поиск более сложных признаков, имеющих ненаглядный характер.

**

*

Оценивая в целом результаты I—III серий, следует отметить, что они дают дополнительную аргументацию в пользу положения, сформулированного Ю. Б. Гиппенрейтер, о том, что «исследования движений глаз при решении зрительных задач неизбежно подводят к факторам внутренней перцептивной активности» [107, с. 226]. К такой активности относится изменение оперативного поля зрения в зависимости от характера решаемых задач (прежде всего от их сложности), что было показано и в наших экспериментах. Однако более принципиальное значение, с нашей точки зрения, имеет тот факт, что за глазодвигательной активностью открывается внутренняя познавательная активность, в форме выдвижения некоторой гипотезы о характере объекта — источника стимуляции и проверки этой гипотезы, в том числе с опорой на двигательное поведение глаз. При этом смещения линии взора обеспечивают не только определенные перцептивные эффекты, что само по себе имеет исключительное значение, но и способствуют презентации тех или иных чувственных впечатлений целостному субъекту деятельности. Дело в том, что рефлекторно вызываемые движения глаз имеют собственный афферентационный синтез, т. е. могут запускаться стимулами, которые не обязательно становятся предметом сознательного внимания субъекта. Но, будучи запущены и осуществлены, движения глаз способствуют более полному и всестороннему восприятию этих стимулов и обеспечивают возможность их отражения на уровне сознания. Аналогичную гипотезу высказала И. А. Тоидзе на основе результатов экспериментального исследования восприятия изображений, проецируемых на экран с подпороговой яркостью. «Порог глазодвигательной реакции ниже порога перцептивно-вербальной реакции. При этом фиксирование глазом релевантной информации происходит непроизвольно, неосознанно» [393, с. 11—12]. Таким образом моторика глаза, как и других воспринимающих систем, непосредственно участвует в процессе

психического отражения, выполняя функцию уподобления (в самом широком смысле этого слова) стимуляции, презентации ее субъекту деятельности.

Изложенные результаты экспериментального исследования дают материал для обсуждения еще одного очень важного в контексте основной проблемы настоящей работы вопроса. Речь идет

182

о взаимодействии двух источников познавательных гипотез — мышления и чувственных данных. В цикле экспериментальных работ, выполненных в русле идей М. С. Роговина об уровневой структуре познавательного действия, были получены исключительно интересные данные о способах работы квалифицированных врачей-рентгенологов при выявлении очагов патологии и постановке диагноза на основе анализа рентгеновских снимков [336; 431]. Опираясь на результаты этих исследований, а также на выделенные А. В. Соловьевым формы обобщения при работе с наглядным материалом (аналогичные эмпирическому и теоретическому обобщению по В. В. Давыдову [124]), Роговин с соавторами делают вывод, что механизм активного поиска в процессах восприятия является вторичным по отношению к механизму, суммации непосредственных чувственных впечатлений, который не требует каких-либо предварительных гипотез [336, с. 19].

Действие этого механизма мы наблюдали и в наших экспериментах: чем меньше статистические различия между частями тест-объекта, тем большее число фиксаций требовалось для их выявления. Зрительная система как бы аккумулирует еле заметные различия, доводя их до пороговой величины. Важную роль в этом процессе играет, как мы отмечали, глазодвигательная система, афферентное звено которой имеет более низкие пороги, чем порог сознательного восприятия. Но следует ли отсюда вывод о безусловной первичности механизма суммации как источнике познавательных гипотез по отношению к механизму построения гипотез на уровне смыслового поля? Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться, о какой первичности идет речь и что понимается под суммацией?

Вот как определяется суммация в работе, на которую мы ссылаемся. «Предъявление различных объектов, относящихся к одному классу, оказывается достаточным условием для того, чтобы общие элементы привлекали к себе внимание, а случайные черты отошли на задний план. ...Обобщение и абстрагирование при этом идет на уровне непосредственно чувственного познания, а результатом является умение классифицировать новые объекты, которое может быть налицо даже при отсутствии достаточного осознания основания классификации. Лежащий в основе такого процесса психологический механизм получил название суммации, и сущность его состоит в организации поля восприятия, при которой отличительный признак класса становится и перцептивно наиболее сильным» [336, с. 18]. О какой первичности идет речь? «Суммация представляет собой генетически более ранний механизм формирования понятий... Роль механизма суммации такова, что с его помощью образуются

первичные обобщения, которые затем, соединяясь со словом, составляют основу активного поиска (сами гипотезы в сущности представляют собой не что иное, как понятие более низкого уровня обобщения). Следовательно, механизм активного поиска является вторичным не только в том смысле, что он позднее начинает функционировать, но и в том,

183

что он использует результаты, добытые с помощью суммации» [336, с. 18—19].

Мы привели такие пространные цитаты из обсуждаемой работы, потому что в ней четко сформулировано широко распространенное представление о типе взаимодействия, чувственной и рациональной сфер познания, которое берет свое начало в концепциях эмпирической психологии: рациональное понимается как результат чувственного обобщения, соединенного со словом. Но если первичные обобщения всегда идут снизу, то каким же образом человек впитывает в себя общественный опыт, в том числе и в сфере чувственного познания? Невыводимость теоретического обобщения из эмпирического убедительно показана Давыдовым [124]. Не выучивая новые слова и не «пристегивая» их к навязываемым извне за счет механизма суммации чувственным обобщениям, человек включает результаты социального опыта; он может сделать это, лишь освоив новые формы человеческой деятельности, для регуляции которой необходимы те или иные чувственные обобщения, а отнюдь не «без всякого специального намерения» [336, с. 18]. Это однозначно следует и из анализа деятельности врачей-рентгенологов, описанной в этой же, в целом очень интересной работе. Если бы механизм суммации чувственных впечатлений действительно был первичным и главным источником познавательных гипотез, то следовало ожидать, что специалисты, обладающие более высокой квалификацией, имели бы лучше функционирующие сенсорные системы, т. е. отличились бы при выполнении специальных сенсорных заданий. Но «при сопоставлении фотометрических кривых с их субъективными оценками у специалистов-рентгенологов и нерентгенологов... оказалось, что сколько-нибудь заметных различий между ними не было; более того, у специалистов результаты были иногда даже несколько хуже. Результаты, однако, оказались в корне иными, если на снимках присутствовала патология... субъективные оценки специалистов были более близкими объективным показателям фотометрии» [336, с. 17]. Трудно привести более веские аргументы в пользу влияния характера деятельности на чувственное восприятие, подчиненность второго первому.

В приведенных выше данных авторы справедливо усматривают свидетельства решающего вклада высших уровней в результат познавательного акта, их доминирование над низшими уровнями, характеризующимися большей степенью неопределенности [336, с. 17—18]. Эти выводы противоречат, с нашей точки зрения, положению о низкоуровневом механизме суммации как главном источнике познавательных гипотез, даже если принять во внимание, что в одном случае

речь идет о функциональном анализе («поперечный срез» в терминологии авторов), а во втором случае о генетическом («продольный срез»). Действительно, онтогенетически и филогенетически механизм суммации является первичным. Но дальше, по крайней мере с момента включения ребенка в социальную жизнь, первичным выступает процесс освоения

184

новых форм деятельности, которая не только ассимилирует чувственные впечатления, но и служит мощным источником новых чувственных данных. Мотивы, цели и условия их достижения становятся тем стержнем, вокруг которого консолидируются чувственные данные, в том числе разных модальностей, где выделение общего в принципе затруднено. Об этом же свидетельствуют многочисленные исследования влияния профессиональной деятельности на развитие сенсорно-перцептивных процессов [8; 98; 385; 351; 55; 235].

Если присоединение слова еще как-то объясняет превращение чувственного обобщения в некоторое значимое образование, то как быть с невербальными значениями (предметными, операциональными)? [376]. Что здесь присоединяется к чувственному обобщению, превращая его в предмет, наделенный значением? Необоснованность рассмотрения механизма суммации в качестве источника познавательных гипотез убедительно показана в классических экспериментах Д. Н. Узнадзе, описанных во второй главе [404, с. 134—136].

Что касается безусловно существующего явления суммации чувственных впечатлений, в том числе тех, которые наблюдались в наших экспериментах, то они объясняются специфическими, нехарактерными для обычной жизни условиями, искусственно сформулированной задачей. Фактически эта задача прямо требует от испытуемого сформировать новое чувственное обобщение. И делает он это намеренно опять-таки под влиянием требований деятельности, навязываемой ему экспериментатором, а вовсе не «без специального намерения». Многие люди, неоднократно наблюдающие звездное небо, так и не приходят к выделению его общих элементов — совершающих периодическое движение созвездий. Даже если нам кажется, что мы выделяем некоторые общие чувственно воспринимаемые характеристики объектов непреднамеренно, то это верно лишь отчасти, в том смысле, что это не являлось нашей главной целью. Но любая реальная деятельность человека полимотивирована (вернее, мотив ее является сложносоставным [359]), поэтому то или иное фактически наблюдаемое чувственное обобщение может отвечать второстепенному мотиву, который несмотря на свою «затененность» не перестает осуществлять вклад в общий ход течения деятельности, предопределяя те или иные ее детали, несущественные для реализации основного мотива.

Все сказанное, разумеется, не означает, что механизм суммации чувственных впечатлений вообще не работает в обычных условиях на уровне социализированного человека. Став социальным существом, человек не

перестает оставаться существом биологическим. Но механизм этот выступает в качестве подчиненного, вторичного, как подчиненным, вторичным является весь аппарат рефлекторного регулирования, например, вегетативных процессов. Движение «снизу», от чувственного к рациональному является необходимым условием нормальной жизнедеятельности человека

185

и адекватного отражения реальности. Нарушение потока чувственных данных приводит к разрушению сознания и образа мира человека. Как мы уже отмечали, получение тех или иных чувственных впечатлений может быть самостоятельной целью деятельности, что особенно ярко выступает в искусстве, которое включает в себя и выраженный познавательный момент. Дело поэтому состоит не в том, чтобы выделить нечто в качестве безусловно первичного и безусловно вторичного, а в том, чтобы указать те сферы человеческой жизнедеятельности, где эта первичность и вторичность достаточно явно обнаруживается, и обозначить те аспекты анализа, сквозь призму которых она становится видимой.

Наша работа посвящена анализу познавательной деятельности, и здесь можно определенно сказать, что в функциональном плане на первое место выступает первичность регулирующего эту деятельность образа, а в социально-генетическом плане — первичность тех или иных форм деятельности, в ходе которых этот образ формируется. И лишь в плане развития человека как биологического существа, на самых ранних стадиях его онтогенеза, в качестве первичного можно признать механизм суммации чувственных впечатлений. Но и здесь первенство этого механизма оспаривают движение и действие, вокруг которых объединяются и таким образом обобщаются изменяемые этими действиями или даже порождаемые ими чувственные впечатления.

§ 2. Хронометрический анализ процессов построения образа и его активного использования для регуляции вербального ответа²

Обычно в хронометрических экспериментах при изучении временных характеристик процессов построения образа и выдачи ответа о нем выделяются следующие компоненты этих процессов: 1 — время стимуляции; 2 — вход; 3 — идентификация; 4 — принятие решения об ответе; 5 — выбор программы ответа; 6 — ответ [463; 504]. При этом предполагается, что если образ и ответ принадлежат к хорошо освоенным перцептивным и моторным алфавитам, то после завершения процесса идентификации происходит именно выбор моторного паттерна из уже имеющихся, т. е. автоматическое соединение входа с необходимым моторным выходом.

Задача экспериментальной работы, описанной в настоящем параграфе, состояла в том, чтобы выяснить с помощью хронометрического анализа, предшествует ли процессу выдачи моторного ответа формирование его целостного образа, который выполняет роль образца, регулирующего процесс ответа на основе системы обратных связей. Разумеется, для сложных

и развернутых действий активное участие образа потребного результата действия в

186

регуляции последнего было показано со всей убедительностью. Особенно наглядно это продемонстрировано в работах Н. А. Бернштейна на примере движений, связанных с преодолением внешних сил [46]. Но вопрос о необходимости такого предварительного целостного образа хорошо выученных действий, не связанных к тому же с преодолением внешних сил, не был специально проработан. Для его изучения в эксперименте использовался такой автоматизированный навык, как воспроизведение букв родного языка, предъявляемых визуально.

Для контролирования всех временных параметров процесса использовалось тахистоскопическое предъявление и регистрация моментов предъявления стимула и ответов испытуемого на самописце и магнитофоне. Хотя в психологии получили очень широкое распространение хронометрические эксперименты, в том числе с использованием тахистоскопического предъявления стимуляции, не была изучена зависимость времени реакции от количества предъявляемых элементов в пределах объема кратковременной памяти. Но именно в этих условиях как бы одномоментного восприятия и воспроизведения труднее всего выявить наличие процесса формирования целостного образа стимуляции, элементы которой к тому же не находятся во взаимной связи и не образуют осмысленного сочетания. Иначе говоря, необходимо было создать ситуацию максимально автоматического действия, не требующего осмысления предъявляемой информации как целого. Вопрос заключался в том, будет ли моторный ответ и в этом случае опосредоваться процессом построения целостного образа стимульной ситуации или он будет выдаваться автоматически поэлементно. В первом случае мы можем ожидать рост времени реакции при увеличении числа элементов (букв) в стимуле от одного до пяти сверх того увеличения времени, которое приходится на долю процесса восприятия. Во втором случае ожидался более существенный рост времени реакции при всех прочих равных условиях. Были проведены две серии экспериментов — в условиях симультанного и сукцессивного предъявления.

Серия I. Испытуемым зрительно предъявлялось одновременно от одного до пяти букв, образующих бессмысленные сочетания, с инструкцией воспроизвести их как можно быстрее, как только их увидят. Предъявление осуществлялось с помощью электронного двухканального тахистоскопа; время предъявления — 50 мсек, до- и послеэкспозиционные поля — светлые с фиксационной точкой. Перед каждым предъявлением подавалась команда «Внимание». Угловые размеры предъявляемых изображений даже при максимальном числе букв не превышали $1,3^\circ$, так что они умещались в центральном поле зрения. Каждый набор с фиксированным количеством букв включал шесть вариантов и дважды предъявлялся в случайном порядке. Вероятность появления каждой буквы была одинаковой. В опытах

участвовали 10 испытуемых, студентов с нормальным зрением. Проверка зрения осуществлялась непосредственно перед экспериментом.

Результаты. При обработке полученных записей подсчитывалось латентное время реакции (от момента появления стимула до начала ответа), а также интервалы времени между началами называния соседних букв. Фиксировалась также правильность ответов испытуемых.

Для оценки влияния порядка воспроизведения букв на время ответа была проведена дополнительно серия экспериментов I', которая отличалась от экспериментов I серии лишь в одном отношении: если в первой серии все предъявляемые буквы были расположены в строку и испытуемый должен был их воспроизводить слева направо, то в серии I' буквы располагались в случайном порядке внутри круга диаметром 1,3° и воспроизводить их испытуемый

187

мог в любом удобном для него порядке. Кроме того, эта серия должна была дополнительно проверить основные результаты I серии.

Результаты этой серии почти полностью совпадали с результатами I серии. Это говорит о том, что (а) совпадение порядка воспроизведения вслух с порядком считывания элементов в зрительной модальности является оптимальным вариантом, (б) неопределенность, «незаданность» порядка считывания не создает дополнительных трудностей для решения задачи на воспроизведение.

Во всех случаях буквы воспроизводились в последовательности слева направо и сверху вниз. Не наблюдалось случаев воспроизведения сначала правых нижних, затем левых верхних букв. Как и в I серии, не обнаружилось ни выраженных «пачек» в ответах, ни закономерного изменения интервалов между ответами с увеличением числа букв в стимуле.

Сводные результаты серий I и I', отражающие зависимость времени реакции от числа букв в стимуле, представлены на рис. 5, а. Для построения графика использовались только правильные ответы, процентное отношение которых к общему числу ответов указано особой строкой (от 100% для одной буквы до 45% для пяти букв).

Рис. 5. Графическое изображение сводных результатов серий I и I' (а) и серий II и II' (б).

Обсуждение результатов серии I и I'. Основным и совершенно четким результатом является закономерное увеличение времени реакции с увеличением числа букв от одной до пяти. При этом прирост времени составляет в среднем 70 мсек на одну букву.

188

Такое увеличение времени является статистически достоверным с высоким уровнем значимости.

Для обсуждения и оценки этого основного результата экспериментов необходимо кратко рассмотреть существующие представления о структуре сенсорно-перцептивных процессов, которые обычно кладут в основу

построения и интерпретации результатов хронометрических экспериментов в этой области. Чаще всего они имеют формы блочных моделей, в которых обязательно присутствуют: 1) иконическая память (сенсорный регистр, сенсорная память); 2) первичная память (буфер, кратковременное хранение, оперативная память); 3) вторичная память — интермодальная или слуховая (долговременное хранение, долговременная память) [503, с. 40; 378, с. 15; 74, с. 49; 34, с. 30, 211, 297].

В зрительной системе перевод информации из иконической памяти в первичную осуществляется за счет процессов сканирования, перекодирования, протекающих со скоростью до 100 элементов в секунду, а из первичной (кратковременной) памяти во вторичную (долговременную) с помощью процессов повторения, имеющих значительно меньшую скорость — 7—10 элементов в секунду. Время хранения информации в иконической памяти — до 200 мсек (по данным Б. М. Величковского, это время значительно больше [74, с. 57]), а в первичной — до 15 сек. Время хранения в долговременной памяти практически не ограничено.

В контексте обсуждения результатов наших экспериментов особенно важно подчеркнуть следующие моменты. Кратковременное хранилище имеет прямой выход на моторику (ответ), и если объем предъявляемого материала не превышает объема кратковременной памяти (4—5 элементов — букв или цифр), то для его воспроизведения нет необходимости переводить материал в долговременную память. Именно в расчете на это строилась процедура нашего исследования. О том, что перевод информации в долговременную память действительно не имел места, свидетельствуют как отчеты испытуемых, так и наблюдения за их поведением — никакого повторения, предшествующего ответу, не имело места, да и не могло быть в силу следующих причин. Во-первых, согласно модели Сперлинга перевод из первичной памяти в слуховую (вторичную) может осуществляться (и даже такое осуществление является предпочтительным) в форме громкого проговаривания. Так что в пределах объема кратковременной памяти испытуемый может непосредственно в ходе ответа осуществлять этот перевод прямо из первичной памяти во вторичную. Во-вторых (и это, пожалуй, самый важный аргумент), наблюдавшееся в наших экспериментах увеличение времени реакции составляло 70 мсек на букву, а процесс проговаривания осуществляется со скоростью в два раза меньшей — не больше 7 единиц в сек, т. е. 140 мсек на букву [489]. Правда, в ряде работ было показано, что внутренняя речь играет определенную роль в перцептивном перекодировании [467; 486; 487]. Было обнаружено, что реакция на слово или двузначное число растет с ростом слогов на 10—20

189

мсек на один слог. Но все авторы признают, что этот рост слишком невелик, чтобы его можно было отнести на счет внутреннего проговаривания. По-видимому, описанные в этих работах факты также связаны с затратами времени на подготовку целостного образа ответа, который контролирует сам ход ответа. Однако благодаря тому, что речь идет

не о разрозненных элементах, а о слогах, входящих в слово, обладающее некоторой целостностью, прирост времени на формирование такого целостного образа оказывается значительно меньшим.

Изложенные аргументы позволили сформулировать гипотезу, согласно которой рост времени реакции с увеличением числа букв в стимуле связан не только с ростом времени восприятия (последнее, возможно, вообще не имеет места, поскольку ряд из четырех букв, предъявляемых одновременно, обрабатывается параллельно [378, с. 24]), а прежде всего с ростом времени на подготовку целостного образа моторного ответа, который должен осуществлять контроль за ходом ответа с помощью системы обратных связей. Для проверки этой гипотезы была проведена еще одна серия экспериментов (с двумя подсериями II и II'), в которых подлежащие воспроизведению буквы предъявлялись не симультанно, а сукцессивно.

Серия II. В экспериментах I и I' серий время вербальной реакции на зрительный стимул всегда включало в себя интермодальные процессы или процессы перекодирования символов. Но для уяснения сути процессов, предшествующих выдаче ответов, представляется очень важным выяснить, зависит ли время вербальной реакции от количества элементов в стимуле, если все элементы ответа уже переведены в слуховую память до появления сигнала к ответу, т. е. когда задача сводится лишь к воспроизведению хранящихся в слуховой памяти элементов стимула. Такая экспериментальная ситуация была создана во II серии за счет сукцессивного предъявления букв.

Испытуемому последовательно предъявлялось в зрительном поле от одной до восьми букв, образующих бессмысленные сочетания. Время экспозиции каждой буквы составляло 300 мсек и равнялось межстимульному интервалу. В конце каждой последовательности, также через 300 мсек появлялась звездочка — сигнал к ответу. Последовательности разной длины чередовались в случайном порядке. Последовательности данной длины предъявлялись каждому испытуемому 16 раз (8 вариантов×2 предъявления) в каждой из подсерий. Буквы и звездочка предъявлялись в одном и том же месте экрана. Угловые размеры букв составляли 3°. В инструкции испытуемого просили отвечать сразу же, как только он увидит звездочку, и называть буквы в том порядке, в каком они появлялись на экране (серия II) или в произвольном порядке (серия II'). В ходе опыта на ленте самописца регистрировались подача изображения, время экспозиции, ответы испытуемого. Для контроля за правильностью ответов велась параллельная запись на магнитофон. Опыты были проведены на 10 испытуемых с нормальным зрением. В II и II' сериях принимали участие разные испытуемые для того, чтобы избежать научения, а также для повышения надежности полученных результатов.

Результаты. Данные, усредненные по всем пробам и всем испытуемым, приведены на рис. 5 б. Как и для симультанного предъявления,

190

мы имеем увеличение реакции с ростом числа элементов в стимуле, но в отличие от I и I' серий этот рост отмечается лишь начиная с трех элементов.

Прирост времени реакции на один элемент, как и в первых сериях, составляет около 70 мсек. По абсолютной величине время реакций также близко к результатам предыдущих серий. Не наблюдалось и сколько-нибудь выраженных группировок элементов ответа, и не было закономерных изменений временных интервалов между соседними элементами ответной реакции.

Последовательность букв в ответе точно повторяла последовательность букв в стимуле. Не было ни одного случая, когда бы испытуемые начинали ответ с последних букв. Наблюдалось лишь несколько случаев, когда менялись местами соседние буквы. Это относится как к серии II, где требовалось воспроизводить буквы в порядке предъявления, так и к серии II', где разрешалось воспроизводить буквы в любом порядке.

Обсуждение результатов II и II' серий. Главным результатом явилось значительное увеличение времени реакции с увеличением числа элементов в стимуле и то, что абсолютные величины времени реакции и его прирост в пересчете на стимул близки к аналогичным показателям для случая симультанного предъявления. Ведь в отличие от случая одновременного предъявления во II серии перевод всех зрительно предъявляемых стимулов в слуховую память завершался до подачи сигнала к ответу (звездочки). В исследовании Ю. К. Стрелкова показано, что при увеличении межстимульного интервала до 300 мсек элементы последовательности повторяются испытуемым во время интервала, а не после завершения всей последовательности, что имеет место при интервалах менее 180 мсек [378, с. 33].

Единственным объяснением этого факта может служить увеличение времени на формирование образа ответа, используемого для антиципации результата, который должен быть получен «на выходе».

Интересным и новым оказался факт отсутствия изменения времени реакции для 1-, 2- и 3-элементных стимулов (плато на рис.5, б). В соответствии со сформулированной выше гипотезой мы должны были бы иметь прямую зависимость времени реакции от числа элементов в ответе. Для понимания этого факта следует вспомнить условия проведения опыта. Последовательности различной длины предъявлялись испытуемому поочередно в случайном порядке, что создавало вероятностную структуру ситуации. Ведь звездочка (сигнал к ответу) появилась после 1, 2, 3... 8 элементов с разной вероятностью, вызывая различную преднастройку к ответу в связи с разной степенью ожидания сигнала к ответу после 1, 2... 8 элементов. Так, вероятность появления звездочки после одного элемента равнялась $1/8$, после двух элементов — $1/4$, после трех элементов — $3/8$ и так далее, достигая 1 после восьми элементов. Многочисленные исследования показали, что вероятность появления сигнала влияет на время реакции таким образом,

что уменьшение вероятности появления сигнала увеличивает время реакции, а повышение вероятности сигнала сокращает это время. По нашему

мнению, именно по этой причине изменяется характер зависимости, приведенной на рис. 5 б.

Тот факт, что в серии II' не наблюдалось изменения последовательности воспроизведения букв по сравнению с последовательностью их предъявления, т. е. что более сильные и свежие следы последних букв не берут верх над более старыми следами букв, предъявленных вначале, свидетельствует о том, что ответ не прямо зависит от результата перцептивного процесса, а опосредован особой деятельностью по формированию целостного образа ответа, который регулирует и направляет «моторный выход».

Результаты серий II и II' с последовательным предъявлением подлежащих воспроизведению букв полностью подтвердили предварительные выводы, сделанные из экспериментов I и I' серий. Обобщая результаты всех экспериментов, описанных в настоящем параграфе, можно сделать вывод о том, что моторный ответ не является простым рефлекторным продолжением процесса восприятия. Реализация его требует особой предварительной активности по построению образа будущего ответа, который направляет и регулирует деятельность субъекта, в том числе корректирует ошибки и определяет момент завершения деятельности, когда достигнутый результат совпадает с тем, что было предварительно отражено в антиципирующем образе. «Выход» — это не трансформированный вариант «входа», как верно замечает Дж. Миллер [264, с. 251].

§ 3. Временные соотношения перцептивного и интеллектуального циклов познавательной деятельности и возможность количественной оценки активности субъекта в мыслительной деятельности

Когда мы говорим о познании как деятельности, это неизбежно предполагает наличие субъекта деятельности, т. е. включенность в познавательный процесс человека, сознательно преследующего свои цели в ходе деятельности. Если в отношении мышления положительный ответ на этот вопрос обычно не вызывает сомнений [360], то в отношении восприятия он является достаточно проблематичным. Вопрос можно сформулировать несколько иначе: различаются ли перцептивный и мыслительный циклы познавательной деятельности по уровню активности, характерному для их протекания? Другими словами, не является ли восприятие, в котором гораздо сильнее выражены рефлекторные, реактивные составляющие, менее активным процессом, не требующим включения активности на уровне целостного субъекта, а ограничивающимся активностью некоторой его подсистемы, которая поставляет материал для его дальнейшей обработки мышлением.

192

В психологии, как уже отмечалось, широко распространено представление о восприятии как деятельности; и если такое словоупотребление не является метафорой, то оно необходимо предполагает участие целостного субъекта в

процессе восприятия включенность в него активности субъектного уровня. Одним из способов проверки этого утверждения может послужить создание такой экспериментальной ситуации, в которой циклы восприятия и мыслительной обработки полученных в ходе восприятия данных перемежались бы во времени. В этой ситуации наличие или отсутствие процесса восприятия стимуляции в периоды интенсивной мыслительной работы позволило бы судить о необходимости активности на уровне субъекта для осуществления перцептивного цикла. Главная трудность заключается в том, чтобы найти такие объективные индикаторы, которые позволяли бы судить о наличии восприятия информации, релевантной текущей мыслительной деятельности, непосредственно в ходе ее осуществления.

Поскольку нельзя получить субъективные отчеты, не нарушая деятельность мышления, необходимо было создать такие условия, чтобы по внешним признакам можно было судить по крайней мере о возможности или невозможности процесса восприятия в любой данный момент времени. Такая ситуация может быть создана с использованием зрения, поскольку наличие объекта, источника релевантной информации в центральном поле зрения является необходимым условием его восприятия, а отсутствие его там исключает процесс восприятия объекта. Однако в обычных условиях фиксация взгляда на некотором объекте не обязательно свидетельствует о его восприятии. Известен так называемый феномен «пустого взора», когда находящийся в центральном поле зрения объект не воспринимается. Поэтому была поставлена задача создать такие условия, при которых удержание объекта в центральном поле зрения требовало бы хотя бы небольших усилий со стороны наблюдателя, и усилия эти по предположению должны иметь место тогда, когда удержание объекта в центральном поле зрения необходимо для совершения перцептивного процесса.

Это было достигнуто за счет использования движущегося тест-объекта. Прослеживание объекта взглядом является необходимым условием его четкого восприятия, отсутствие такого прослеживания однозначно свидетельствует об отсутствии перцептивного цикла³, хотя наличие его и не свидетельствует прямо о характере перцептивного процесса. Таким образом, первая задача настоящего исследования состояла в выявлении временных соотношений мыслительных и перцептивных процессов при решении

193

задач, в которых оба типа деятельности необходимо должны присутствовать. Вторая цель исследований состояла в том, чтобы попытаться выяснить, нельзя ли использовать объективно регистрируемые характеристики движений глаз (в данном случае динамической фиксации) для оценки степени интенсивности, напряженности мыслительного процесса, скрытого от непосредственного наблюдения. Характеристику интенсивности, напряженности некоторого действия мы определили выше как количественный показатель активности. Целый ряд теоретических соображений, а также данные о регулирующих механизмах

глазодвигательной системы позволили предположить, что характер глазных движений будет изменяться в зависимости от той деятельности, которую выполняет субъект в каждый данный момент [108; 109; 110].

Итак, вторая задача экспериментальных исследований этого цикла была связана с разработкой нового метода объективного тестирования интенсивности, напряженности умственной активности, так сказать, степени включенности целостного субъекта в ту или иную деятельность.

Материалы для решения сформулированных задач были получены в цикле из пяти серий опытов⁴. Поскольку процедура проведения всех опытов была одинаковой и в различных сериях варьировались только предъявляемые тест-объекты и инструкции испытуемому, описание техники проведения опытов мы предпошлием описанию задач и результатов отдельных серий.

Процедура проведения экспериментов I—V серий. Для обеспечения точной регистрации положения движущегося объекта в поле зрения была создана экспериментальная установка, которая позволяла непрерывно регистрировать положение движущегося объекта на экране и направление зрительной оси глаза на одной и той же ленте фотобумаги. Испытуемый помещался перед экраном, по которому непрерывно двигался зрительный тест-объект, слева направо со скоростью 10—12 град./сек. Амплитуда движения объекта составляла 18°. Для сравнения движений глаз при слежении за объектом и при решении задач проводились специальные опыты, в которых испытуемого просили тщательно фиксировать какую-нибудь мелкую деталь того же движущегося тест-объекта.

Опыты проводились в условиях бинокулярного зрения. Движения правого глаза записывались фотооптическим методом [440]. Луч, отраженный от зеркальца присоски, расположенной на глазу испытуемого, проецировался на открытую движущуюся фотобумагу (опыт проводился в затемненной комнате). В результате плавные движения глаз регистрировались на фотобумаге в виде наклонных линий (рис 8). Угол наклона этих линий к горизонтальной оси отражает скорость движения глаза. На этой же ленте регистрировалось движение объекта (жирные линии на рис 8). Это было необходимо для контролирования и учета всех параметров движения объекта и для определения взаимного положения глаза и объекта в любой момент времени (точнее говоря, для определения того, в каком участке поля зрения находится объект в данный момент времени). Для понимания процедуры необходимо подробнее остановиться на технической стороне эксперимента.

Подача тестовых изображений на экран осуществлялась с помощью проектора (см. рис 6), снабженного устройством для непрерывной протяжки пленки в горизонтальном направлении. Поскольку в ходе опыта требовалось многократное

прохождение объекта по экрану, на пленке фиксировалась серия идентичных изображений, расстояние между которыми равнялось величине кадрового окна проектора, что обеспечивало постоянное присутствие одного и того же движущегося тест-объекта в поле зрения испытуемого. Фотопленка

изготавливалась таким образом, что само проецируемое изображение занимало лишь верхнюю половину каждого кадра, а в нижней его половине по линии, соответствующей вертикальной оси симметрии проецируемого объекта, была расположена точка. Выходя из проектора, лучи, несущие изображение тест-объекта и точки, разделялись. Объект с помощью системы зеркал проецировался на экран, а точка с помощью одного зеркала проецировалась на ту же ленту фотобумаги, на которой записывались движения глаза. Таким образом, движение точки абсолютно точно дублировало все особенности (в том числе и незапланированные) движения тест-объекта на экране. На рис. 6 ход лучей тест-объекта показан пунктирной линией, ход лучей точки — сплошной, а ход луча, записывающего движения глаз, — штрихпунктирной линией.

Рис. 6. Схематическое изображение устройства для предъявления движущихся тест-объектов и регистрации движений глаз. Условные обозначения: И — испытуемый; Э — экран; Ф — фотокимограф с открытой фотобумагой; З1 и З2 — зеркала; О — осветитель; В — вертушка с электромотором; З. П. — зеркальце присоски; Р — реле с заслонкой; С. З. — система из трех зеркал; П — проектор. Штриховая линия отражает ход лучей тест-объекта; сплошная линия — ход лучей дублирующей движение объекта точки, штрих-пунктирная линия — ход луча, регистрирующего движение глаза.

Расположение системы зеркал с поверхностным отражательным слоем и расстояния между ними подбирались таким образом, чтобы длина хода лучей для точки (сплошная линия) и для тест-объекта (пунктирная линия) были одинаковыми. Это обеспечивало равенство амплитуд движения объекта по экрану и движения дублирующей точки на ленте фотокимографа.

Для того чтобы при точном слежении амплитуда луча, регистрирующего движения глаза, также совпадала с амплитудой движения тест-объекта и дублирующей его точки, расстояние от глаза до фотокимографа было примерно в два раза меньше, чем расстояние от глаза до экрана. Необходимость такого соотношения диктуется тем, что при повороте глаза угловое смещение луча, отраженного от присоски, в два раза превышает угол поворота самого глаза.

Указанные приемы обеспечили совпадение и синхронизацию лучей, регистрирующих движения глаза и объекта в периоды точной фиксации линии взора на объекте (рис. 8, в). Для эмпирической оценки точности этого совпадения в начале и в конце каждого опыта проводилась калибровка взаимного положения обоих лучей при инструкции испытуемому тщательно фиксировать ряд последовательных дискретных положений объекта на экране.

195

Чтобы иметь возможность в любой момент времени определить положение непрерывно движущегося объекта в поле зрения движущегося глаза (что необходимо в случаях отклонения от точного слежения),

использовался следующий прием. На пути луча, дублирующего движение объекта (сплошная линия на рис. 6), было поставлено электромагнитное реле с заслонкой. В исходном (нижнем) положении заслонка не мешает прохождению луча, но при нажатии кнопки, вызывающей срабатывание реле, заслонка поднимается вверх и на мгновение перекрывает луч. То же происходит при возвращении заслонки в исходное положение. В результате каждое нажатие и отжатие кнопки приводит к появлению коротких разрывов той линии на фотобумаге, которая воспроизводит движение объекта (см. рис. 8). Второе реле, срабатывающее от нажатия той же кнопки, было вмонтировано в осветитель, посылающий луч на зеркальце присоски. Заслонка этого реле в исходном положении прикрывает дополнительную диафрагму, расположенную рядом с основной диафрагмой осветителя. При срабатывании реле заслонка открывает дополнительную диафрагму, и из осветителя выходит второй луч, записывающийся на фотокимографе рядом с основным (раздвоение тонкой линии на рис. 8). Сопоставив взаимное расположение мест разрыва линии объекта и мест начала и окончания раздвоения линии глаза, мы можем узнать, в каком участке поля зрения находится объект (на рис. 8, в объект находится в центре поля зрения). Если в данном цикле плавного движения (от скачка до скачка) глаз двигался со скоростью, равной скорости объекта (в этом случае линия глаза и линия объекта проходят параллельно — рис. 8, в), то можно сделать вывод, что в течение всего цикла объект находился в данном участке поля зрения.

Если глаз двигался с другой скоростью или, более того, он двигался неравномерно, то описанная процедура позволяла определить взаимное положение глаза и объекта только в моменты нажатия кнопки. Для преодоления этой трудности в схему установки был введен еще один элемент — вертушка с двумя лопастями, расположенными под углом 90° .

Она помещалась на пути лучей, идущих от осветителя к зеркальцу присоски, и вращалась с постоянной скоростью электромотором (рис. 6). В результате «линия глаза» на фотокимографе стала прерываться через определенные промежутки времени, равные 80 и 240 мсек (соответственно короткие и длинные участки «линии глаза» на рис. 8, а, б, в). Это позволяет, зная взаимное расположение глаза в момент времени t (моменты нажатия или отжатия кнопки), определить их взаимное положение в моменты времени $t+\tau$. Для этого достаточно продвинуться вдоль «линии глаза» от места, которое он занимал в момент времени t , на отрезок τ , используя в качестве шкалы времени короткие и длинные отрезки, имеющие твердую цену времени. Также на τ нужно продвинуться вдоль «линии объекта». Последнее не представляет труда, так как при постоянной скорости движения объекта мерой времени может служить пройденный путь (на рис. 8, а, б, в 1 см линии объекта равен 160 мсек). Таким образом может быть найдено взаимное положение глаза и объекта в любой момент времени.

Серии I и I'. В экспериментах этой серии сравнивались движения глаз при прослеживании объекта и выполнении простых умственных действий — решении арифметического примера (рис. 7, а). Было обнаружено, что наряду

с движениями, обеспечивающими постоянное удержание тест-объекта в центральном поле зрения, которые характерны для прослеживания по инструкции экспериментатора, в случае решения арифметического примера наблюдались два других типа движений: I — плавные движения глаз, скорость которых не соответствует скорости движения объекта и, как правило, меньше последней (рис.8, а); II — плавные движения, угловая скорость которых совпадает со скоростью движения тест-объекта на экране, но объект не находится в центральном поле зрения: глаза смотрят мимо объекта

196

(рис. 8, б). Ясно, что в случае движений I и II типа, в отличие от точных прослеживающих движений (III тип), испытуемый не может воспринимать зрительную информацию, содержащуюся в тест-объекте, из-за того, что в движениях II типа изображение проецируется на периферию сетчатки, а в случае движений I типа, кроме того, наблюдается эффект смазывания изображения из-за разной угловой скорости движения глаза и объекта.

Рис. 7. Тест-объекты, использовавшиеся в I—V сериях (а — I и V серии, б — III серия, в — II серия, г — IV серия).

Специальный теоретический и экспериментальный анализ условий возникновения этих движений, а также данные морфологии глазодвигательной системы позволили обосновать гипотезу [109], согласно которой плавные движения I, II и III отражают работу различных уровней регуляции глазодвигательной системы, аналогичных уровням А, В, С построения движений по Н. А. Бернштейну [45]. Движения I и II типа носят рефлекторный характер и отражают работу глазодвигательной системы в качестве относительно автономного механизма, когда субъект осуществляет такие формы деятельности, при которых не требуется съем зрительной информации. В то же время глаз не останавливается полностью и под влиянием рефлекторных механизмов совершает плавные движения, которые в условиях отключения более высоких уровней регуляции не способны обеспечить функцию — удержание линии взора на движущемся объекте.

Отчеты испытуемых и анализ объективной структуры решаемой задачи позволили предположить, что движения I типа появляются в моменты наибольшего сосредоточения на умственной деятельности, т. е. являются показателем наиболее полной отстройки испытуемого от зрительной стимуляции. Для проверки этого предположения, а также для подтверждения того, что движения как I, так и II типов являются показателями выполнения внутренней мыслительной работы, была проведена еще одна подсерия экспериментов с введением алгоритма, усложняющего решение арифметического примера. Так, испытуемого просили произвести вычисления, требуемые условиями задачи (рис. 7, а), предварительно умножив каждое число на 2 и вычтя из результата 3. Данные, полученные в экспериментах с двумя испытуемыми, представлены в табл. V. Всего в экспериментах этой серии участвовало 11 испытуемых, но, поскольку

интересующий нас феномен достоверно установлен у каждого испытуемого в отдельности, данные этой серии не усреднялись и для иллюстрации выбраны два типичных результата. Подсчитывалось время, в течение которого наблюдались движения всех типов (в %) ко всему времени опыта.

197

Таблица V

Исп.

Типы плавных движений

Задача

% движений

I типа

% движений

II типа

% движений

III типа

П.

Слежение по инструкции

1

5

94

Решение простого примера

3**

12**

85**

Решение сложного примера

8**

20**

85**

В.

Слежение по инструкции

0

2,5

97,5

Решение простого примера

0

8

92

Решение сложного примера

2

12

86

Знаки ** и *** означают, что отличия этого показателя при решении данной задачи от соответствующего показателя при слежении по инструкции

являются статистически достоверными с уровнем значимости $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,001$ соответственно. Для оценки значимости различий сравнивались вариационные ряды, составленные из замеров отдельных случаев проявления каждого типа движения в секундах. Использовался критерий Стьюдента.

Рис. 8. Типы следящих движений глаз (тонкие линии отражают движение глаза; жирные линии — движение объекта: а) — неточные следящие движения глаз I типа; б) — неточные следящие движения глаз II типа; в) — точные следящие движения глаз — III тип.

Результаты экспериментов серии I показали, что с усложнением задачи выраженность движений I и II типа возрастает. О том, что оба типа движений вызываются одним фактором, свидетельствует и высокая корреляция между ними в различных опытах ($r = +0,8$). Тот факт, что у испытуемого В., как и у ряда других испытуемых, движения I типа наблюдались только при решении

198

более сложных задач, говорит о их связи с наиболее полным сосредоточением субъекта на другой деятельности.

Таким образом, I серия опытов позволяет дать предварительный ответ на сформулированные в начале параграфа вопросы. Поскольку во время движений I и II типов субъект заведомо не мог осуществлять актов восприятия (до 28% всего времени у испытуемого П.) и учитывая тот факт, что с усложнением задачи время это возрастает, можно говорить о наличии реципрокных отношений между мыслительными и перцептивными актами. Включенность субъекта в умственную внутреннюю деятельность нарушает деятельность восприятия. Косвенно это свидетельствует о том, что само восприятие требует включенности целостного субъекта, т. е. протекает как деятельность, а не функционирует в качестве автономной системы, лишь поставляющей для более высоких уровней исходный материал.

Эксперименты I серии показали также, что есть основания считать степень выраженности следящих движений I и II типов количественным показателем активности внутренней мыслительной деятельности.

Для проверки и уточнения основных зависимостей, выявленных в I серии, было проведено еще четыре серии экспериментов с вариацией характера перцептивных и умственных задач и их сложности.

Серия II. В качестве тест-объекта в этой серии использовалась цифровая таблица, состоящая из цифр в обычном (вертикальном) и горизонтальном начертании (см. рис.7, в).

Испытуемый должен был отыскать все «горизонтальные» и «вертикальные» цифры, придерживаясь заданной последовательности поиска. Степень умственного напряжения, необходимого для решения задачи, менялась за счет изменения сложности алгоритма поиска. В качестве простого (вариант I) был взят алгоритм, использовавшийся в аналогичной задаче Ф. Д. Горбовым [114]. В этом случае испытуемому давалась инструкция искать поочередно вертикальные цифры в восходящем порядке, а горизонтальные в нисходящем (1в, 9г, 2в, 8г, 3в, 7г, 4в, 6г, 5в, 5г, 6в, 4г, 7в,

3г, 8в, 2г, 9в, 1г). Для усложнения задачи (вариант II) был введен дополнительный параметр, который испытуемый должен был учитывать, решая вопрос, какую следующую цифру ему нужно отыскать. Таким параметром была четность или нечетность цифры. Вертикальные нечетные цифры необходимо было отыскать в восходящем порядке, а вертикальные четные — в нисходящем; горизонтальные же цифры, наоборот,— нечетные в нисходящем порядке, а четные в восходящем. При этом, как и в I варианте, вертикальные и горизонтальные цифры отыскивались поочередно. Таким образом числовой ряд, отражающий последовательность поиска цифр, должен был иметь следующий вид: 1в, 9г, 3в, 7г, 5в, 5г, 7в, 3г, 9в, 1г, 8в, 2г, 6в, 4г, 4в, 6г, 2в, 8г.

Для тех испытуемых, которым и вариант II не представлялся достаточно трудным и которые без особого напряжения выполняли его во время тренировочной пробы, был введен еще более трудный вариант III, который отличался от варианта II более сложным чередованием вертикальных и горизонтальных цифр. Вместо последовательности одна вертикальная — одна горизонтальная цифра вводилась последовательность: одна вертикальная — две горизонтальные — две вертикальные — одна горизонтальная и т. д. Таким образом испытуемый должен был искать цифры в следующем порядке: 1в, 9г, 7г, 3в, 5в, 5г, 7в, 3г, 1г, 9в, 8в, 2г, 6в, 4г, 6г, 4в, 2в, 8г.

199

Не полагаясь на очевидный характер большей сложности вариантов II и III задачи по сравнению с вариантом I, мы провели дополнительную проверку этого предположения на группе из пяти испытуемых, не принимавших участия в опытах с записью движений глаз. При этом регистрировалось общее время решения, количество ошибок, количество срывов (отказ от выполнения задачи), а также субъективные отчеты испытуемых о сложности задачи при поиске по каждому алгоритму. Все перечисленные показатели подтвердили большую сложность варианта II и III по сравнению с вариантом I.

Результаты опытов, усредненные по семи испытуемым, представлены в табл. VI. Кроме подсчета времени, в течение которого наблюдались следящие движения трех типов в процентах ко всему времени опыта, определялась также средняя скорость движения глаз в опыте в процентах к угловой скорости движения тестового изображения по экрану. Из таблицы видно, что при усложнении задачи происходит статистически достоверное увеличение выраженности следящих движений глаз I и II типов. Показатель средней скорости следящих движений в течение всего опыта оказался также чувствительным к сложности решаемой задачи.

Результаты этой серии, помимо того, что они подтвердили результаты серии I, представляют интерес с точки зрения обсуждаемой в этом параграфе гипотезы еще в одном отношении. Если в I серии при решении арифметической задачи отыскание очередной цифры для совершения следующего действия не представляло особенного труда и потеря объекта из

поля зрения не нарушала существенно деятельность в целом, то в серии II оптимальным для успешного решения задачи поиска цифр было бы постоянное удержание объекта в центральном поле зрения, и даже по возможности целостное восприятие таблицы, сохранение ее в оперативной зрительной памяти с целью быстрого отыскания цифры, необходимость поиска которой вычислена по алгоритму. Тем не менее, как видно из табл. VI (особенно для вариантов со сложным алгоритмом поиска), уход объекта из центрального поля зрения наблюдался систематически. Следует к тому же учесть, что из-за большой угловой величины объекта к следящим движениям III типа относились даже те, которые в экспериментах I серии относились к движениям II типа, т. е. когда линия взора отстояла от центра объекта на величину, равную угловому размеру половины объекта.

Таким образом, результаты экспериментов II серии прямо свидетельствуют о трудности совмещения перцептивной и мыслительной деятельности по крайней мере при определенном уровне интенсивности (напряженности) последней.

Серия III. В опытах этой серии была предпринята попытка интенсификации самой перцептивной деятельности, вернее, деятельности визуального плана, включающего и план воображения, представления. В качестве тест-объекта предъявляется куб с пронумерованными гранями (рис. 7, б). Испытуемого просили сказать, какое положение займет каждая грань, если куб повернуть последовательно вокруг осей X и Y на 90° или 180° . Согласно отчетам

200

наших испытуемых (в опытах принимало участие шесть человек), все они решали задачу в визуальном плане, а не с помощью формальных расчетов. Как видно из табл. VI, двигательное поведение глаза практически не отличалось от точного слежения по инструкции, а у отдельных испытуемых «привязанность» глаза к объекту была даже более сильной, чем в случае слежения по инструкции. Результаты этой серии свидетельствуют о том, что сама напряженность, интенсивность деятельности, если речь идет о деятельности, протекающей в наглядном плане, не является помехой для точных прослеживающих движений (здесь движение глаз выступает условием совершения деятельности). Нарушения в работе следящей системы возникают лишь тогда, когда перцептивная деятельность вступает в конкурирующие отношения с деятельностью мыслительной. Это особенно ярко проявилось в IV и V сериях, где включенность зрительного восприятия в структуру деятельности была сведена к минимуму.

В IV серии испытуемому предъявлялся в качестве движущегося тест-объекта столбец букв, образующих бессмысленное сочетание (рис. 7, г), и давалась инструкция придумать 10 слов, начинающихся, например, на вторую букву сверху и кончающихся на четвертую букву сверху. В этом случае испытуемому было достаточно взглянуть один-два раза на объект, а весь дальнейший процесс протекал, по всей видимости, исключительно в умственном плане, т. е. без участия зрительного восприятия. Результаты

опытов, проведенных с шестью испытуемыми (табл. VI), свидетельствуют о резком увеличении процента неточных следующих движений и о падении их средней скорости по сравнению с результатами III серии.

Задача V серии заключалась в том, чтобы проверить, является ли степень включенности зрительного восприятия в процесс основной деятельности единственным фактором, влияющим на характер следящих движений глаз, или степень сложности напряженности деятельности, не связанной с восприятием, также оказывает влияние на возможность осуществления точных следящих движений при одной и той же степени участия зрительного восприятия в деятельности.

Для этого в серии V опытов испытуемому давалась задача на смекалку, которая предъявлялась на слух, а движущееся тестовое изображение (рис. 7, а) содержало значение двух исходных условий задачи. Как и в серии IV, испытуемому было достаточно один-два раза взглянуть на объект, а дальнейшее решение задачи протекало исключительно в умственном плане. Задача на смекалку интересна тем, что для ее решения необходим элемент сообразительности, т. е. она близка к так называемым творческим задачам. Согласно существующему мнению, такие задачи требуют наиболее сильного сосредоточения для нахождения решения, и мы ожидали, что они вызовут весьма сильную отстройку от точного прослеживания.

Ниже приводится текст задачи [192, с. 194].

201

«На аэродром к прибытию самолета был выслан мотоциклист из почтового отделения. Самолет прибыл раньше установленного срока, и привезенная почта была направлена в почтовое отделение с верховым. Проехав «а» минут, верховой встретил мотоциклиста, который принял почту и, не задерживаясь, повернул обратно. В почтовое отделение мотоциклист прибыл на «в» минут раньше, чем следовало. На сколько минут раньше установленного срока самолет прибыл на аэродром?» После пересказа текста задачи испытуемому давалась инструкция: «Решите задачу при условии, что «а» равно верхнему числу примера, изображенного на экране, а «в» — нижнему числу».

Результаты опытов по шести испытуемым, принимавшим участие в сериях II, III и IV, представлены в табл. VI.

Таблица VI

Задачи

Процентное выражение времени, в течение которого наблюдались следящие движения различных типов по отношению к времени всего опыта

Средняя скорость плавных движений в % к скорости тест-объекта

I тип

II тип

III тип

Слежение по инструкции

1,3

4,5
94,2
92,4
Поиск цифр по простому алгоритму (II серия)
1,0
6,5
92,5
92
Поиск цифр по сложному алгоритму (II серия)
2,9*
12,5***
84,6**
84**
Поворот куба (III серия)
1,4
3,9
94,7
—
Придумывание слов (IV серия)
15,1***
20,9***
64,0***
66,4***
Задача на смекалку (V серия)
23,1***
25,1***
51,0***
60,4***

*, **, *** — отличия данных показателей при решении задачи от соответствующих показателей при слежении по инструкции достоверны с уровнем значимости $p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,001$ соответственно (использовался критерий Стьюдента для оценки отличия средней вариационных рядов, составленных по результатам отдельных замеров движений каждого типа).

Как видно из табл. VI, выраженность плавных движений I и II типов при решении задачи на смекалку гораздо больше, чем в задаче на придумывание слов (серия IV). Этот факт прямо свидетельствует о том, что не только степень включенности зрительного восприятия в процесс решения задачи (она была совершенно одинаковой в сериях IV и V), но и напряженность, интенсивность умственной деятельности, на фоне которой наблюдаются следящие движения глаз, определяет возможность осуществления зрительного прослеживания.

**

*

Подводя итоги всех пяти серий экспериментов, изложенных в настоящем параграфе, можно констатировать, что они позволяют дать вполне определенный ответ на поставленные вопросы. Было показано, что регуляция перцептивных циклов требует участия сознательного контроля в форме внимания со стороны субъекта.

202

В тех случаях, когда субъект занят другой деятельностью, в которую зрительное восприятие не входит в качестве важного условия ее осуществления, нарушается сама возможность реализации перцептивных циклов. Причем это происходит тем чаще и выраженность негативного влияния со стороны мышления на возможность осуществления перцептивной деятельности тем сильнее, чем большего напряжения, сосредоточенности требует конкурирующая с восприятием мыслительная деятельность. Все это дает весьма веские основания для утверждения о том, что восприятие является деятельностью в полном смысле, т. е. деятельностью субъекта, а не функцией некоторой подсистемы. Выявленная и измеренная в экспериментах связь неточных следящих движений глаз (I и II типы) со степенью напряжения мыслительной деятельности позволяет использовать их для количественной оценки активности этой деятельности.

§ 4. Влияние активности субъекта по построению познавательных гипотез на восприятие стимульного материала

В предыдущих главах мы говорили о значении процессов антиципации, преперцепции, установки, готовности к восприятию, которые имеют место до начала воздействия стимуляции, но оказывают влияние и на ход процесса восприятия. Они представляют собой вид познавательной активности, в которой реализуется подлинное движение от субъекта на объект в форме некоторого предварительного знания субъекта об объекте, без которого никакой познавательный процесс не может начаться. Довольно удачно передает суть этих познавательных образований термин Р. Грегори «объект-гипотеза» [121, с. 193]. «Действительно, мы можем сказать, что воспринятый объект — это возникающая у нас гипотеза, проверенная с помощью сенсорных данных» [120, с. 16]. Несмотря на широкое распространение этих идей, до сих пор не был проведен достаточно простой эксперимент, который позволил бы выяснить, связана ли способность субъекта к продуцированию гипотез с характеристиками процесса восприятия с точки зрения его скорости и успешности. В самом деле, если наличие объект-гипотезы является важнейшим условием совершения познавательного акта, то скорость и гибкость процесса продуцирования гипотез, качественное разнообразие их, адекватный учет контекста ситуации и другие характеристики процесса «гипотезостроения» должны влиять на сам познавательный процесс. Изучению этого вопроса и была посвящена специальная серия экспериментов, выполненных И. П. Приходько под руководством автора.

Методика. Опыты проводились на материале тактильного опознания, которое более развернуто во времени и доступно объективному наблюдению по сравнению со зрительным или слуховым восприятием [12]. В качестве тест-объектов использовались пять предметов: стеклянный фужер, банка из-под кофе, елочная стеклянная игрушка, флакон из-под чернил, керамическая фигурка в виде рога. Все предметы подбирались с приблизительно сходной поверхностью

203

по фактуре, чтобы основным дифференцирующим признаком служила форма предметов. В ходе предварительных экспериментов в каждом предмете были выделены участки (стороны), обладающие большей или меньшей информативностью, — по пять в каждом предмете. Чтобы максимально развернуть процесс опознания испытуемым, объекты предъявлялись через ограничитель (вырез в картоне), так что в каждой отдельной пробе испытуемый мог ознакомиться лишь с одной стороной или выступающей частью предмета. Последовательность предъявлений строилась таким образом, чтобы испытуемый переходил от менее информативных признаков к более информативным; каждый объект предъявлялся пятью различными способами (пять стадий опознания). Время каждой пробы составляло 4—5 с, в остальном действия испытуемого по ощупыванию выступающей из ограничителя части фигуры свободны. Одна и та же сторона объекта может быть предъявлена по просьбе испытуемого несколько раз. Процесс опознания происходит до правильного и уверенного опознания предмета испытуемыми или отказа от выполнения задания. Время каждой пробы измерялось с помощью секундомера, ход всего опыта (речевые реакции испытуемых) записывался на магнитофон. В основной серии опытов участвовало 20 испытуемых, студентов 4—5 курсов. Перед началом опыта и после каждой пробы у испытуемого спрашивали, какие, по его мнению, предметы могут быть предъявлены для опознания.

Результаты и их обсуждение. Количественные результаты эксперимента представлены в табл. VII.

Общее число проб определяется числом предметов (5) и числом способов их предъявления, открывающих новые информативные признаки (5). Поэтому минимальное число проб составляло 25, но по просьбе испытуемого некоторые предъявления повторялись по нескольку раз. Пять разных способов предъявления фигуры через вырез в картоне одновременно означали пять стадий опознания. В некоторых случаях испытуемые опознавали объект уже на второй стадии, в некоторых лишь на пятой стадии, а иногда не опознавали вообще (прочерки в четвертой строке таблицы). Знаком (") помечены случаи, когда реально предъявляемый для опознания предмет был назван среди тех, которые испытуемый ожидал, что ему предъявят в эксперименте. Успешность опознания таких предметов в целом значительно выше. В пятой строке таблицы приведен коэффициент успешности опознания всех объектов в целом в зависимости от стадии опознания «Р». Он представляет собой сумму баллов, присваиваемых за

опознание на первой стадии — 10, на второй — 8, третьей — 6, четвертой — 4, пятой — 2 балла. В нижней строке таблицы представлен коэффициент «К», характеризующий среднее количество гипотез, выдвигаемых испытуемым за одну пробу.

По результатам, приведенным в таблице, были подсчитаны коэффициенты корреляции между показателем «Р», характеризующим успешность процесса опознания, и показателем «К», характеризующим «продуктивность» процесса гипотезостроения — число гипотез относительно ожидаемого тест-объекта, сформулированных в среднем за одну пробу. Коэффициент ранговой корреляции, где d — разность между рангами, а n — число испытуемых, оказался равным +0,88, а коэффициент корреляции r , вычисляемый по формуле

204

где x_i и y_i — отдельные значения коррелируемых рядов; n — величина рядов (число испытуемых), оказался равным +0,85 при уровне значимости $p \leq 0,001$.

Подсчитано также, что успешность опознания объектов, которые были названы испытуемым перед началом опыта как ожидаемые (т. е. когда объект как бы угадывался испытуемым), была гораздо выше по сравнению с остальными объектами. Различие это было статистически достоверным на уровне значимости $p \leq 0,001$ по критерию Стьюдента. Именно здесь наблюдали единственный случай, когда объект был опознан уже на первой стадии, т. е. после предъявления первого же информативного признака.

Наибольшее число случаев неопознания (прочерки в табл. VII) приходится на предмет «керамическая фигурка в форме рога», который относится к наиболее редко встречаемым предметам и поэтому трудно антиципируемым. Из качественных особенностей протекания опытов следует отметить, что все испытуемые проявляли высокую включенность в эксперимент, сохраняли стойкий интерес и внимание на протяжении всех опытов. У некоторых испытуемых обнаруживались синестезии — наряду с тактильными ощущениями, они описывали и цветовые ощущения, возникающие при ощупывании предметов. При выдвижении испытуемыми после первых проб совершенно неадекватных гипотез о предъявляемых объектах часто наблюдалось, что в следующей пробе испытуемые выражали сомнение, тот ли объект предъявлялся им, что и в предыдущей пробе, хотя по условиям опыта им сообщалось, что один и тот же объект будет предъявляться вплоть до полного опознания. Такое «неподтверждение» предшествующей гипотезы часто сопровождалось эмоциональными восклицаниями типа «странно», «вот как», «ух ты» и т. п. Изредка наблюдались случаи «отчуждения» чувственных впечатлений при отсутствии адекватной объект-гипотезы, аналогичные тем, что описаны Д. Н. Узнадзе [404, с. 34—37].

Основным и новым результатом опытов, описанных в настоящем параграфе, является установление сильной связи между количественной

характеристикой процесса гипотезостроения (число гипотез, выдвигаемых испытуемым в среднем за одну пробу) и успешностью опознания объектов. Этот факт позволяет говорить о важной роли, которую играют в механизме восприятия процессы так называемой преперцепции, или опережающего отражения. При этом выявляется не только содержательная связь между этими процессами (наличие актуализированной объект-гипотезы резко сокращает время опознания), но и формально динамическая связь. Ведь скорость и разнообразие генерируемых гипотез может выступить в качестве устойчивой характеристики познавательной

205

сферы личности, по крайней мере в определенных предметных областях.

В этом смысле представляет интерес предварительный результат, свидетельствующий о связи коэффициента «К» с творческой направленностью личности, которая была обнаружена в наших экспериментах. Был проведен опрос научных руководителей студентов 4—5 курсов, принимавших участие в опытах в качестве испытуемых, с точки зрения оценки меры творчества, которую проявили студенты в ходе работы над дипломными и преддипломными проектами. Оценка делалась очень грубо, по трехбалльной шкале. В результате было обнаружено статистически достоверное различие между средними показателями коэффициента «К» для группы «творческих» и «нетворческих» студентов (студенты, получившие средние и неопределенные оценки, из рассмотрения были исключены; различие средних показателей коэффициента «К» для крайних групп достоверно с уровнем значимости $p \leq 0,01$ по критерию Стьюдента).

Таблица VII

№ исп.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

Сумма проб

36

47

36

36

35

38

37

41

57

32

37

40

42

45

47

44

43

48

46

51

Общее число гипотез

36

44

40

45

37

41

36

38

53

47

37

35

38

38

35

38

39

37

25

36

Стадии узнавания предметов

2

3
4
5
5
—
—
—
—
2"
2"
2"
2
5
2
4
4
5
—
5
5
—
4
—
4
3
4
4
—
2"
2"
5
4
5
—
—
4
4
4
3
4
3"
3"
4
4
2"

4"
1"
—
—
3"
5
5
5
5"
5
3"
4
5
5
3
4
3
3"
3"
3
2"
—
—
4
3
3"
5
3"
—
—
3
4
4"
5
—
—
—
—
—
—
2
5
—
—
—
—
3"
—

—
—
—
—
3
3
—
—
—

Κοэф. «P»

20
16
20
20
18
20
16
14
0
26
28
18
16
12
10
12
26
14
10
12

Κοэф. «K»

1,0
0,936
1,11
1,28
1,06
1,08
0,97
0,926
0,929
1,47
1,37
0,87
0,94
0,84

0,74

0,86

1,18

0,77

0,76

0,90

Аналогичные результаты описаны в уже цитировавшейся работе М. С. Роговина, А. В. Соловьева и Л. П. Урванцева. При оценке квалификации врачей-диагностов, работающих с рентгеновскими снимками, было обнаружено, что особенности визуального поиска очагов патологии не позволяют дифференцировать опытных врачей-рентгенологов от специалистов, работающих в других областях медицины. Зато уровень квалификации и соответственно успешность поиска таких очагов были

206

прямо связаны с числом выдвигавшихся диагностических предположений [336, с. 17].

Изложенные в этом параграфе данные позволяют надеяться, что характеристики процесса «гипотезостроения» как с его содержательной, так и формально-динамической сторон (количество, разнообразие и скорость продуцирования гипотез и т. д.), откроют новые пути для изучения детерминант познавательных процессов, протекающих в форме деятельности.

207

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во введении был сформулирован целый ряд «трудных» вопросов современной теории восприятия и описаны парадоксы, к которым приводит неадекватное решение этих вопросов. В тексте книги мы попытались показать, что многие проблемы могут быть сняты, если рассматривать процесс построения образа не как начинающийся с воздействия внешней стимуляции на органы чувств человека, а как такой процесс, начальным звеном которого в функциональном плане является система познавательных гипотез, непрерывно генерируемых субъектом относительно внешнего окружения. Целостная система таких гипотез, строящихся на разных уровнях, и составляет образ мира человека, который вносит главный вклад в процесс формирования образа любого предмета или явления, выступая в качестве исходного пункта и результата отдельного познавательного акта. Такие функции образа мира делают его участие в процессе психического отражения реальности наиболее важной формой проявления познавательной активности субъекта, превращающей высшие уровни психического отражения в подлинную предметную деятельность.

Именно через образ мира осуществляется решающее влияние общественно-исторического опыта, результатов общечеловеческой практики на познавательную деятельность индивида. Важное место отводится в работе обоснованию материалистического понимания источников познавательной активности субъекта, «активных» составляющих психического образа.

Только понимание образа мира как имеющего социальную и деятельностную природу позволяет интерпретировать психический образ как результат деятельности субъекта и одновременно как форму отражения объективной реальности. Показано, что в современной психологии и философии все более определенно утверждается взгляд на процесс отражения как процесс порождения, который вместе с тем не является произвольным конструированием. Адекватность отражения объясняется объективным характером общественного и исторического опыта, зафиксированного в образе мира человека, а также обеспечивается постоянной «компарацией» строящегося образа с реальными событиями на сенсорном «входе», вариация которого достигается участием эффекторных систем в любом акте психического отражения. Поэтому особенно велика роль в построении «ядерных» структур образа мира, которые являются надмодальными или амодальными, чувственной ткани самого движения (биодинамическая ткань).

Ведущее значение целостного образа мира и обеспечивающих эту целостность его ядерных структур определяется тем, что они позволяют получить знания о сущности, а не только о том, каким является нам та или иная вещь, то или иное событие. Но сущностное знание есть системное знание [206, с. 46], следовательно,

208

для отражения сущности вещи нужно выйти за пределы этой вещи, отразить те связи и отношения, в которых она проявляет себя особым только ей свойственным способом. Но эти связи и отношения не воспроизводятся сколько-нибудь полно в актах чувственного восприятия. Поэтому отражение существенного, того, что стоит за вещью и не дано актуально, требует включения ее чувственной копии в целостный образ мира, который, будучи системным по самой своей природе, воспроизводит характером связей и отношений между составляющими его элементами связи и отношения данной вещи с другими вещами и явлениями.

Однако вопрос о том, в какую систему включить тот или иной продукт чувственного отражения, не может быть решен на основе самого состава чувственных данных. Существенное не может быть просто извлечено из чувственности за счет ее бесконечно сложной переработки. Оно как бы привносится в чувственную копию вещи исходя из общего контекста деятельности и образа мира с помощью механизма генерации познавательных гипотез.

Длительное доминирование стимульной парадигмы привело к тому, что центр тяжести в изучении функционирования познавательных процессов пришелся на ту их часть, которая начинается с получения чувственных данных и их переработки (в случае восприятия и памяти) или с восприятия условий некоторой задачи и ее последующего решения (при изучении мышления). Не подлежит сомнению правомерность и необходимость изучения этих процессов, так же как и значимость результатов, полученных на этом пути. Но нельзя полностью понять и изучить некоторый процесс, выдавая одно его звено за целое.

Л. А. Венгер называет этот процесс «активным подстраиванием». «Все имеющиеся материалы по генетическому и функциональному развитию восприятия, в том числе и наши, показывают, что построение образа невозможно без воссоздания свойств воспринимаемого объекта из материала, имеющегося в распоряжении субъекта, как бы перевода этих свойств на доступный ему язык. С другой стороны, получено достаточно экспериментальных подтверждений того, что воссоздание это осуществляется путем активного «прилаживания», «подстройки» этого материала к особенностям воздействия» [78, с. 75]. Отсюда следует, что детерминация процессов, лежащих в основе построения образа, опосредована выработкой и проверкой некоторых перцептивных гипотез [78, с. 54].

Такая конструктивная активность, как отмечает Б. Ф. Ломов, иногда понимается как не связанная с отражением, и законы отражения вступают в силу лишь на заключительном этапе сопоставления полученного продукта с реальным объектом [240, с. 117]. С нашей точки зрения, предварительное конструирование познавательной гипотезы как основы образа есть также отражение. Но это не прямое отражение сиюминутного окружения, а отражение более глубоких и существенных закономерностей объективной

209

реальности, опосредованное знаниями и средствами, добытыми в индивидуальном опыте и в ходе культурно-исторического процесса. Познавательная деятельность такого рода, как мы отмечали в четвертом параграфе первой главы, замещает практическую деятельность коллективного субъекта, результаты которой должны входить в самую плоть любого познавательного акта.

В работе мы пытались показать, что образ мира играет определяющую роль в инициации познавательного процесса, регулирует его ход, а также вносит главный вклад в результат, который мы получаем по завершении познавательного акта, поскольку этот результат представляет собой генерированную образом мира и апробированную проксимальным стимулом и деятельностью познавательную гипотезу. Таким образом, начиная изучение познавательного акта с момента воздействия стимула, мы отсекаем от него важнейшую составляющую, которую можно сравнить с подводной частью айсберга, имеющей большую величину, чем его выступающая часть.

Обычно стимул привносит лишь некоторое частное изменение в образ мира как целое и часто изучается именно эта Δ образа мира, а не модифицированный образ мира как результат познавательного акта. Поэтому центр исследовательских программ должен быть перенесен на изучение предсуществующего по отношению к любому познавательному акту образа мира и его влияния на характер и результат познавательного процесса. Частично это осуществляется в тех исследованиях, когда некоторое познавательное образование предварительно формируется, а затем изучается его функционирование, актуализация в ответ на внешнее воздействие

Разумеется, образ мира проявляет себя и доступен частичному изучению в ситуации принятия субъектом — испытуемым некоторой задачи в ответ на

требования экспериментатора прореагировать определенным образом на ту или иную стимульную ситуацию. Но здесь образ мира изучается именно как реактивно функционирующее образование, для которого к тому же задано извне определенное направление реагирования. Такое направление обычно задается инструкцией испытуемому, при этом исследователь часто наивно полагает, «что процесс протекает совершенно также, как если бы он возник сам собой, без инструкции» [90, 3, с. 53—54].

Поэтому одной из самых актуальных задач современного этапа исследований познавательных процессов является изучение образа мира в его подлинно активном функционировании в качестве источника познавательных гипотез на всех уровнях. Например, при исследовании мышления, прежде чем давать задачу испытуемому, необходимо выяснить, какова его система ожиданий того, что ему в принципе может предложить экспериментатор или учитель, какова система его содержательных ожиданий и как они меняются по мере предъявления условий задачи. Степень опережающего отражения определит скорость и успешность ее решения.

210

Часто мы можем предугадать не только вопрос, но и сам ответ задачи. Собственно задача бывает понята до конца, лишь когда мы получаем или антиципируем ответ.

Важный вклад в изучение активных составляющих познавательного процесса вносят исследования влияний эмоций, мотивов, интересов, установок (и это отражено в соответствующих разделах литературного обзора), однако каждый из этих факторов рассматривается, как правило, изолированно, а не в комплексе их влияний на образ мира человека, т. е. чаще всего предполагается их прямое, а не опосредованное влияние — через модификацию целостного образа мира.

Поэтому речь идет о том, чтобы изучать влияние, идущее от образа мира, предшествующее воздействию релевантного стимула, несущего информацию об объекте, процесс познания которого мы хотим изучить.

Специальной задачей является изучение глобальных характеристик образа мира, выделение их типов с точки зрения соотношения вклада разных уровней в генерацию познавательных гипотез, изучение степени дифференцированности этих гипотез в разных областях предметного мира, глубины гипотез (как меры предвидения, забегания вперед); чувствительности к рассогласованию ожидания, материализованного в познавательной гипотезе, с тем, что реально имеется на входе (критерии смены, модификации гипотез).

Пожалуй, наиболее простой в методическом плане задачей является исследование, так сказать, динамической стороны функционирования образа мира. Сюда, в частности, относятся такие показатели, как скорость выдвижения гипотез, их количественное и качественное разнообразие, лабильность — легкость смены и перехода к гипотезам существенно отличающимся от предыдущей, влияние сознательной тренировки, упражнений в формулировании гипотез на успешность осуществления

деятельности и т. п. Можно оценивать различия в, условно говоря, спонтанном (без специального требования) продуцировании гипотез в той или иной ситуации и по требованию экспериментатора (мера познавательной инициативы субъекта). Данный прием был нами использован в последнем цикле экспериментальных исследований, описанном в четвертой главе.

Изложенные представления о функциональной структуре познавательных процессов имеют прямой выход на ряд прикладных психологических проблем, прежде всего в обучении. В «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» ставится задача совершенствования форм и методов обучения, повышения познавательной активности учащихся. Необходимо эффективнее использовать технические средства обучения, в том числе экранно-звуковые, в которых большую роль играет образная информация.

В контексте этих задач и с учетом сформулированных в работе положений об активной природе психического образа нами

211

совместно с Л. С. Зазнобиной, научным сотрудником НИИ школьного оборудования и технических средств обучения АПН СССР, был разработан план психолого-педагогического эксперимента, призванного повысить эффективность восприятия учебных фильмов и диафильмов по курсу химии в средней школе. Основной методический прием заключался в направленном стимулировании содержательных ожиданий учащихся в отношении предстоящего фильма. Это осуществлялось в ходе предваряющего показ фильма 15-минутного обсуждения учителем и учениками специально подобранных вопросов (вариант I) или путем демонстрации видеозаписи такого обсуждения, проведенного другими учащимися в форме беседы «за круглым столом» без участия учителя (вариант II). Эффективность восприятия фильма контролировалась через домашние сочинения, в которых учащиеся отвечали на вопросы по материалам фильма.

Результаты предварительных экспериментов, проведенных Зазнобиной в нескольких московских школах, свидетельствуют о значительном улучшении усвоения материалов фильмов и диафильмов учениками «экспериментальных» классов по сравнению с контрольными классами, где предваряющие показ фильма беседы велись по традиционной методике. При этом особенно резко улучшилось восприятие фильмов во втором варианте, когда система содержательных ожиданий активизируется не учителем, а сверстниками. Меньшая информативность и дидактичность такой беседы компенсируется большим эмоциональным сопереживанием, чувством сопричастности к происходящему на экране. Любопытно в этой связи, что заведомо неадекватные, «глупые» высказывания, которые позволяют себе школьники в ходе беседы «за круглым столом», не меньше, если не больше усиливают познавательную активность учащихся, чем те, в целом верные, но достаточно общие, положения, которые хорошо вписываются в систему уже существующих ожиданий и не «расшатывают» сложившийся образ мира, не стимулируют его перестройку.

Несмотря на предварительный характер полученных данных, они еще раз подтверждают прикладное значение такой, казалось бы, сугубо теоретической проблемы, как проблема активной или реактивной природы познавательного психического образа. Если действительно «предметный образ представляет собой рефлекторный ответ» [12, с. 106], то главное внимание должно быть уделено организации внешних воздействий, а активность может рассматриваться лишь в качестве условия получения образа. Если же «человек осваивает мир в формах своей деятельности» [41, с. 81], то прежде всего необходимо вызвать к жизни эту деятельность, а затем придать ей адекватное содержание. Без этого никакая организация внешних стимульных воздействий не обеспечит формирование психического образа.

212

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983.
5. Абдильдин Ж. М., Балгимбаев А. С. Диалектика активности субъекта в научном познании. Алма-Ата, 1977.
6. Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
7. Августин. Творения, ч. 2. Киев, 1901—1905.
8. Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М., 1960.
9. Ананьев Б. Г. Теория ощущений. Л., 1961.
10. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды, т. 1, 2. М., 1980.
11. Ананьев Б. Г. Сенсорно-перцептивная организация человека. — В кн.: Познавательные процессы. Ощущения, восприятия. М., 1982, с. 7—32.
12. Ананьев Б. Г., Веккер Л. М., Ломов Б. Ф., Ярмоленко А. В. Осознание в процессах познания и труда. М., 1959.
13. Ангелова Я. Г. Активность субъекта в формировании познавательного образа. — Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1979.
14. Андреева Г. М. К построению теоретической схемы исследования социальной перцепции. — Вопросы психологии, 1977, № 2, с. 3—14.
15. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Современная социальная психология на Западе. М., 1978.
16. Анохин П. К. Избранные труды. М., 1979.
17. Антология мировой философии. Т. 1, ч. I, II. Философия древности и средневековья. М., 1969.
18. Анцыферова Л. И. О диалектической концепции онтогенетического развития. — Предисловие к книге А. Валлона «Психическое развитие ребенка». М., 1967, с. 3—18.
19. Анцыферова Л. И. Принцип связи психики и деятельности и методология психологии. — В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 57—117.

20. Анцыферова Л. И. К проблеме изучения исторического развития психики. — В кн.: История и психология. М., 1971, с. 63—89.
21. Анцыферова Л. И. О некоторых новых методологических тенденциях в современной зарубежной психологии. — Вопросы психологии, 1976, № 5, с. 55—69.
22. Арбиб М. Метафорический мозг. М., 1976.
23. Аристотель. Сочинения, т. 1. М., 1976.
24. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1974.
25. Арнхейм Р. Образ и мысль. — В кн.: Зрительные образы: феноменология и эксперимент (сборник переводов), часть I. Душанбе, 1972, с. 31—50.
26. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М., 1980.
27. Артыков Д. Р., Пископель А. А. Философия «радикального бихевиоризма» — завершающий этап развития концепции Б. Ф. Скиннера. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1981, № 4, с. 48—59.
28. Асмолов А. Г. Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее. — В кн.: Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977, с. 60—110.
29. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М., 1979.
213
30. Асмолов А. Г. Основные принципы психологической теории деятельности — В кн.: А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983, с. 118—128.
31. Асмус В. Ф. Кант. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962, с. 419—427.
32. Асмус В. Ф. Античная философия. М., 1976.
33. Асмус В. Ф. Трактат о душе. — В кн.: Аристотель. Сочинения, т. 1. М., 1976, с. 50—62.
34. Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения. М., 1980.
35. Ахлибинский Б. В. Ленинская теория отражения и кибернетика. Л., 1969.
36. Бавро Н. И., Назаров А. И. Об одной сенсорной иллюзии. — Вопросы психологии, 1978, № 2, с. 43—50.
37. Базылевич Т. Ф. Моторные вызванные потенциалы в дифференциальной психофизиологии. М., 1983.
38. Балонов Л. Я. Последовательные образы. Л., 1971.
39. Бассин Ф. В. Проблема бессознательного. М., 1968.
40. Басов М. Я. Избранные психологические произведения. М., 1975.
41. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип. — В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1969, с. 73—144.
42. Батищев Г. С. Опредемчивание и распредмечивание. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 154—155.
43. Бауэр Т. Психическое развитие младенца. М., 1979.

44. Бахман Т. Когнитивные контуры: примеры и гипотезы. — Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 16. М., 1978, с. 151—167.
45. Бернштейн Н. А. О построении движений. М., 1947.
46. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
47. Беспалов Б. И. Действие. Психические механизмы визуального мышления. М., 1984.
48. Бжалава И. Т. Психология установки и кибернетика. М., 1966.
49. Блонский П. П. Психологические очерки. М., 1927.
50. Блонский П. П. Избранные психологические произведения. М., 1964.
51. Блонский П. П. Избранные педагогические и психологические сочинения, т. 1, 2. М., 1979.
52. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д, 1983.
53. Бодалев А. А. Личность и общение. М., 1983.
54. Бом Д. Роль инвариантов в восприятии. — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию, М., 1975, с. 172—181.
55. Борисова Е. М. Соотношение психофизиологических компонентов профпригодности и эффективности труда ткачих. — Вопросы психологии, 1973, № 3, с. 56—63.
56. Боровик В. С. Философские аспекты биологической активности. — Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1973.
57. Бороздина Л. В. О перцептивной деятельности в психофизических экспериментах. — В кн.: Восприятие и деятельность. М., 1976, с. 87—100.
58. Бродбент Д. Е. Установка на стимул и установка на ответ: два вида селективного внимания. — В кн.: Хрестоматия по вниманию. М., 1976, с. 271—281.
59. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
60. Брушлинский А. В. Культурно-историческая теория мышления (философские проблемы психологии). М., 1968.
61. Брушлинский А. В. К предыстории проблемы «сознание и деятельность». — В кн.: Проблема деятельности в советской психологии. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Часть I. М., 1977, с. 7—12.
62. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.
63. Брушлинский А. В. Деятельность, действие и психическое как процесс. — Вопросы психологии, 1984, № 5, с. 17—29.
- 214
64. Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
65. Буюева Л. П. Человек: Деятельность и общение. М., 1978.
66. Булатов М. А. Принцип активности и вопросы марксистско-ленинской теории познания. — Автореф. дис. канд. филос. наук. Киев, 1967.
67. Бутаков А. А. Основные формы движения материи и их взаимосвязь в свете современной науки. М., 1974.

68. Бэкон Ф. Сочинения, т. I. М., 1971.
69. Валлон А. Психическое развитие ребенка. М., 1967.
70. Валлон А. От действия к мысли. М., 1956.
71. Василев С. Теория отражения и художественное творчество. М., 1970.
72. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.
73. Веккер Л. М. Психические процессы, т. I. Л., 1974.
74. Величковский Б. М. Зрительная память и модели переработки информации человеком. — Вопросы психологии, 1977, № 6, с. 49—61.
75. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
76. Величковский Б. М. Образ мира как гетерархия систем отсчета. — В кн.: А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983, с. 155—165.
77. Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р. Психология восприятия. М., 1973.
78. Венгер Л. А. Восприятие и обучение. М., 1969.
79. Вертгаймер М. О гештальттеории. — В кн.: Хрестоматия по истории психологии. М., 1980, с. 84—97.
80. Вилюнас В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций (вступительная статья). — В кн.: Психология эмоций. Тексты. М., 1984, с. 3—28.
81. Винер Н. Кибернетика. М., 1983.
82. Вопросы психогигиены, психофизиологии, социологии труда в угольной промышленности и психоэнергетики. М., 1980.
83. Воронович Б. А., Плетников Ю. К. Категория деятельности в историческом материализме. М., 1975.
84. Восприятие и действие. / Ред. А. В. Запорожец. М., 1967.
85. Вудвортс Р. С. Подкрепление восприятия. — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975, с. 127—134.
86. Вундт В. Лекции о душе человека и животных. Спб., 1894.
87. Вундт В. Сознание и внимание. — В кн.: Хрестоматия по вниманию. М., 1976, с. 8—24.
88. Выготский Л. С. Эйдетика. — В кн.: Основные течения современной психологии. М.; Л., 1930, с. 180—196.
89. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
90. Выготский Л. С. Собрание сочинений, т. 1—5. М., 1982—1984.
91. Газанига М. Расщепленный человеческий мозг. — В кн.: Восприятие. Механизмы и модели. М., 1974, с. 47—57.
92. Гальперин П. Я. Умственное действие как основа формирования мысли и образа. — Вопросы психологии, 1957, № 6, с. 58—69.
93. Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1976.
94. Гальперин П. Я. Проблема деятельности в советской психологии. — В кн.: Проблема деятельности в советской психологии. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Часть I. М., 1977, с. 19—40.
95. Гальперин П. Я., Запорожец А. В., Карпова С. Н. Актуальные проблемы возрастной психологии. М., 1978.

96. Гальперин П. Я., Эльконин Д. Б. К анализу теории Ж. Пиаже о развитии детского мышления. — Послесловие к книге Дж. Флейвелла «Генетическая психология Жана Пиаже». М., 1967, с. 596—621.
97. Гегель Г. Сочинения, т. 2. М., 1971.
98. Геллерштейн С. Г. Антиципация в свете проблемы бессознательного. — В кн.: Проблемы сознания. М., 1966, с. 305—316.
99. Гельмгольц Г. О восприятиях вообще. — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975, с. 61—87.
100. Генезис сенсорных способностей / Ред. Л. А. Венгер. М., 1976. 215
101. Георгиев Ф. И. Опережающая функция сознания. — В кн.: Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966, с. 69—73.
102. Георгиева Д. Тодор Павлов и диалектика познания. М., 1983.
103. Герцен А. И. Письма об изучении природы. М., 1946.
104. Гершуни Г. В. Реакция на неосознаваемые раздражители при нарушении деятельности органов чувств. — В кн.: Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978, с. 537—553.
105. Гибсон Дж. Восприятие как функция стимуляции. — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975, с. 152—171.
106. Гибсон Дж. Дж., Гибсон Э. Дж. Перцептивное научение — дифференциация или обогащение? — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975, с. 181—197.
107. Гиппенрейтер Ю. Б. Движения человеческого глаза. М., 1978.
108. Гиппенрейтер Ю. Б., Романов В. Я. Новый метод исследования внутренних форм зрительной активности. — Вопросы психологии, 1970, № 5, с. 36—51.
109. Гиппенрейтер Ю. Б., Смирнов С. Д. Уровни следящих движений глаз и зрительное внимание. — Вопросы психологии, 1971, № 3, с. 31—45.
110. Гиппенрейтер Ю. Б., Пик Г. Л. Фиксационный оптокинетический нистагм как показатель участия зрения в движениях. — В кн.: Исследование зрительной деятельности человека. М., 1973, с. 69—83.
111. Глезер В. Д., Дудкин К. Н., Куперман А. М. Зрительное опознание и его нейрофизиологические механизмы. Л., 1975.
112. Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983.
113. Голубева Э. А. Индивидуальные особенности памяти человека. М., 1980.
114. Горбов Ф. Д. О помехоустойчивости оператора. — В кн.: Инженерная психология. М., 1964, с. 340—357.
115. Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Функциональная структура действия. М., 1982.
116. Гордон В. М., Зинченко В. П. Системно-структурный анализ познавательной деятельности. — Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 8. М., 1974, с. 24—69.
117. Горьян И. С., Меерсон Я. А., Тонконогий И. М., Цуккерман И. И. О распознавании случайных изображений при локальных поражениях коры

головного мозга. — Невропатология и психиатрия им. С. С. Корсакова. 1969, т. LXIX, вып. I, с. 73—77.

118. Гостев А. А. Актуальные проблемы изучения образного мышления. — Вопросы психологии, 1984, № 1, с. 114—119.

119. Грановская Р. М. Восприятие и модели памяти. Л., 1974.

120. Грегори Р. Л. Глаз и мозг. М., 1970.

121. Грегори Р. Л. Разумный глаз. М., 1972.

122. Грэхм Ч. Х. Зрительное восприятие. — В кн.: Экспериментальная психология / Ред. С. С. Стивенс, т. II. М., 1963, с. 445—507.

123. Губанов Н. И. К проблеме активности и социальной обусловленности чувственного отражения. — Вопросы философии, 1984, № 2, с. 60—69.

124. Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М., 1972.

125. Давыдов В. В. Категория деятельности и психического отражения в теории А. Н. Леонтьева. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1979, № 4, с. 25—41.

126. Давыдов В. В. Ленинские идеи о взаимосвязи диалектики и психологии. — Вопросы психологии, 1980, № 2, с. 20—28.

127. Давыдов В. В., Зинченко В. П., Талызина Н. Ф. Проблема деятельности в работах А. Н. Леонтьева. — Вопросы психологии, 1982, № 4, с. 61—69.

128. Давыдова Г. А. Творчество и диалектика. М., 1976.

129. Декарт Р. Рассуждение о методе. М., 1953.

130. Дельгадо Х. Мозг и сознание. М., 1971.

131. Деятельность. — В кн.: Философский словарь. М., 1980, с. 91—92.

132. Джемс У. Внимание. — В кн.: Хрестоматия по вниманию. М., 1976, с. 50—65.

216

133. Джон Е. Р. Нейрофизиологическая модель целенаправленного поведения. — Психологический журнал, 1981, т. 2, № 1, с. 82—97.

134. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

135. Добрынин Н. Ф. Об активности сознания. — В кн.: Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966, с. 176—185.

136. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления. — В кн.: Психология мышления. М., 1965, с. 86—235.

137. Душков Б. А., Чудинов В. А. Психика и классификация уровней отражения действительности. — Психологический журнал, 1980, т. 1, № 5, с. 93—103.

138. Дюркгейм Э. Социология и теория познания. — В кн.: Хрестоматия по истории психологии. М., 1980, с. 212—235.

139. Егорова М. С. Проблема зависимости — независимости от поля и возможность ее исследования в генетике поведения. — Вопросы психологии, 1981, № 4, с. 161—168.

140. Жане П. Эволюция памяти и понятие времени. — В кн.: Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М., 1979, с. 85—92.

141. Ждан А. Н. Вильгельм Вундт. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1979, № 3, с. 72—80.
142. Ждан А. Н. К. Маркс и психологическая наука. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1983, № 3, с. 3—12.
143. Ждан А. Н. Методологические и теоретические вопросы психологии в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1984, № 4, с. 3—12.
144. Забродин Ю. М., Лебедев А. Н. Психофизиология и психофизика. М., 1977.
145. Забродин Ю. М., Шаповалов В. И. Субъективные характеристики сенсорного процесса. — Психологический журнал, 1983, т. 1, № 3, с. 21—31.
146. Завалишина Д. Н., Ломов Б. Ф., Рубахин В. Ф. О системном строении когнитивных процессов. — В кн.: Психологические проблемы переработки знаковой информации. М., 1977, с. 49—57.
147. Завалова Н. Д., Пономаренко В. А. Специфика психического образа, регулирующего действия человека в условиях искаженной афферентации. — Вопросы психологии, 1984, № 2, с. 26—34.
148. Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960.
149. Запорожец А. В. Развитие восприятия и деятельность. — В кн.: Восприятие и действие. Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Симпозиум 30. М., 1966, с. 35—44.
150. Запорожец А. В. Проблема генезиса, функций и структуры перцептивных действий. — В кн.: Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов СССР, т. I. М., 1968, с. 122—126.
151. Запорожец А. В., Зинченко В. П. Восприятие, движение, действие. — В кн.: Познавательные процессы. Ощущения, восприятия. М., 1982, с. 50—80.
152. Запорожец А. В., Эльконин Д. Б. Вклад ранних исследований А. Н. Леонтьева в развитие теории деятельности. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1979, № 4, с. 14—24.
153. Зейгарник Б. В. Патопсихология. М., 1976.
154. Зинченко В. П. Методологические проблемы психологического анализа деятельности. — В кн.: Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 8. М., 1974, с. 3—23.
155. Зинченко В. П. Продуктивное восприятие. — Вопросы психологии, 1971, № 6, с. 27—42.
156. Зинченко В. П. Установка и деятельность: нужна ли парадигма? — В кн.: Бессознательное. Природа, функции, методы исследования, т. I. Тбилиси, 1978, с. 133—145.
157. Зинченко В. П. От генезиса ощущений к образу мира. — В кн.: А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983, с. 140—149.
158. Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю. Формирование зрительного образа. М., 1969.

159. Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Об объективном методе в психологии. — Вопросы философии, 1977, № 7, с. 109—125.
160. Зинченко В. П., Мунипов В. М. Основы эргономики. М., 1979.
161. Зинченко В. П., Мунипов В. М., Гордон В. М. Исследование визуального мышления. — Вопросы психологии, 1973, № 2, с. 3—14.
162. Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983.
163. Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961.
164. Зинченко П. И. Некоторые проблемы психологии памяти. — В кн.: Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Память и деятельность. Симпозиум 22. М., 1966, с. 9—16.
165. Иванов В. П. Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев, 1977.
166. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
167. Ильенков Э. В. Идеальное. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962, с. 219—227.
168. Ильенков Э. В. Проблема идеального. — Вопросы философии, 1979, № 6, с. 128—140.
169. Ильенков Э. В. Проблема идеального. — Вопросы философии, 1979, № 7, с. 145—158.
170. Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М., 1980.
171. Ильенков Э., Давыдова Г., Лекторский А. Взаимодействие. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 1. М., 1960, с. 250.
172. Ильенков Э., Элез Й., Мотрошилова Н., Гайденко П., Туровский М. Заблуждение. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962, с. 144—147.
173. Исследование развития познавательной деятельности / Ред. Дж. Брунер и др. М., 1971.
174. Ительсон Л. Б. Парадоксы восприятия и экстраполяционные механизмы перцепции. — Вопросы психологии, 1971, № 1, с. 63—71.
175. Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974.
176. Кайдалов В. А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск, 1982.
177. Кант И. Сочинения, т. 4, ч. I. М., 1965.
178. Карл Маркс и психологическая наука в СССР (редакционная статья). — Вопросы психологии, 1983, № 2, с. 5—7.
179. Касаткина Р. Н. К вопросу о связи адекватности и активности в чувственном отражении. — В кн.: Методологические проблемы наук. М., 1969.
180. Касперович Г. И. Активность субъекта в чувственном познании как гносеологическая проблема. — Автореф. дис. канд. филос. наук. Минск, 1981.
181. Кассиль Г. Н. Наука о боли. М., 1975.
182. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981.

183. Келлер В. Некоторые задачи гештальтпсихологии. — В кн.: Хрестоматия по истории психологии. М., 1980, с. 102—120.
184. Кирилук А. С. Категория «активности», ее объективное содержание и познавательные функции. — Автореф. дис. канд. филос. наук. Киев, 1979.
185. Кирия Г. В. О роли воображения в перцепции. — Труды Тбилисского университета, 1975, № 161, с. 133—138.
186. Клацки Р. Память человека. Структура и процессы. М., 1978.
187. Клиническая психиатрия. М., 1967.
188. Колерс П. Некоторые психологические аспекты распознавания образов. — В кн.: Распознавание образов. М., 1970, с. 16—87.
189. Конопатиков Е. Ю. Активность субъекта в познании и принцип опережающего отражения действительности. — Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1980.
190. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980.
191. Конопкин О. А., Миславский Ю. И. Сенсорная чувствительность и произвольная регуляция деятельности по решению сенсорных задач. — Вопросы психологии, 1976, № 5, с. 70—84.
- 218
192. Кордемский Б. А. Математическая смекалка. М., 1955.
193. Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979.
194. Коршунов А. М. Диалектика субъекта и объекта в познании (лекции). М., 1982.
195. Коршунова Л. С. Воображение и его роль в познании. М., 1979.
196. Коссов Б. Б. Проблемы психологии восприятия. М., 1971.
197. Костандов Э. А. Влияние отрицательных эмоций на восприятие. — Вопросы психологии, 1973, № 6, с. 60—72.
198. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.
199. Коффка К. Восприятие: введение в гештальттеорию. — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975, с. 96—114.
200. Коффка К. О внимании. — В кн.: Хрестоматия по вниманию. М., 1976, с. 146—150.
201. Кравков С. В. О влиянии побочных раздражителей на функции глаза. — В кн.: Зрительные ощущения и восприятия. М., 1935, с. 86—110.
202. Кремьянский В. И. Структурные уровни живой материи. М., 1969.
203. Кремьянский В. И. К анализу понятия активности материальных систем. — Вопросы философии, 1969, № 10, с. 54—61.
204. Кристостурьян Н. Г. Категория деятельности в системе научных понятий. — В кн.: Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 10. М., 1976, с. 9—27.
205. Крупнов А. И. Психологические проблемы исследования активности человека. — Вопросы психологии, 1984, № 3, с. 25—33.
206. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976.
207. Ланге Н. Н. Психологические исследования. Одесса, 1893.

208. Ланге Н. Н. Теория волевого внимания. — В кн.: Хрестоматия по вниманию. М., 1976, с. 107—143.
209. Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984.
210. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — В кн.: Хрестоматия по истории психологии. М., 1980, с. 237—256.
211. Лекторский В. А. Принцип предметной деятельности и марксистская теория познания. — В кн.: Эргономика. Труды ВНИИТЭ. М., 1976, вып. 10, с. 60—67.
212. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
213. Лекторский В. А., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Операциональная концепция интеллекта в работах Жана Пиаже. — Предисловие к книге Ж. Пиаже «Избранные психологические труды». М., 1969, с. 9—53.
214. Лекторский В. А., Швырев В. С. Диалектика практики и теории. — Вопросы философии, 1981, № 11, с. 12—24.
215. Ленинская теория отражения и современность. София, 1969.
216. Леонтьев А. А. «Единицы» и уровни деятельности. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1978, № 2, с. 3—13.
217. Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования. — В кн.: Проблема общения в психологии. М., 1981, с. 106—123.
218. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
219. Леонтьев А. А. Творческий путь А. Н. Леонтьева. — В кн.: А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983, с. 6—39.
220. Леонтьев А. А., Леонтьев А. Н. Об одной психологической концепции чувственного познания. — Вопросы психологии, 1975, № 4, с. 3—10.
221. Леонтьев А. Н. Карл Маркс и психологическая наука. — Вопросы психологии, 1968, № 5, с. 3—16.
222. Леонтьев А. Н. Понятие отражения и его значение для психологии. — В кн.: XVIII Международный психологический конгресс, 4—11 августа 1966. М., 1969, с. 7—20.
223. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
224. Леонтьев А. Н. О путях исследования восприятия (вступительная статья). — В кн.: Восприятие и деятельность. М., 1976, с. 3—27.
225. Леонтьев А. Н. Психология образа. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1979, № 2, с. 3—13.
226. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
- 219
227. Леонтьев А. Н. Ощущения и восприятия как образы предметного мира. — В кн.: Познавательные процессы. М., 1982.
228. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения, т. 1, 2. М., 1983.
229. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1974.

230. Липер Р. Познавательные процессы. — В кн.: Экспериментальная психология / Ред. С. С. Стивенс, т. II. М., 1963, с. 274—307.

231. Лисина М. И. Развитие перцептивной деятельности у младенцев первого полугодия жизни. — В кн.: Восприятие и действие. Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Симпозиум 30. М., 1966, с. 74—77.

232. Лисина М. И. Общение со взрослыми у детей первых лет жизни. — В кн.: Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978, с. 237—253.

233. Логвиненко А. Д. Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа. — В кн. Восприятие и деятельность. М., 1976, с. 209—267.

234. Логвиненко А. Д. Зрительное восприятие пространства. М., 1981.

235. Логинова Г. П. Формирование восприятия ткачих. — В кн.: Психофизиологические вопросы становления профессионала. М., 1976, с. 57—68.

236. Ломов Б. Ф. Человек и техника. М., 1966.

237. Ломов Б. Ф. Категории общения и деятельности в психологии. — Вопросы философии, 1979, № 8, с. 34—47.

238. Ломов Б. Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения. — Психологический журнал, 1980, т. 1, № 5, с. 26—42.

239. Ломов Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии. — Психологический журнал, 1981, т. 2, № 5, с. 3—22.

240. Ломов Б. Ф. Проблема психического отражения в трудах А. Н. Леонтьева. — Психологический журнал, 1983, т. 4, № 3, с. 115—125.

241. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

242. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М., 1980.

243. Лоскутов В. В. Наблюдение как процесс. — В кн.: Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. Часть I. Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М., 1983, с. 174—175.

244. Лукьянов Н. Ф. Сущность категории «свойство». М., 1982.

245. Лурия А. Р. Мозг человека и психические процессы. М., 1963.

246. Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. М., 1968.

247. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. М., 1973.

248. Лурия А. Р. Ощущения и восприятие (Материалы к курсу лекций по общей психологии), вып. II. М., 1975.

249. Лурия А. Р. Внимание и память (Материалы к курсу лекций по общей психологии), вып. III. М., 1975.

250. Ляхова Л. Н. Отражение и активность материи. Саратов, 1979.

251. Мамытов М. Проблема активности и адекватности отражения в марксистской гносеологии. — Автореф. дис. канд. филос. наук. Ташкент, 1980.

252. Мантатов В. В. Образ, знак, условность. М., 1980.
253. Маргулис А. В. Диалектика деятельности и потребностей общества. Белгород, 1972.
254. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981.
255. Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М., 1972.
256. Матюшкин А. М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности. — Вопросы психологии, 1982, № 4, с. 5—17.
257. Медведев Н. В. Теория отражения и ее естественнонаучное обоснование. М., 1963.
258. Меерсон Я. А. О мозговой организации зрительного гнозиса. — В кн.: Проблемы психофизиологии. Диагностика нарушений и восстановление психических функций человека. Часть 2. Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М., 1983, с. 377—378.
- 220
259. Межличностное восприятие в группе / Ред. Г. М. Андреева и А. И. Донцов. М., 1981.
260. Менчинская Н. А. Освободиться от влияния операционализма — принципиально важная задача. — В кн.: Проблема деятельности в советской психологии. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Часть I. М., 1977, с. 40—52.
261. Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965.
262. Мерлин В. С. Психологические воззрения М. Я. Басова (вступительная статья). — В кн.: Басов М. Я. Избранные психологические произведения. М., 1975, с. 5—25.
263. Методологические проблемы психологии в труде В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (передовая). — Вопросы психологии, 1984, № 3, с. 5—11.
264. Миллер Дж. Психолингвисты. — В кн.: Теория речевой деятельности. М., 1968. с. 245—266.
265. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.. Планы и структура поведения. М., 1965.
266. Минский М. Структура для представления знания. — В кн.: Психология машинного зрения. М., 1978, с. 240—270.
267. Миракян А. И. Константность и функциональная гибкость восприятия. — Вопросы психологии, 1983, № 4, с. 104—113.
268. Митькин А. А. Законы гештальта и фазность восприятия. — Психологический журнал, 1983, т. 4, № 6, с. 30—38.
269. Михалевская М. Б., Пржиемский Ю. Б. Об обнаружении порогового сигнала. — В кн.: Обнаружение и опознание сигнала. Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Симпозиум 16. М., 1966, с. 64—68.
270. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.

271. Мордкович В. Г. Активность как философская категория. — В кн.: Общественно-политическая активность трудящихся. Свердловск, 1970.
272. Мысливиченко А. Г. Человек как предмет философского познания. М., 1972.
273. Мэгун Г. Бодрствующий мозг. М., 1965.
274. Мясищев В. Н. Сознание как единство отражения действительности и отношения к ней человека. — В кн.: Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966, с. 126—132.
275. Надирашвили Ш. А. Психологическая природа восприятия (с позиций теории установки). Тбилиси, 1976.
276. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
277. Найсер У. Селективное чтение: метод исследования зрительного внимания. — В кн.: Хрестоматия по вниманию. М., 1976, с. 282—291.
278. Натадзе Р. Г. Воображение как фактор поведения. Тбилиси, 1972.
279. Натадзе Р. Г. К вопросу о психологической природе интермодальной общности ощущений. — Вопросы психологии, 1979, № 6, с. 49—57.
280. Натадзе Р. Г. Восприятие и установка. — В кн.: Познавательные процессы. Ощущения, восприятия. М., 1982, с. 80—88.
281. Науменко Л. К. Диалектика активности познания. — Автореф. дис. канд. филос. наук. Алма-Ата, 1963.
282. Наумов Ю. К. Активность субъекта в познании. М., 1969.
283. Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология. Тезисы докладов всесоюзной конференции. Москва, 23—25 июня 1981 г. М., 1981.
284. Наэм Дж. Психология и психиатрия в США. М., 1984.
285. Небылицин В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976.
286. Недочетова Ю. Ф., Солощенко Н. П., Францевич Л. И., Малимов И. И. К различению насекомыми расчлененности контуров фигуры. — В кн.: Вопросы бионики. М., 1967, с. 124—136.
287. Нейрофизиологические механизмы внимания. М., 1979.
- 221
288. Непомнящая Н. И. Деятельность, сознание, личность и предмет психологии. — В кн.: Проблема деятельности в советской психологии. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Часть I. М., 1977, с. 68—79.
289. Обухова Л. Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М., 1981.
290. Общая психология. / Ред. А. В. Петровский. М., 1976.
291. Огурцов А. Практика. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 340—349.
292. Огурцов А. П. От принципа к парадигме деятельности. — В кн.: Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 10. М., 1976, с. 189—239.
293. Огурцов А. П., Юдин Э. Г. Деятельность. — В кн.: Большая советская энциклопедия, т. 8. М., 1972, с. 180—181.

294. Ойзерман Т. И. Проблема активности познания в философии Канта. — Вопросы философии, 1981, № 11, с. 107—119.
295. Осгуд Ч. Значение термина восприятие. — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975, с. 57—60.
296. Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М., 1966.
297. Осорина М. В. Экспериментальное исследование образных структур на разных уровнях мыслительной деятельности. — Автореф. дис. канд. психол. наук. Л., 1976.
298. Ошанин Д. А., Конопкин О. А. (ред.) Психологические вопросы регуляции деятельности. М., 1973.
299. Ошанин Д. А., Козлов В. И. Эффекторный оперативный образ. — Вопросы психологии, 1971, № 3, с. 13—31.
300. Павлов Т. Избранные философские произведения, т. 3. М., 1962.
301. Павлов Т. Теория отражения. М., 1949.
302. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
303. Петренко В. Ф., Василенко С. В. О перцептивной категоризации. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1977, № 1, с. 26—34.
304. Петровский А. В. Проблема активности сознания в истории советской психологии. — В кн.: Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966, с. 170—175.
305. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии. М., 1984.
306. Петровский В. А. Активность субъекта в условиях риска. — Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1977.
307. Петрушенко Л. А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971.
308. Петрушенко Л. А. Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975.
309. Петрущик А. И. Творческая активность субъекта в познании. Минск, 1975.
310. Петухов В. В. К анализу концепции Л. Леви-Брюля о «первобытном мышлении». — В кн.: Новое в психологии, вып. 2. М., 1977, с. 3—22.
311. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1984, № 4, с. 13—21.
312. Петушкова Е. В. Качественные особенности отражения в неживой природе. Минск, 1963.
313. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.
314. Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. М., 1963.
315. Платон. Сочинения, т. 3 (I). М., 1971.
316. Плотников В. В. К вопросу об активной природе чувственно-непосредственного отражения действительности. Ученые записки кафедр истории КПСС, философии, политэкономии и научного коммунизма, вып. 37, ч. II. Курск, 1967.

317. Поддьяков Н. Н. Превращение исполнительных действий в ориентировочные у детей дошкольного возраста. — В кн.: Восприятие и действие. Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Симпозиум 30. М., 1966, с. 148—151.

222

318. Поддьяков Н. Н. Мышление дошкольника. М., 1977.

319. Подольский А. И. Формирование симультанного опознания. М., 1978.

320. Поликаров А. Материя и познание. София, 1961.

321. Поляков Ю. Ф. Проблемы и перспективы экспериментально-психологических исследований при шизофрении. — В кн.: Экспериментально-психологические исследования патологии психической деятельности при шизофрении. М., 1982, с. 5—28.

322. Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М., 1983.

323. Праздникова Н. В. Дифференцирование собаками и рыбами изображений по статистическим характеристикам. — В кн.: Исследование процессов переработки информации в зрительной системе. Л., 1970.

324. Прангишвили А. С. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967.

325. Прибрам К. Языки мозга. М., 1975.

326. Психологические механизмы целеобразования. М., 1977.

327. Психологический словарь. М., 1983.

328. Пузырей А. А. Смысловая регуляция пространственного образа. — Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1980.

329. Пучинская Л. М. Субъективность восприятия и вызванный потенциал. М., 1978.

330. Рево д'Аллон Г. Внимание: Схемы. — В кн.: Хрестоматия по вниманию. М., 1976, с. 176—182.

331. Редин В. С. Теория отражения и проблема творческой активности субъекта. — Автореф. дис. канд. филос. наук. Горький, 1975.

332. Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964.

333. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.

334. Рейтман У. Познание и мышление. М., 1968.

335. Рибо Т. Психология внимания. — В кн.: Хрестоматия по вниманию. М., 1976, с. 66—102.

336. Роговин М. С., Соловьев А. В., Урванцев Л. П. Уровневая структура действия. — В кн.: Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль, 1978, с. 10—21.

337. Рок И. Введение в зрительное восприятие, т. 1, 2. М., 1980.

338. Романов В. Я. Исследование свойств зрительного перцептивного процесса методом ФОКН. — В кн.: Исследования зрительной деятельности человека. М., 1974, с. 42—68.

339. Рубахин В. Ф. К вопросу о выборе гипотезы при опознании образа. — В кн.: Обнаружение сигнала. Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Симпозиум 16. М., 1966, с. 164—168.

340. Рубахин В. Ф. Психологические основы обработки первичной информации. Л., 1974.
341. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940.
342. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
343. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
344. Рудик П. А. Психология. М., 1976.
345. Руткевич М. Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск, 1970.
346. Рутман Э. М. Вызванные потенциалы в психологии и психофизиологии. М., 1979.
347. Рякин А. Н. Об отражении как всеобщем свойстве материи. Калуга, 1958.
348. Сабощук А. П. О чувственных предпосылках мышления. Кишинев, 1984.
349. Самойлов А. Ф. И. М. Сеченов и его мысли о роли мышцы в нашем познании природы. — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975, с. 9—19.
350. Светс Дж., Тэннер В., Бёрдзалл Т. Статистическая теория решений и восприятие. — В кн.: Инженерная психология. М., 1964, с. 269—335.
351. Селецкая Л. И. Тренировка функции цветоразличения. — В кн.: История советской психологии труда. Тексты. М., 1983, с. 178—180.
- 223
352. Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.
353. Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1961.
354. Симмел М. Л. Фантомная конечность. — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975, с. 368—371.
355. Скотникова И. Г. Зависимость психофизических показателей от организации деятельности субъекта. — В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Развитие эргономики в системе дизайна» 29 окт. — 2 нояб. 1979 г. Боржоми, 1979, с. 311—319.
356. Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М., 1966.
357. Смирнов А. А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.
358. Смирнов М. И. К. Маркс о «Практически-критической» деятельности и «деятельной стороне» познания. — В кн.: Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. Часть I. Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М., 1983, с. 34—36.
359. Смирнов С. Д. Психологическая теория деятельности и концепция Н. А. Бернштейна. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. 1978, № 2, с. 14—25.
360. Смирнов С. Д. Мышление как деятельность. — В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Развитие эргономики в системе дизайна» 29 окт. — 2 нояб. 1979 г. Боржоми, 1979, с. 320—322.

361. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1981, № 2, с. 15—29.

362. Смирнов С. Д. Понятие «образ мира» и его значение для психологии познавательных процессов. — В кн.: А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983, с. 149—155.

363. Смирнов С. Д. Психология образа. — В кн.: Актуальные проблемы современной психологии. М., 1983, с. 86—88.

364. Смирнов С. Н. Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. М., 1974.

365. Современная психология в капиталистических странах. М., 1963.

366. Современные проблемы теории познания диалектического материализма, т. I. М., 1970.

367. Соколов В. В. Спиноза. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, с. 112—115.

368. Соколов Е. Н. Восприятие и условный рефлекс. М., 1958.

369. Соколов Е. Н. О моделирующих свойствах нервной системы. — В кн.: Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964, с. 242—279.

370. Соколов Е. Н. Механизмы памяти. М., 1969.

371. Соколова Е. Е. Проблема целостности в психологии (лейпцигская школа). — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1982, № 4, с. 56—64.

372. Соколова Е. Е. Из истории проблемы целостности в психологии. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1984, № 3, с. 41—50.

373. Соколова Е. Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.

374. Спиноза Б. Избранные произведения, т. I. М., 1957.

375. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972.

376. Стеценко А. П. К вопросу о психологической классификации значений. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1983, № 1, с. 22—30.

377. Столин В. В. Исследование порождения зрительного пространственного образа. — В кн.: Восприятие и деятельность. М., 1976, с. 101—208.

378. Стрелков Ю. К. Микроструктурный анализ преобразований информации. — Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 3. М., 1972, с. 12—40.

379. Суворова В. В., Матова М. А. Фантомные образы бинокулярного зрения в системе межполушарных отношений. — Вопросы психологии, 1982, № 4, с. 116—123.

380. Сутро Л. Модель зрительного пространства. — В кн.: Проблемы бионики. М., 1965, с. 107—126.

381. Талызина Н. Ф. Изучение психики как деятельности. — В кн.: Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971, с. 250.

224

382. Талызина Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний. М., 1975.

383. Тарасов Г. С. Сенсорно-перцептивные процессы и личность. — Вопросы психологии, 1980, № 4, с. 60—68.

384. Теплов Б. М. Взаимодействие одновременных световых ощущений. — В кн.: Зрительные ощущения и восприятия. М., 1935, с. 2—86.
385. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
386. Тимофеева Н. В. Сущность и основные черты отражения в неживой природе. — В кн.: Проблемы отражения. М., 1969, с. 9—36.
387. Титченер Э. Б. Внимание. — В кн.: Хрестоматия по вниманию. М., 1976, с. 26—49.
388. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.
389. Тихомиров О. К. Некоторые вопросы современного изучения деятельности. — В кн.: Проблема деятельности в советской психологии. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Часть I. М., 1977, с. 79—83.
390. Тихомиров О. К. Исследования целеобразования. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1980, № 1, с. 17—26.
391. Тихомиров О. К. Вклад А. Н. Леонтьева в общую психологию. — В кн.: А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983, с. 40—53.
392. Ткаченко А. Н. Бессознательное психическое в свете исследования уровней активности поведения человека: к истории вопроса. — В кн.: Бессознательное. Природа, функции, методы исследования, т. III. Тбилиси, 1978, с. 490—499.
393. Тоидзе И. А. Опыт экспериментального изучения первичной установки. — Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1974.
394. Толмен Э. Когнитивные карты у крыс и человека. — В кн.: Хрестоматия по истории психологии. М., 1980, с. 63—82.
395. Толмен Э. Поведение как молярный феномен. — В кн.: Хрестоматия по истории психологии. М., 1980, с. 46—63.
396. Толпегин В. К. Основной закон отражения. — Автореф. дис. канд. филос. наук. Свердловск, 1974.
397. Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1967.
398. Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1971.
399. Тюхтин В. С. О природе образа. М., 1963.
400. Тюхтин В. Образ. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 111.
401. Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972.
402. Тюхтин В., Пономарев Я. Отражение. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 184—186.
403. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
404. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.
405. Украинцев Б. С. Отражение в неживой природе. М., 1969.
406. Уоллах Х. Творческое восприятие. — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975, с. 387.
407. Уолтер Г. Живой мозг. М., 1966.

408. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении. Одесса, 1926.
409. Управляемое формирование психических процессов. М., 1977.
410. Урсул А. Д. Информация, методологические аспекты. М., 1971.
411. Урсул А. Д. Отражение и информация. М., 1973.
412. Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978.
413. Фейгенберг И. М., Иванников В. А. Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движениям. М., 1978.
414. Флейвелл Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. М., 1967.
415. Фома Аквинский. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, с. 380—382.
416. Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология, вып. 1—2. М., 1966.
225
417. Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология, вып. VI. Восприятие. М., 1978.
418. Фролов И. Т. Перспектива человека. М., 1979.
419. Хольт Р. Образы: возвращение из изгнания. — В кн.: Зрительные образы: феноменология и эксперимент. Вып. 1. Душанбе, 1971, с. 51—71.
420. Хомская Е. Д. Мозг и активация. М., 1972.
421. Цветкова Л. С. Восстановительное обучение при локальных поражениях мозга. М., 1972.
422. Цимбрикевич И. С. Активность субъекта в чувственном отражении. — Автореф. дис. канд. филос. наук. Львов, 1969.
423. Чуприкова Н. И. Сознание как высшая расчлененная и системно-упорядоченная форма отражения и его мозговые механизмы. — Психологический журнал, 1981, т. 2, № 6, с. 16—27.
424. Чхартишвили Ш. Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси, 1971.
425. Шалютин С. М. Об отражении как всеобщем свойстве материи. — В кн.: Теория познания и современная наука. М., 1967, с. 74—108.
426. Швырев В. С. Задачи разработки категории деятельности как теоретического понятия. — В кн.: Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 10. М., 1976, с. 68—80.
427. Швырков В. Б. Системные механизмы «целевой» детерминации поведения. — Психологический журнал, 1980, т. 1, № 2, с. 133—137.
428. Шехтер М. С. Зрительное опознание. М., 1981.
429. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику. М., 1983.
430. Шингаров Г. Х. Теория отражения и условный рефлекс. М., 1974.
431. Шотемор Ш. Ш., Роговин М. С., Соловьев А. В., Урванцев Л. П. Некоторые психологические механизмы пространственного декодирования рентгенологической информации. — В кн.: Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 16. М., 1978, с. 168—184.
432. Штофф В. А. Моделирование и философия. М. — Л., 1966.
433. Эделмен Дж., Маунткэсл В. Разумный мозг. М., 1981.

434. Щедровицкий Г. П. К характеристике категориальных определений деятельности. — В кн.: Проблема деятельности в советской психологии. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. М., 1977, с. 83—93.
435. Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978.
436. Эльконин Д. Б. Заметки о развитии предметных действий в раннем детстве. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1978, № 3, с. 3—12.
437. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
438. Юргиленас Д. И. Теория отражения и понятие информации. — В кн.: Теория познания и современная наука. М., 1967, с. 109—137.
439. Якиманская И. С. Развитие пространственного мышления школьников. М., 1980.
440. Ябрус А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения. М., 1965.
441. Ярошевский М. Апперцепция. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 1. М., 1960, с. 84—85.
442. Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1966.
443. Ярошевский М. Г. Вопросы психологии в трудах В. И. Ленина. — В кн.: Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975, с. 118—132.
444. Ярошевский М. Г. Вопросы психологии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. — В кн.: Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975, с. 101—117.
445. Ярошевский М. Г. Психофизиология труда и зарождение принципа деятельности в советской психологии. — Вопросы психологии, 1977, № 6, с. 3—16.
446. Ярошевский М. Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М., 1981.
447. Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.
- 226
448. Allport F. N. Theories of perception and the concept of structure. N. Y., 1955.
449. Anderson J. R. The structure of cognition. L., 1983.
450. Arnheim R. Visual thinking. L., 1970.
451. Attneave F. Transfer of experience with a class-scheme to identification-learning of patterns and shapes. — Journal of experimental psychology, 1957, v. 54, p. 81—88.
452. Aspects of consciousness (ed. by G. Underwood, R. Stevens), v. 2, 3. L., 1982—1983.
453. Bartlett F. C. Remembering. A study in experimental and social psychology. Cambridge, 1932.
454. Begleiter H., Porjesz B. Evoked brain potentials as indicator of decision-making. — Science, 1975, N 187, p. 754—755.
455. Blumenthal A. The process of cognition. N. Y. — L., 1977.

456. Bobrow D. G., Norman D. A. Some principles of memory schemata. — In: Representation and understanding (ed. by D. Bobrow, A. Collins). N. Y., 1976.
457. Boring E. G. Sensation and perception in the history of experimental psychology. N. Y. — L., 1942.
458. Boring E. G. A history of experimental psychology. N. Y., 1950.
459. Broadbent D. Levels, hierarchies, and the locus of control. — *Quart. Journal of Exp. Psychology*, 1977, 29, p. 181—201.
460. Bruner J. S., Postman L. Perception, cognition and behavior. — *Journal of Personality*, 1949, 18, p. 14—31.
461. Brunswick E. Perception and the representative design of psychology experiments. Berkley — Los Angeles, 1956.
462. Brunswick E., Kamiya J. Ecological cue-validity of «proximity» and of the Gestalt factors. — *Amer. Journal of Psychology*, 1952, 66, p. 20—32.
463. Constermans J., de la Vallie P. Les effets des liaisons associatives sur le temps de dénomination verbale. — *L'Année psychologique*, 1977, 1.
464. Denis M. Les images mentales. Paris, 1979.
465. Eckblad G. Scheme theory. Conceptual framework for cognitive-motivational processes. L., 1981.
466. English H. B., English A. C. A comprehensive dictionary of psychological and psychoanalytical terms. N. Y. — Toronto, 1958.
467. Eriksen C. W., Pollack M. D., Montague W. E. Implicit speech: Mechanism in perceptual encoding. — *Journal of Experimental Psychology*, 1970, 84, p. 502.
468. Fraisse P. Le role des attitudes dans la perception. — In: *Les Attitudes. Symposium*. Paris, 1961.
469. Fraisse P. Le role de l'incertitude et de la discriminabilité dans la reconnaissance perceptive. — *L'Année psychologique*, 1967, v. 1, p. 61—72.
470. Fraisse P. Reconnaissance de l'identité physique et sémantique de dessins et de noms. — *Revue Suisse de Psychologie pure et appliquée*, 1970, 1—2, p. 76—84.
471. Gibson J. The senses considered as perceptual systems. L., 1966.
472. Halle M., Stevens K. S. Speech recognition: A model and a program of research. — In: *The structure of language: readings in the psychology of language* (ed. by J. Fodor, J. Katz). N. Y., 1964.
473. Harber R. N., Hershenson M. The psychology of visual perception. N. Y., 1981.
474. Hebb D. O. Concerning imagery. — *Psychological Review*, 1968, v. 75, 6, p. 466—477.
475. Held R. Plasticity in sensory-motor systems. — *Scientific Amer.*, 1965, 213, № 5, p. 84—94.
476. Henle M. On the relation between logic and thinking. — In: *Thinking and reasoning. Selected readings*. L., 1968, p. 93—107.
477. Hess E. Attitude and pupil size. — *Scientific Amer.*, 1965, 212, p. 46—54.
478. Hochberg J. E. Attention, organisation and consciousness. — In: *Cognitive psychology* (ed. by G. Claxton). L., 1980.

479. Hochberg J. E. Perception. New Jersey, 1978.
227
480. Holzkamp K. Sinnliche Erkenntnis — Historischer Ursprung und gesellschaftliche Funktion der Wahrnehmung. Frankfurt/M., 1973.
481. Horowitz M. Image formation and cognition. N. Y., 1978.
482. Ittelson W. H. The constancies in perceptual theory. — Psychol. Review, 1951, 58, N 4, p. 285—294.
483. Ittelson W. H., Kilpatrick F. P. Experiments in perception. — Scientific Amer., 1951, 185, p. 50—55.
484. Kahneman D. Attention and effort. — Englewood Cliffs, 1973.
485. Kilpatrick F. P. (ed.). Human behaviour from the transactional point of view. Princeton, 1952.
486. Klapp S. T. Implicit speech inferred from response latencies in same-different decisions. — Journal of Experimental Psychology, 1971, 91, p. 262—267.
487. Klapp S. T., Anderson W. G., Berrian R. W. Implicit speech in reading reconsidered. — Journal of Experimental Psychology, 1973, 100, p. 368—374.
488. Kosslyn S. M. Image and Mind. Cambridge, Mass., 1981.
489. Landauer T. K. Rate of implicit speech. — Perceptual and Motor Skills, 1962, 15, p. 646.
490. Lippman W. Public Opinion. N. Y., 1965.
491. Luchins A. S., Luchins E. H. New experimental attempts at preventing mechanization in problem solving. In: Thinking and reasoning (ed. by P. Wason, P. Johnson — Laird). L., 1968, p. 65—79.
492. Mandler J. M. Organization, memory and mental structures. — In: C Puff (ed.). Memory organization and structure. N. Y., 1979, p. 303—320.
493. Norman D. A. Twelve issues for cognitive science. — Cognitive Science, 1980, 4, p. 1—32.
494. Paivio A. A theoretical analysis of the role of imagery in learning and memory. — In: The function and nature of imagery (ed. by P. Sheehan). N. Y., 1972, p. 253—279.
495. Penfield W. The mystery of the mind. Princeton, 1975.
496. Posner M. I. Cognition: An introduction. Glenview, Illinois, 1973.
497. Potter M. C. Identification of out — of — focus pictures: Resistance to conceptual and perceptual Reorganization. — In: Detection of signals. Intern. congress of Psychology, sump. 16. M., 1966, p. 156—163.
498. Reynolds A. G., Flagg P. Cognitive psychology. Cambridge, 1977.
499. Revlin R., Leirer V., Yopp H., Yopp R. The belief — bias effect in formal reasoning: The influence of knowledge on logic. — Memory and Cognition, 1980, vol. 8 (6), p. 584—592.
500. Rumelhart D. E. Introduction to human information processing. N. Y., 1977.
501. Segal S. Assimilation of a stimulus in the construction of an image: The Perky effect revisited. — In: The function and nature of imagery (ed. by P. Sheehan), N. Y. — L., 1972, p. 203—230.

502. Shepard R. N. The mental image. — Amer. Psychologist, 1978, v. 33 (2).
503. Sperling G. Successive approximations to a model for short — term memory. — In: Memory and action. International congress of Psychology, symposium 22. M., 1966, p. 26—40.
504. Theios J. The component of response latency in simple human informational processing tasks. — Dep. of psychology, Univ. of Wisconsin, Report 74 — 1, June, 1974.
505. Treisman A. M. The psychological reality of levels of processing in human memory. Hillsdale, 1979.
506. Vernon M. D. The function of schemata in perceiving. — Psychological review, 1955, v. 62, p. 180—191.
507. Wertsch J. V. Adult-child interaction and the roots of metacognition. — Quart. newsletter of the Institute for Comparative Human Development, 1978, 1, p. 15—18.
508. Witkin H. A. Cultural influences in the development of cognitive style. — In: Cross — cultural studies. XVIII International congress of psychology. Symposium 36. M., 1966, p. 95—109.

228

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абульханова-Славская К. А. 112, 165, 166, 167

Августин 60

Анаксагор 56

Ананьев Б. Г. 29, 115—118, 120

Андреева Г. М. 106

Анохин П. К. 87, 129, 157

Анцыферова Л. И. 71, 72, 89, 118, 120, 122, 124, 125

Аристотель 58, 59, 61, 158

Арнхейм Р. 154

Артемяева Е. Ю. 162

Асмолов А. Г. 32, 102, 114, 115

Асмус В. Ф. 56

Аснин В. И. 119

Ах Н. 72

Ахлибинский Б. В. 16

Бартлетт Ф. 95

Басов М. Я. 108

Бассин Ф. В. 114

Батищев Г. С. 33—36, 41

Бауэр Т. 140

Белл Ч. 67

Бенусси В. 72

Бергсон А. 75, 80

Беркли Дж. 64

Бернштейн Н. А. 31, 55, 87, 143, 145, 150, 164, 186, 196

Берри Дж. 105

Бехтерев В. М. 107
Бжалава И. Т. 158
Бине А. 77
Бюджет 83
Блондель Ш. 88
Блонский П. П. 5, 107, 108, 155
Богомолова Н. Н. 106
Богоявленская Д. Б. 29
Божович Л. И. 119
Болдуин Д. 77
Брентано Ф. 71, 72
Бретт Дж. 60
Бродбент Д. 93, 98
Брунер Дж. 83, 84, 92, 100—102
Брунсвик Э. 83, 84, 86
Брушлинский А. В. 41, 111
Будилова Е. А. 7
Буева Л. П. 33
Булатов М. А. 26
Бэкон Ф. 62—64
Бэн А. 69
Бюллер К. 72
Валлон А. 89, 90, 106, 122
Василев С. 19
Василенко С. В. 157
Васильюк Ф. Е. 11
Вейцекер З
Величковский Б. М. 87, 92, 99, 188
Венгер Л. А. 101, 119, 208
Верной М. 95
Вертгаймер М. 73, 75
Вертч Дж. 107
Виллюнас В. К. 76
Витасек С. 72
Вудвортс Р. С. 86, 120, 122
Вундт В. 70, 76
Выготский Л. С. 74, 91, 100, 108—110, 118
Галантер Е. (Ю.) 87
Гален 59
Гальбвакс М. 88
Гальперин П. Я. 28, 30, 54, 91, 118, 119, 147
Гартли Д. 64, 69
Гегель Г. 9, 34, 66, 67
Гельвеции К. 64
Гельмгольц Г. 4, 68, 85

Георгиев Ф. И. 129
Гербарт И. 70, 77, 80
Герцен А. И. 11
Гибсон Дж. 4, 74, 94, 95, 153, 154
Гибсон Э. 5
Гиппенрейтер Ю. Б. 126, 181, 193
Гоббс Т. 63
Гольбах П. 64
Горбов Ф. Д. 198
Грегори Р. 202
Гудмен С. 84
Гуссерль Э. 71, 75
Давыдов В. В. 102, 119, 122, 165, 182, 183
Давыдова Г. А. 15
Декарт Р. 63
229
Демокрит 56
Джемс У. 77, 78, 93, 154
Дидро Д. 64
Диоген Лаэртский 59
Дункер К. 73, 75
Дьюи Дж. 77
Дюркгейм Э. 88
Жане П. 3, 89
Жбанкова И. И. 17
Ждан А. Н. 70
Завалова Н. Д. 157
Заззо Р. 106
Зазнобина Л. С. 211
Запорожец А. В. 5, 112, 118, 122
Зельц О. 73
Зинченко В. П. 11, 49, 112, 119, 122, 124, 126, 147, 150, 166, 167
Зинченко П. И. 118, 119
Ибн-Сина (Авиценна) 60
Иванов В. П. 33, 35
Иванов И. К. 169
Ильенков Э. В. 33, 47, 136
Иттельсон В. 84, 86
Кабанис П. 64
Каган М. С. 33, 35, 40, 41
Кампанелла Т. 62
Кант И. 65, 66
Карр Г. 77
Келле В. Ж. 33
Келлер В. 73, 75

Килпатрик Ф. 84
Клапаред Э. 77
Ковальзон М. Я. 33
Колерс П. 6
Кондильяк Э. 64
Корнилов К. Н. 107
Коршунов А. М. 21, 26, 47, 136
Коссов Б. Б. 41
Коул М. 107
Коффка К. 73, 74
Кречевский (Креч) Д. 83, 95
Кристостурьян Н. Г. 33, 40
Крупнов А. И. 31
Крюгер Ф. 75
Кюльпе О. 72
Ламетри Ж. 64
Ламонт К. 111
Ланге Н. Н. 78, 79, 80, 93, 116, 154
Леви-Брюль Л. 88, 103
Левин К. 73
Лейбниц Г. 64, 80
Лекторский В. А. 33, 41, 47, 136
Ленин В. И. 5, 8, 9, 15, 19, 33, 34, 42, 48, 52, 135, 151
Леонардо да Винчи 61, 62, 65
Леонтьев А. А. 7, 107
Леонтьев А. Н. 6—8, 12, 15, 20, 26, 32, 39, 79, 107, 118, 119, 122, 125, 132, 141, 144, 147—149, 153, 164
Леонтьев Д. А. 7
Леонтьева М. П. 7
Липпманн У. 6
Лисина М. И. 148
Локк Дж. 63
Ломов Б. Ф. 43, 45, 120—122, 161, 166, 208
Лукреций Кар 59
Лурия А. Р. 100, 118, 119, 159
Льюис Дж. 77
Ляхова Л. Н. 17, 27
Майер А. 72
Мамардашвили М. К. 11, 33, 49
Марбе К. 72
Маргулис А. В. 33
Маркарян Э. С. 33
Маркс К. 38, 41, 67, 110, 118
Матюшкин А. М. 54
Мегрелидзе К. Р. 130

Мейерсон И. 106
Мейнонг А. 72
Менчинская Н. А. 122, 124
Мерлин В. С. 108
Миллер Дж. 87, 92, 191
Милль Дж. С. 69
Миракян А. И. 170
Митькин А. А. 80
Морэй Н. 98
Мунипов В. М. 126
Мясищев В. Н. 162
Надирашвили Ш. А. 29, 115
Найссер (Найсер) У. 92, 96—99, 143
Натадзе Р. Г. 115
Науменко Л. К. 44
Небылицин В. Д. 55
Ньюком Т. 105
Обухова Л. Ф. 91
Огурцов А. П. 33, 61
Оллпорт Ф. 86
Осгуд Ч. 105
Павлов Т. 16, 21
Пайвио А. 160
Перки 138, 155
Петренко В. Ф. 157
Петровская Л. А. 106
Петровский А. В. 107
Петровский В. А. 31, 32
Петрушенко Л. А. 51
Пиаже Ж. 89—91, 96, 147
Платон 57, 58
Плотин 59, 60
Плутарх 56
Поддьяков Н. Н. 119, 166, 167
Политцер Ж. 106
230
Поляков Ю. Ф. 155
Пономаренко В. А. 157
Прибрам К. 87
Пристли Д. 69
Приходько И. П. 202
Пузырей А. А. 143
Пуркинье Я. 68
Пьерон А. 89
Рево д'Аллон Г. 80, 81, 95

Рейд Т. 151
Рибо Т. 77, 78
Риверс У. 103
Роговин М. С. 182, 205
Рок И. 6, 92, 153
Романов В. Я. 137
Рубахин В. Ф. 170
Рубинштейн С. Л. 8, 10, 16, 20, 24, 49, 110—112, 118, 120, 122, 147, 155,
168
Руссо Ж. 64
Руткевич М. Н. 15, 17, 27
Рыбалка В. В. 169
Сабощук А. П. 18
Сеченов И. М. 3, 68, 69, 121, 150
Скиннер Б. 81, 82
Смирнов А. А. 119, 125
Смирнов С. Н. 18—20
Соколов Е. Н. 154, 170
Соколова Е. Е. 72
Соловьев А. В. 182, 205
Спенсер Г. 69
Сперлинг Дж. 188
Спиноза Б. 31, 63
Стрелков Ю. К. 190
Стьюдент 197, 201, 204, 205
Сэв Л. 106
Талызина Н. Ф. 119, 165
Танненбаум П. 105
Тард Г. 88
Теофраст 56
Тимофеева Н. В. 16
Титченер Э. 76, 77
Тихомиров О. К. 54, 83, 161
Ткаченко А. Н. 29
Тоидзе И. А. 115, 137, 181
Толмен Э. 81—83, 86
Торндайк Э. 86
Трейсман А. 93
Трубников Н. Н. 33, 34, 39, 41
Тюхтин В. С. 18
Уатт Х. 72
Узнадзе Д. Н. 112, 114, 115, 136, 139, 151, 184, 204
Уиткин Х. 104
Уотсон Дж. 81
Урванцев Л. П. 205

Урсул А. Д. 18, 26
Ухтомский А. А. 122
Фейербах Л. 41
Фестингер Л. 105
Фихте И. 35, 66
Фома Аквинский 61
Фресс П. 95, 96, 185
Хадсон 83
Хайдер Ф. 105
Халл К. 81, 82
Хебб Д. 155
Хелд Р. 100
Хесс Е. 138
Хокберг Дж. 92
Хольт Р. 3
Хольцкамп К. 107
Цуккерман И. И. 169
Чхартишвили Ш. Н. 114
Шадриков В. Д. 161
Шарко Ж. 152
Швырев В. С. 33
Шингаров Г. Х. 23
Шмелев А. Г. 166
Штумпф К. 71
Щедровицкий Г. П. 33
Эймс А. 84, 85
Эльконин Д. Б. 91, 119, 147
Эмпедокл 56
Энгельс Ф. 125
Энджел Дж. 77
Эпикур 56, 57
Эрнфельс Х. 72
Юдин Э. Г. 33, 36
Юм Д. 64
Ярбус А. Л. 172
Ярошевский М. Г. 29, 56, 64, 68, 111
231

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

3

§ 1. Парадоксы современной теории психического образа

3

§ 2. Философско-методологические ориентиры и план работы

7

Глава I. Отражение, активность, деятельность

15	
§ 1. Отражение как категория материалистической диалектики. Соотношение понятий «отражение» и «взаимодействие»	
15	
§ 2 Содержание понятия «активность»	
26	
§ 3. Категория деятельности в марксистской философии	
33	
§ 4. Познание как высшая форма отражения. Активность познавательной деятельности	
43	
Глава II. Развитие представлений об активной природе психических образов	
54	
§ 1. Исторический очерк проблемы активности психического отражения	
56	
§ 2. Понимание познавательной активности различными школами психологии	
67	
§ 3. Разработка проблем активности психического отражения в советской психологии	
107	
Глава III. Образ и деятельность	
128	
§ 1. Стимульная парадигма функциональной структуры познавательных процессов и ее критика	
134	
§ 2. Образ мира как исходный пункт и результат любого познавательного процесса	
142	
§ 3. Соотношение реактивных и активных составляющих перцептивного и интеллектуального циклов	
151	
§ 4. Реализация принципа активности в понятии «образ мира»	
164	
Глава IV. Экспериментальные исследования некоторых аспектов активности субъекта в построении и функционировании познавательного образа	
169	
§ 1. Специфика активности субъекта при восприятии стохастических изображений	
169	
§ 2. Хронометрический анализ процессов построения образа и его активного использования для регуляции вербального ответа	
185	

§ 3. Временные соотношения перцептивного и интеллектуального циклов познавательной деятельности и возможность количественной оценки активности субъекта в мыслительной деятельности

191

§ 4. Влияние активности субъекта по построению познавательных гипотез на восприятие стимульного материала

202

Заключение

207

Литература

212

Именной указатель

228

232

Сергей Дмитриевич Смирнов
ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗА: ПРОБЛЕМА
АКТИВНОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО
ОТРАЖЕНИЯ

Зав. редакцией Г. С. Ливанова

Редактор В. П. Пазилова

Художник В. Б. Гордон

Художественный редактор Ю. М. Добрянская

Технический редактор К. С. Чистякова

Корректоры М. И Эльмус, Л. А. Костылева

ИБ № 2090

Сдано в набор 26.03.85

Подписано в печать 30.07.85

Л-103115 Формат 60×90/16 Бумага тип. № 1

Гарнитура литературная. Высокая печать

Усл. печ. л. 14,5 Уч.-изд. л. 17,65

Тираж 8420 экз. Заказ 59

Цена 1 р. 30 к. Изд. № 4004

Ордена «Знак Почета»

издательство Московского университета

103009, Москва, ул. Герцена, 5/7

Типография ордена «Знак Почета»

изд-ва МГУ.

119899, Москва, Ленинские горы

Список опечаток

№ стр

Место на странице

Опечатка

Должно быть

Примечание

2 абзац сверху
дуффузной, смутной целостности
диффузной, смутной целостности

169

1 абзац снизу
использовозование
использование

202

1 абз. св.
перцептивной детятельности
перцептивной деятельности

202

2 абз. сн.
мы может сказать
мы можем сказать

226

Пункт 461
Brunswik E.
Brunswick E.

Сноски

Сноски к стр. 5

1 А. В. Запорожец отмечает, что «согласно принятым в нашей психологии взглядам под образом, в широком смысле, следует понимать не только конкретные, но и общие представления, а также абстрактные понятия» [148, с. 377].

Сноски к стр. 7

2 Пользуясь случаем, я приношу глубокую благодарность Маргарите Петровне, Алексею Алексеевичу и Дмитрию Алексеевичу Леонтьевым за возможность познакомиться с некоторыми материалами из архива А. Н. Леонтьева.

Сноски к стр. 18

1 Заслуживает внимания важное обстоятельство, которое отметил А. Д. Урсул: «Непризнание отражения в качестве всеобщего свойства материи неизбежно ведет к агностицизму, так как из него следует, что мы не можем получить достоверного знания о тех материальных объектах, которые непосредственно не отражаются нашими органами чувств. Чтобы воспринять как-то такие объекты, необходимо, чтобы один материальный объект воспроизводился (отражался) другим, который уже может быть отражен нашими органами чувств» [411, с. 16].

Сноски к стр. 20

2 С. Н. Смирнов обосновывает правомерность употребления термина «субъект отражения» и по отношению к любому отражающему объекту.

3 В своей последней работе «Человек и мир» Рубинштейн фактически перестал настаивать на этой формулировке: «При этом, строго говоря, внутренние условия выступают как причины (проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития, источники развития находятся в самом процессе развития как его внутренние причины), а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства» [343, с. 290].

Сноски к стр. 66

1 Наложение категорий разума на чувственные данные осуществляется согласно определенным правилам или схемам. Последнее понятие заняло центральное место во многих современных психологических теориях, хотя его содержательное наполнение не всегда аналогично тому, которое имеет место у Канта.

Сноски к стр. 76

2 У гештальтпсихологов также можно встретить положения об активности субъекта в процессах внимания (об эгообъектном характере этого процесса, см., напр.: [200, с. 149]), однако объяснение активности опять сводится к законам структуры.

Сноски к стр. 77

3 Строго говоря, Джемс был скорее предшественником функциональной психологии (Энджел, Карр, Болдуин — в США; Рибо, Бине, Клапаред — во Франции и Швейцарии). На формирование этого направления оказали влияние идеи Дьюи о первичности движений по отношению к добываемым с их помощью ощущениям. «Движения тела, головы и мускулов глаз детерминируют качество того, что испытывается. Иными словами, реальным началом является акт видения. Это усмотрение, а не ощущение света» (цит. по: [447, с. 225]). Такие, несомненно эвристичные для психологии, идеи постигла судьба многих других, акцентирующих активность познающего субъекта, — не получив материалистического объяснения, они сами стали использоваться для обоснования идеалистических и телеологических концепций [447, с. 225].

Сноски к стр. 87

4 Надо заметить, что аналогичные идеи, но значительно более детально разработанные и обоснованные, о роли обратных связей в регуляции движений и действий были выдвинуты в 30-х гг. советскими физиологами Н. А. Бернштейном [45, 46] и П. К. Анохиным [16].

Сноски к стр. 91

5 Убедительная критика его ранних взглядов на социализацию дана в начале 30-х гг. Л. С. Выготским [90, 2, с. 70—74].

Сноски к стр. 118

6 Л. И. Анциферова [19, с. 91] справедливо отмечает, что С. Л. Рубинштейн не всегда последовательно придерживался этого взгляда.

Сноски к стр. 128

1 Утверждения некоторых психологов, будто «в настоящее время общепризнанно, что отражение представляет собой сторону взаимодействия» [137, с. 93], не совсем точны. Как было показано в § 1 первой главы, многие философы считают, что отражение представляет собой самостоятельное свойство, атрибут движущейся материи, несводимый к взаимодействию [364], а некоторые отождествляют взаимодействие и отражение [347].

Сноски к стр. 137

2 Устное сообщение В. Я. Романова.

Сноски к стр. 145

3 Здесь напрашивается весьма эвристичная, на наш взгляд, аналогия между «целостным» характером изменения активно строящегося движения, по Н. А. Бернштейну, и процессом модификации образа мира. Так же как движение реагирует на изменение условий своего осуществления не изменением отдельных деталей, а меняется в целом, так что модифицируются часто далеко отстоящие друг от друга его элементы, так же целостно изменяется под влиянием ассимилированных стимулов образ мира, а не просто обогащается еще одной деталью, еще одним элементарным образом.

Сноски к стр. 147

4 Фактически существует и развивается не ребенок, а система «ребенок — мать», в которой ребенок выступает в качестве бурно развивающейся части, постепенно «выдифференцирующейся» в самостоятельное образование; образ мира матери, являясь образом мира этой системы, постепенно и частично переходит в образ мира ребенка на основе общения и совместной деятельности.

Сноски к стр. 169

1 Экспериментальные исследования этого цикла были выполнены совместно с И. И. Цуккерманом, И. К. Ивановым и В. В. Рыбалка.

Сноски к стр. 185

2 Эксперименты, описанные в этом параграфе, проведены в Университете Париж-V (Франция) под руководством проф. П. Фресса в 1974—1975 гг.

Сноски к стр. 192

3 Аналогичный эффект может быть получен за счет использования рефлекторно вызываемых движений глаз, смещающих линию взора с фиксируемого объекта в моменты пустого взора [338]. Однако для вызывания этого эффекта, называемого фиксационным оптокинетическим нистагмом, необходимо ввести движущиеся по экрану черно-белые полосы, которые затрудняют восприятие тестового изображения.

Сноски к стр. 193

4 Эксперименты этого цикла были выполнены под руководством проф. Ю Б Гиппенрейтер.